

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНАЯ
СЕРИЯ

Л. Б. Б Е М Е

ЗАПИСКИ
НАТУРАЛИСТА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Л. Б. БЕМЕ

ЗАПИСКИ НАТУРАЛИСТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1960

В этой книге известный орнитолог профессор Л. Б. Беме (1895—1954) рассказывает о трудной, но увлекательной полевой работе зоолога, которой он отдал 40 лет жизни. В книге описаны различные представители животного мира Казахстана и Кавказа, охота на вальдшнепов и туров в предгорьях Кавказа и на Казбекском массиве, даны красочные картины природы. С большой любовью рассказывается в книге о людях, посвятивших себя изучению природы,—препараторах В. А. Селезененко и П. И. Жукове и о любителе птиц

П. Д. Золотухине.

Полевым натуралистам — зоологам, ботаникам и геологам, странствующим по нашей стране, изучающим и любящим природу, посвящает эту книгу автор.

ОТ АВТОРА

В книге «Записки натуралиста» собраны эпизоды зоологических поездок за длительный период времени, собраны воспоминания о людях, с которыми мне приходилось встречаться и с которыми меня объединяла любовь к природе и интерес к изучению животных.

Я ставил своей задачей подробно рассказать только о тех птицах и зверях, о которых в нашей зоологической литературе, особенно научно-популярного характера, мало данных и о которых читатели, не зоологи по специальности, знают очень немного.

Об «охотах» нужно сказать несколько слов дополнительно. В своем большинстве охотничьи рассказы строятся по определенному трафарету, и сюжеты их весьма однообразны. Во избежание шаблона я всюду пытаюсь при описании охоты говорить о животных, на которых охотятся, то есть рассматривать охоту с точки зрения натуралиста и возможно меньше останавливаться на «стойках собак», «удачных или неудачных выстрелах».

Два очерка — «Город мертвых у селения Даргавс» и «Джунгарские хомячки» — написаны моим сыном, Р. Л. Беме. Мною эти очерки лишь несколько дополнены и отредактированы.

В СТЕНЯХ И СОПКАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Зима

Зима наступает в середине ноября. После холодных утренников и заморозков, начавшихся еще в сентябре и проморозивших землю, температура воздуха не поднимается даже в полуденные часы выше нуля и выпадающий снег не тает. Белая пелена ложится на сопки и на просторы степей Казахской складчатой страны на пять месяцев.

В декабре начинается период буранов и метелей. Морозные ветры, дующие с ледяных полей Карского моря, проносятся через равнины Сибири, взметают мириады снежинок с холодной земли, кружат и несут их. Образуются снежные смерчи, сугробы возникают около неровностей почвы; низкие постройки немногочисленных поселков заносятся снегом часто до самых крыш. Поросли караганников, кусты таволги, высокие стебли чиев сгибаются под тяжестью снега. Небольшие, вырытые потоками талой весенней воды степные овраги сравниваются с окружающей степью.

Страна погружается в зимний покой, наступает зимнее безмолвие...

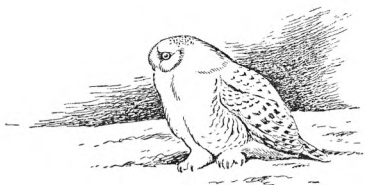
Насколько хватает глаз, простирается ровная снежная гладь, меняющая свои краски вслед за движением по небу невысоко поднимающегося солнечного диска. На снежных полях лежат тени, преимущественно синего цвета: у сопки, замыкающих далекие горизонты, — темно-ультрамариновые тона, а вблизи — слабо-лазоревые. К вечеру синие тени сменяются фиолетовыми.

Жизнь в этих снежных просторах незаметна. Можно проехать десятки километров, не встретив ни одного зверька, не услышав ни одной птицы. Вначале, пока свежевыпавший снег не покрыл собой всей почвы, пока на нем не образовалось плотного наста, то там, то здесь можно заметить тонкие полоски ажурных следов стелющихся пеструшек и парные ленточки следов ласки или горностая. Позднее и эти следы исчезают, и на снежных бесконечных равнинах остаются только изломанные линии «воздушных прибоев». Зверьки уходят на всю зиму под снег, почти все птицы отлетают в менее суровые широты. Редко-редко озябший путник, пересекающий в зимние месяцы степи, может услышать звонкий прерывистый свист — тивканье пищухи, раздающееся из-под занесенного сугробами куста караганника, увидеть стайку полярных жаворонков-рюмов, пролетающую с тихим печальным свистом над дорогой.

На больших проезжих шоссе, соединяющих крупные населенные пункты, вблизи от поселков и овцеферм, затерянных в степях и межсопочных долинах, зимой несколько более оживленно. У овечьих загонов, копошась в кучках сена, набрасываемого для кормежки овец, прыгают, поджимая под себя озябшие лапки, нахохлившиеся молчаливые воробьи, черные жаворонки. Их темные фигурки резко выделяются на белом снегу. Уступая дорогу проезжающим автомобилям, птицы отлетают в сторону и садятся на нетронутый снег. На телеграфных и телефонных столбах можно увидеть белые фигуры полярных сов и мохноногих канюков, зимующих здесь в небольшом количестве.

Несколько большее количество птиц встречается зимой в лесных насаждениях и парках Центрального Казахстана. Защитные посадки из густых кустарников по опушкам непроницаемы для холодных ветров; на стволах, под корой и на ветвях деревьев остаются насекомые — все это позволяет зимовать большим пестрым дятлам (правда, пока очень малочисленным), маленьким стайкам белых лазоревок, снегирям и чечеткам.

Вторая половина зимы еще суровее. Температура воздуха держится почти постоянно около 25 градусов ниже нуля, часто опускаясь и ниже 30. С промежутками в несколько дней дуют бураны. Первый признак приближающегося бурана — стап рюмов и черных жаворон-

БЕЛАЯ СОВА

ков, с щебетом и чириканьем летящие одна за другой в одном и том же направлении. Затем начинает дуть северо-восточный ветер, усиливающийся с каждым часом. Поднимается поземка. Туманится дали на горизонте. Кругозор суживается больше и больше. Порывистый ветер поднимает уже целые вороха снега, кружит и несет их. Паузы между порывами ветра укорачиваются. Ветер дует, не переставая ни на мгновение. В воздухе образуется сплошная завеса из снега. Видимость уменьшается до метра. Среди дня можно потерять направление на расстоянии каких-нибудь двадцати шагов, так как ориентироваться в такой буряне почти невозможно. Бураны продолжаются зачастую по несколько суток; жизнь в это время замирает...

Люди, не испытывавшие степных казахстанских бурянов, не могут представить себе их стихийной силы. В полдень, когда не видишь ничего перед собой на расстоянии вытянутой руки, когда весь погружен в какой-то вертикальный хаос из мельчайшей снежной пыли, теряешься и чувствуешь себя совершенно беспомощным. Только маленькие крепкие казахские лошади, понутив головы, идут шаг за шагом, инстинктивно не сбиваясь с занесенной снегом и невидимой дороги...

Во время скитаний по Центральному Казахстану мне много раз приходилось зимой проезжать по его степям

и сошкам сотни километров. Во время этих поездок я всегда регулярно вел записи и регистрировал встречающихся птиц. Просматривая теперь дневники, я ничем не могу дополнить того перечня, который был сделан выше. Около поселков я встречал, правда, очень редко, одиноких сорок, питавшихся у скотных дворов; раза два видел сычей, охотившихся у построек за воробьями; да несколько раз в течение ряда зим мне приносили для набивки чучел сибирских филинов. Фауна Центрального Казахстана бедна по своему видовому и количественному составу.

Проезжая по казахстанскому мелкосопочнику зимой, можно спугнуть изящную маленькую лисичку-корсака. Отбежав от проезжающего метров на пятьдесят-шестьдесят, корсак останавливается и если на него не обращают внимания, тихонько, мелкой рысцой провожает экипаж, продолжая путь километра полтора-два параллельно дороге и не отбегая в сторону. Лисиц, которых в Центральном Казахстане много, я неоднократно видел мышкующими в степи ранними утрами или с наступлением сумерек. Лисы держат себя много осторожнее корсаков, и малейшее изменение направления в пути идущего человека в их сторону заставляет зверей тотчас же убежать в степь. В высоких чиевниках, растущих по берегам степных речек, в обширных массивах зарослей караганников, а особенно вблизи от искусственных древесных посадок и питомников много зайцев-беляков. За зайцами усиленно охотятся лисы. После продолжительных буранов, не дававших возможности проверить ловушки, поставленные на зайцев в лесных насаждениях, оказывалось, что все попавшие в них зайцы съедены лисицами...

Весна

Календарная дата наступления весны в описываемых районах Центрального Казахстана — 11 апреля.

Однако задолго до этого срока, несмотря на низкую температуру, на продолжающиеся жестокие бураны и вьюги, в природе становится заметным близкое окончание почти полугодового зимнего оцепенения, начинает ощущаться приближение весны.

Первые вестники весны — серые вороны и галки, прилетающие в Центральный Казахстан недели за две до наступления теплых дней. Серых ворон в Центральном Казахстане немного. Летом отдельные пары их гнездятся на значительном расстоянии одна от другой, часто в совершенно непривычных для этих птиц условиях. Во второй половине марта огромные стаи серых ворон как-то неожиданно рано утром появляются во дворах и на улицах поселков и сразу же оживляют зимнюю тишину своим карканьем. Птицы перелетают с крыши на крышу, важными, размеренными шагами бродят по скотным дворам, шумными ватагами роются у выгребных ям. Через день-два к ним присоединяются и прилетающие следом за воронами галки. Большое скопление ворон и галок продолжается лишь несколько дней. Огромное большинство их отлетает далее к северу, и остаются только немногие пары. Галки откочевывают от поселков на гнездовые колонии в солки. Проходит еще несколько дней. Снег тает лишь в середине дня, ночами морозы доходят до 20 градусов. Но, несмотря на холод, в эти дни, около 25 марта, прилетают белые трясогузки и первые полевые жаворонки, а днем раздаются несмелые, но звонкие и по-весеннему бодрые трели и переливы их песен. К 1 апреля, когда на скованных полугодовым льдом степных речках образуются полыньи, когда на пониженных участках степи появляются небольшие лужи талой воды, прилетают утки.

Погода в это время резко изменяется. Холодные ветры сменяются теплыми; солнечные лучи, особенно в полуденные часы, делаются ощутимо теплыми; вскрываются речки; всюду в степи на обращенных к югу склонах сопок появляются с каждым днем все более и более увеличивающиеся проталины; сходит почерневший снег. В эти дни идет массовый пролет птиц.

В противоположность Кавказу, где особенно грандиозны осенние перелеты птиц, в Центральном Казахстане внимание натуралиста привлекает весенний пролет, привлекает тем контрастом, который вызывает он в ландшафтах, до этого безжизненных и безмолвных, оживающих в течение нескольких дней или даже часов благодаря скоплению летящих птиц.

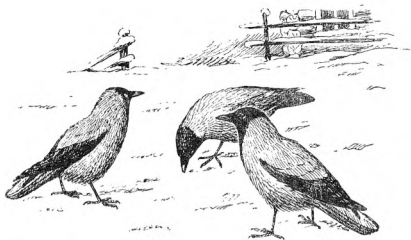
Массами, стая за стаяй, проносятся на север утки, летят косяки гусей и треугольники журавлиных стай, над

степью в разных направлениях чертят воздух различные чайки, на лужи в степи присаживаются чибисы, кречетки, кулики, над степными озерами ногами стоит немолчный гомон кормящихся птиц... В это время пролетают, не останавливаясь, скворцы, зяблики, белошапочные овсянки. Около 15 апреля начинают раздаваться, сначала только на зорях, песни варакушек. Проходит дней десять. Количество птиц уменьшается. В степи по водоемам остаются гнездящиеся пары, а остальные пролетают далее на север.

Степь в это время начинает зеленеть, появляются весенние цветы. Под кустиками колючих караганников расцветают светло-фиолетовые степные анемоны, тянутся вверх желто-лиловые скромные цветочки хохлаток. На пригорках к полудню раскрывают звездчатые розовые венчики мелкие степные тюльпанчики, часа через два снова складывающие свои прозрачные лепестки. Натуралиста, впервые попадающего в степь и в сопки Казахской складчатой страны весной, поражает невзрачность весенних цветов. В мелкосопочнике Центрального Казахстана совершенно отсутствуют яркие весенние цветы наших широт. Вторая особенность здешних цветов — полное отсутствие аромата. Цветы как-то безжизненны. Здесь нет тех ярких красных, оранжевых, желтых и белых тюльпанов, которые украшают полынные глинистые степи Северного Казахстана у Кустаная, Тургая и Оренбурга.

К середине апреля в степях появляются и зверьки, проспавшие всю долгую зиму в глубоких и уютных норах. Первыми просыпаются суслики. Одновременно с ними просыпаются хомяки, а через несколько дней и тушканчики. На низкой прошлогодней траве, между желтыми засохшими побегамися которой высовываются тонкие стрелки свежей зелени, можно обнаружить очутившиеся на поверхности почвы шарообразные гнезда пищух, степных пеструшек и серых полевок, теперь ушедших под землю.

Проезжая по степям в двадцатых числах апреля, встречаешь высокие серые фигуры журавлей-красавок, парами расхаживающих по низкой траве. Стаи милых видных кречеток с глухими, ворчащими криками почти вплотную подлетают к проезжающим. Над степью виднеются стайки степных и луговых тиркушек, охотящихся за насекомыми.

СЕРЫЕ ВОРОНЫ

Пока не окончился валовой пролет в степи, получаешь истинное наслаждение, прислушиваясь весенними ночами к голосам летящих птиц. Особенно много уток. Почти непрерывно слышится над головой характерный свист их крыльев, тихое побрякивание селезней, громкие вскрики какой-нибудь отставшей птицы...

Начало мая. Короткая весна Центрального Казахстана в полном разгаре. Небольшие степные озерки или впадины с сохраняющейся в течение первой половины весны талой водой, с песчаными пологими и лишенными растительности берегами, заселяются одной-двумя парами куликов-шилоклювок, парой уток-пеганок (или красных); залетают сюда в поисках пищи стайки бродячих холостых куликов. По берегам степных речек, часто теряющихся в степи, поросших на всю ширину водолюбивой растительностью, на залиманенных участках возле их русел, на небольших мочажинах и болотцах находят себе приют чибисы, многочисленные в этих степях кулики-веретенники, различные виды речных уток... На глухих уединенных степных озерах, заросших тростниками и кугой, выводят птенцов серые гуси, а по берегам гнездятся колонии

чаек, крачек и куликов-травников. На таких озерах есть незарастающие плесы чистой воды, возле которых можно увидеть плавающие гнезда колоний черношейных поганок.

На безводных участках типцово-ковыльных и типцово-попынных степей обитают степные журавли, кречетки, черные жаворонки, чекканы-каменки. Среди низкорослых степных растений встречаются на отдельных участках высокие кермеки и курай — здесь прячутся и выводят птенцов дрофы. В зарослях караганников, таволги и спирей живут серые куропатки, желчные овсянки, сорокопуты-жуланы...

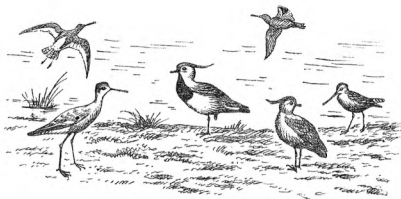
Для натуралиста, изучающего птиц, наибольший интерес в казахстанских степях представляют утки.

Утки — обычные и широко распространенные птицы. Экология уток подробно и достаточно изучена. Трудно ожидать, что наблюдения за ними поведут к каким-нибудь новым открытиям.

Несмотря на это, наблюдения за экологическими особенностями уток в условиях Казахской складчатой страны не лишены интереса, так как жизнь уток в стране с резко выраженной континентальностью климата, с весьма кратким весенним периодом, в условиях пересыхающих к концу весны водоемов почти не имеет аналогий в других районах нашей Родины.

Весенний валовой пролет уток продолжается дней 10—12, а затем его волны начинают постепенно спадать, и к двадцатым числам апреля в степях Центрального Казахстана остаются лишь гнездящиеся здесь утки. Некоторое время они держатся небольшими стаями, а в первых числах мая распадаются на одиночки и пары.

На вечерних и утренних зорях, а иногда и днем слышится громкое криканье уток, несущееся из заводей степных речек и озер, поросших рогозом и тростником. Утки зовут селезней, летающих с тихим, возбужденным покрякиванием во всех направлениях... К середине мая утки начинают кладку яиц, их криканье, призывающее селезней, слышится все реже и реже. Селезни, лишившиеся подруг, целыми днями разыскивают их над степью и водоемами, непрерывно крикая... Понемногу весеннее возбуждение затихает, селезни успокаиваются, собираются в небольшие стайки и переселяются на глухие зарос-

КУЛИКИ (ТРАВНИКИ, ВЕРЕТЕННИКИ И ЧИБИСЫ) НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

шие степные озера, где начинают линять. Утки же линяют позднее, после того как у них выведутся птенцы.

Поздно начавшаяся центрально-казахстанская весна двигается вперед «семимильными» шагами. Скромные степные цветочки, эфемеры, раскрывшие свои венчики около двадцатого апреля, через несколько дней блекнут и вянут, лепестки у них опадают, и степь лишается даже тех неярких цветущих растений, которые были в самом начале весны. В начале мая все степные просторы зеленеют: распускаются на самое короткое время цветы степных кустарников — спиреи и караганы, покрывающейся желтыми, скрытыми в зелени соцветиями. Маленькие ажурные цветочки появляются на высоких шарообразных кустах кураев.

В начале мая прилетают в Центральный Казахстан ласточки, вслед за ними появляются стрижи, и, наконец, к двадцатым числам мая возвращаются на свою негостеприимную родину и самые поздние весенние гости — чечевицы и желчные овсянки... Почти все степные птицы в это время сидят уже на гнездах или заняты воспитанием птенцов. Только свободные от забот самцы бродят и летают по степи, оглашаемой неумолкающими трелями жаворонков, степных коньков и чекканов. Песни жаворонков продолжаются почти круглые сутки, прерываясь на

срок не более двух-трех часов, перед началом утренних зорь.

Короткая казахстанская весна заканчивается и наступает лето*.

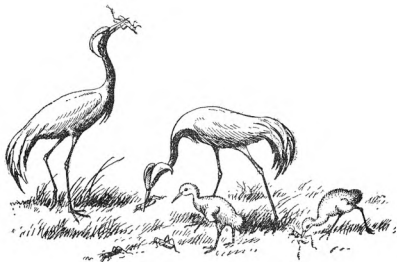
Лето

Переход весны в лето происходит незаметно. Почти полное отсутствие в весенне-летний период осадков, разреженность воздуха и малое содержание в нем паров воды вызывают сильное нагревание почвы и еще большее уменьшение влаги. Иногда летом влажность воздуха равна всего 5%, а влажность почвы падает ниже так называемого «мертвого запаса», при котором растения неспособны усваивать влагу. Отсутствие влаги и палящее солнце вызывают сначала раннее пожелтение растений, а затем и их выгорание. В начале июня в степи на наиболее подверженных действию прямых солнечных лучей участках встречаются желтые пятна, а через несколько дней желтеет вся степь. К этому времени в огромном большинстве пересыхают небольшие степные озера, мелеют тихие речки.

Небо всегда безоблачно. Находящееся в зените солнце беспрепятственно посылает губительные лучи на землю. В некоторые дни температура воздуха доходит до плюс 38 градусов... Жарко, душно, неуютно в пожелтевшей выгоревшей степи...

Наступление лета степные зверьки встречают окончанием семейных забот — у сусликов и хомяков выросшие детеныши покидают материнские норы, и происходит расселение молодежи. У всех степных птиц вылушляются птенцы, и родители заботятся о своих выводках, странствуя с ними по степям и разыскивая для них пропитание. В начале лета из отложенных осенью кубышек выводится большое количество разнообразных кобылок, и степные птицы питаются почти исключительно ими. Наблюдая за бродячими выводками журавлей, видишь, как птицы, наклонив головы, делают несколько быстрых шагов, подхватывают с земли прыгающего саранчука и суют его в клюв бегущим за родителями желтым длинноногим птен-

* Метеорологи определяют наступление лета календарной датой — 26 мая (в среднем). Следовательно, продолжительность весны в Центральном Казахстане всего лишь 45 дней — ровно полтора месяца.

ЖУРАВЛИ-КРАСАВКИ

цам. Приподняв ярко-белые надхвостья, забавно наклонившись, ловят проворных кузнечиков кречетки...

В результате полного отсутствия дождей в течение весенних и летних месяцев большое количество водоемов пересыхает. Это относится прежде всего к озерам, возникшим после таяния снега и часто успевающим густо зарастить. Многие выводки уток остаются, таким образом, «на сухопутье» и вынуждены совершать с утятами двух-трехдневного возраста длинные путешествия к ближайшим непересохшим водоемам на расстоянии до нескольких километров. Значительная часть утят в результате таких пешеходных странствований попадает в лапы хищников, а утки лишаются своих выводков. Я несколько раз наблюдал переходы выводков утят по открытой степи далеко от воды. Один случай мне особенно запомнился.

Я шел перед вечером по пологому склону невысокой сопки, который спускался к небольшой степной речке Джаксы-Сары-Су. Впереди была небольшая, почти совсем пересохшая лужа воды глубиной не более 20 см. Не доходя до этой лужицы шагов пятьдесят, я увидел чирка-трескунка, уточку, бежавшую, торопясь и переваливаясь с ноги на ногу. Приглядевшись, я заметил и семь совсем крохотных

утят, изо всех сил ковылявших за матерью. Уточка, решив, очевидно, что от меня не убежишь, с тревожным глухим криканьем бросилась мне навстречу, буквально к самым ногам. Она волочила по земле то одно, то другое крыло, падала на бок и всячески старалась привлечь мое внимание. Утята, которым было не более двух дней, в это время достигли лужи и моментально нырнули в воду. У меня при виде этой картины «разгорелись охотничьи инстинкты», и, не обращая внимания на кружившуюся вокруг уточку, я принялся ловить утят. Сделать это было нетрудно. Малыши, нырнув в воду, через несколько секунд высунули свои клювики в траве у берега лужи, и я через какие-нибудь десять минут собрал их всех. Уточка, совсем обезумев от страха за утят, с разлета бросилась в воду лужи перед самыми моими руками. Собрав утят в фуражку, я пошел дальше. Уточка с тревожными криками летала около. К счастью, мой «охотничий пыл» угас, отойдя от лужи шагов сто, я вернулся и выпустил утят в воду...

У большинства уток — шилохвостей, крякв и чирков — утята вылуцляются из яиц около 10 июня, у широконосков — несколько позднее. На обильном корме, без труда добываемом на степных озерах, утята растут быстро, и к началу июля некоторые выводки начинают летать. К середине месяца летают уже все утята. К этому времени пересыхают почти все мелкие и средней величины степные озерки и озера, и выводки уток собираются массами на значительных по водной поверхности водоемах и на искусственных степных водохранилищах. Здесь они держатся до конца лета. Мне не приходилось наблюдать в Центральном Казахстане обычных для средней полосы Европейской части СССР ежедневных перелетов утиных стай на вечерних зорях для кормежки в степь, а на утренних — обратно на водоемы. Видимо, причина круглосуточного пребывания уток на водоемах — обилие корма на них и отсутствие его в выгоревшей степи.

Ко второй половине июня — к началу июля у всех степных птиц заканчиваются заботы о птенцах, молодые начинают летать, собираются по несколько выводков вместе. В это время происходит своеобразное явление в жизни казахстанских мелких воробьиных птиц — у них начинаются летние кочевки.

С середины июня или несколькими днями раньше большинство видов местных мелких насекомоядных птиц, гнездящихся в степи,— чеканчики луговые, чеканчики черноголовые, варакушки, плиски разных видов, чекканы-каменки, камышовки и другие — в массовом количестве появляются на поливных огородных и полевых участках, находящихся вблизи от поселков. Особенно многочисленными бывают черноголовые чеканчики, плиски и варакушки. Все мелкие птички, переселившиеся на поливные земли в июле, держатся на них до самого конца лета и отсюда направляются в свои осенние странствования. Очевидно, выгорание степной растительности на местах их гнездовых в ковыльных и поливных степях, высыхание листвы на большинстве степных кустарничков влекут за собой значительное уменьшение количества насекомых. Насекомоядным птицам трудно добывать себе пищу, и они вынуждены перебазироваться на орошаемые огородные и полевые участки, где в течение всего лета насекомых встречается вдоволь...

Почти одновременно с перекочевкой из степи насекомоядных птиц у всех зерноядных, а к ним в казахстанском мелкосопочнике относятся в основном различные виды жаворонков, начинается интенсивная летняя линька. Все реже и реже звучат звонкие песни полевого жаворонка, тише чирикают черный и сибирский жаворонки, замолкают степные коньки. Желтая выгоревшая степь летом умолкает. Только иногда, проходя по степи, услышишь курлыканье журавлей, поетепенно собирающихся в стаи, вздрогнешь от пронзительного свиста суслика, из-под самых ног бросившегося в нору... Лишь у больших непересыхающих степных озер вечерами слышишь гомон плавающих утиных и гусиных стай, видишь вереницы птиц, поднимающихся над поверхностью воды и снова опускающихся на ее зеркальную гладь. Здесь же, у озер, на песчаных отмелях бродят стайки куликов, встречающих человека громкими криками... Иногда господствующие летом северо-восточные ветры приносят тучи мелкого пылевидного лёсса, начинаются пыльные бури, воздух становится каким-то «жестким», а степные дали приобретают красноватый оттенок.

Летом над степями разражаются грозы, сопровождающиеся кратковременными дождями ливневого характера.

едва прибывающими пылью, но не насыщающими влагой почвы. Грозы бывают ночами, и тогда небо прорезается зигзагами молний, прохочут, отдаваясь в сопках, раскаты грома... Проходит каких-нибудь полчаса, грозовые тучи уносятся вдаль, и опять в воздухе чувствуется прежняя сухость...

В августе незаметно исчезают стрижи. Суслики залегают в норы для зимней спячки. Начинаются кочевки самых разнообразных птиц. В конце этого месяца впервые, встав утром и выйдя в степь, на стеблях растений замечаешь белую легкую пленку инея. Начинаются первые, еще очень нерегулярные заморозки. Приближается осень...

Осень

Переход казахстанского лета в осень был бы совсем незаметен в желтой и выгоревшей степи, если бы не было птиц. В первых числах сентября с высокого безоблачного неба раздаются мощные трубные голоса журавлей, призывающих пернатых собратьев готовиться в дальнюю дорогу. Береговые ласточки сотнями собираются для отдыха на телеграфных проводах; над степью с жалобными криками летят чибисы, веретенники, кроншнепы. Желтеет листва на растущих по берегам арыков бальзамических тополях. Осыпаются почерневшие мелкие листочки на кустах караганников.

В сентябре несколько раз выпадают кратковременные дожди, немного смачивающие сухую потрескавшуюся почву. Над желтыми безжизненными просторами, покрытыми высохшей еще в июле травой, появляются тонкие листики озимой, кое-где начинается осеннее зеленение степи. Нежные листочки степных травянок по утренним зорям покрываются тончайшими инкрустациями из инея, холодные утренники теперь бывают ежедневно. Регулярно, начинаясь утром и затихая к вечеру, дуют все время усиливающиеся ветры. По степи в направлении ветра катятся, подпрыгивая, шары перекасти-поля, останавливающиеся у зарослей караганника и нагромождающие здесь целые баррикады. Стебли перекасти-поля высохли летом до такой степени, что горят, как порох, и при пощелкивании по ним издают металлический звон.

В двадцатых числах сентября засыпают последние суслики, не показываясь больше из нор тушканчики. У поселков, окруженных редкими древесными насаждениями, появляются на несколько дней летящие на юг небольшие стайки зябликов и вьюрков. Еще реже присаживаются на деревья сбившиеся со своих торных пролетных дорог прозды. К водоемам с севера подлетают все новые и новые стаи птиц. Пожормившись и пробыв здесь несколько дней, они отправляются дальше, а вслед за ними прогаются и местные утки. Все меньше и меньше становится птиц, все реже и реже видишь их стаи. С октября в казахстанские степи начинают прилетать жители далекого севера. По дорогам торопливо бегают рюмы, взлетают кажущиеся совершенно белыми пуночки...

Изредка выпадает снег. Однако солнце греет днем еще достаточно жарко, и он быстро стает.

К концу октября отлетают последние утиные стаи. Исчезают вороны и галки. Редкая стайка уток задерживается на полыньях озер, покрывающихся ледяной коркой, до первых чисел ноября.

ПОЕЗДКА В СОПКИ

В двадцатых числах мая мы вышли из вагона на полустанке Бурма железнодорожной линии Караганда — Балхаш.

Повозка, запряженная парой волов, уже ждала нас. Погрузив несложный и негромоздкий багаж, мы тронулись к ближайшим сопкам, на овцеферму, расположенную километрах в пяти от полустанка, — цель нашей поездки.

Погода, обычная для Центрального Казахстана, была чудесна. На небе ни облачка. Воздух прозрачен, и горизонт, замыкавшийся на севере грядами сопок, на юге и востоке уходил в бесконечные дали...

Вначале дорога идет между возделываемыми участками орошаемых земель, окружающих поселок Бурму. Здесь находится небольшое водохранилище с бегущими из него арками оросительной системы. Над зеркальной водной поверхностью искусственного озера летает несколько черных крачек. Птицы очень красиво выделяются на фоне голубоватого озера своим блестяще-черным оперением и ярко-белыми крыльями. Крачки особенно эффектны в те

моменты, когда они, быстро трепеща крыльями и подогнув вперед свои вильчатые хвосты, неподвижно останавливаются над водой, высматривая добычу, а затем, сложив крылья, стремительно падают вниз, погружаясь на секунду в воду. Здесь же по песчаной отмели берега бегают несколько белых и желтых трисогузоок и пара малых зуйков. Вместе с крачками над озером летают деревенские, городские и береговые ласточки, охотясь за насекомыми.

Бурмянские огороды скоро оканчиваются, и мы въезжаем в степь. Степь, начинающаяся за поселком, однообразна и уныла, несмотря на весну. Здесь нет ярких цветов, зелень низкорослых сухолюбивых растений бледная, однообразная, голубовато-зеленая, отсутствуют яркие пятна разных оттенков, к которым привык наш глаз в европейских степях и которые делают наши весенние степи похожими на великолепный персидский ковер. Отсутствие цветов влечет за собой почти полное отсутствие насекомых: воздух не наполнен жужжанием, в нем не мелькают серебристыми блестками стрекозы и пчелы, над степью не кружатся многоцветные бабочки. Единственные звуки, которые можно здесь услышать, — голоса птиц. С безоблачного неба несутся трели жаворонков, с невысоких кустиков караганника и таволги, кое-где нарушающих однообразие ковыльной степи, звучат несложные мелодии овсянок. В начале создается впечатление, что количество птиц, живущих здесь, значительно. Однако, оглядевшись и прислушавшись более внимательно к голосам пернатых певцов, убеждаешься, что первое впечатление было ошибочно и что птиц немного. Больше всего жаворонков, относящихся к четырем видам (черный, белокрылый, полевой и малый степной). Их звонкие песни, слышимые на расстоянии до километра и дальше, и создают иллюзию многочисленности птиц, которых здесь в несколько раз меньше, чем, например, в прикаспийских степях Предкавказья. Гнездовые участки, занимаемые отдельными парами, в казахстанских степях очень обширны, и птицы селятся вдалеке друг от друга.

Степи Казахской складчатой страны, где находимся мы, расположены на высоте от 400 до 500 м над уровнем Черного моря. Преобладающие растительные формации этих степей — типцово-ковыльная и типцово-попынная; древесная растительность полностью отсутствует.

Мне случалось проходить по таким степям ранними утрами. Начинает светать, но солнце еще не показывает-ся над горизонтом. В эти предутренние часы степь безмольна и почти безжизненна. Изредка впереди пешехода слетают с дорожной колеи полевые коньки и жаворонки, то ли ночевавшие здесь, то ли кормящиеся какими-то семенами. Но вот на востоке, над темными вершинами сопок, показывается солнечный диск. Почти мгновенно степь оживает и сразу же наполняется голосами. Свистят показывающиеся у отверстий своих норок суслики, из караганников раздается прерывистое тьяканье пищух, в воздух всюду поднимаются с песнями жаворонки, начинают звучать трели овсянок и мелодичные свисты чечевиц, у вершин сопок показываются парящие орлы...

При экскурсиях в степи, простирающиеся у казахстанских сопок, внимание натуралиста прежде всего привлекают белокрылые жаворонки. В отличие от большинства близких им видов, белокрылые жаворонки очень разборчивы в выборе мест своего обитания. Их нельзя встретить на участках степей с разреженным травостоем, где находятся плешины солонцов и беловатые пятна такыров. Гнездятся они только там, где ксерофитная растительность достаточно густа, где имеются многолетние залежи или растения образуют сомкнутый покров. В Центральный Казахстан белокрылые жаворонки прилетают позднее остальных видов — не ранее последних чисел апреля. Летят они большими, равномкнутыми стаями, оглашая весенний воздух «скрипучими» песнями. Прилетев на места своих поселений, жаворонки начинают спариваться, и в это время можно наблюдать своеобразные тока и предбрачные игры птиц. Чаще около одной самки токует по два самца. Токующие самцы очень эффектно. Они летают большими кругами, сильно взмахивая крыльями так, что их углы сходятся над спинками птиц, громко распевая над сидящей на кочке или у обочины дороги самкой. Поводки токующих птиц напоминают куличков-зуйков, на которых белокрылые жаворонки несколько походят и заостренными длинными крыльями с белыми маховыми перьями. Покружившись некоторое время, самцы опускаются на землю и, приподняв ярко-рыжие хохолки, распушив перья, полуопустив крылья, прыгают боком друг перед другом, но редко вступают между собой в драки. Самка в это

время держит себя совсем безучастно и не обращает на них внимания.

Несмотря на запоздалый весенний прилет, постройка гнезд и откладывание яиц у белокрылых жаворонков происходят в короткие сроки, и полные кладки бывают у них почти одновременно с другими видами жаворонков. Птенцы покидают гнезда в начале июня. В поведении птенцов белокрылых жаворонков можно отметить интересную особенность. Не достигшие еще и половины размеров взрослых птиц, полуоперившись, совершенно не владея крыльями, птенчики «уходят» из своих гнезд и неуклюже прыгают в траве поблизости от них. Этим белокрылые жаворонки напоминают каких-то «полувыводковых» * птиц, а не своих ближайших родичей, птенцы которых остаются в гнездах до полного оперения. Нелетающие птенчики жаворонков выходят на дороги, и многие гибнут, попадая под ноги лошадей и колеса экипажей. Возле таких «бродячих» птенцов держится и один из родителей, весьма спокойно относящийся к неприятностям, случающимся с его подопечными. Ничего сколько-нибудь даже отдаленно напоминающего тревогу «крачек, куликов и чаек при приближении к их птенцам здесь не происходит. Взрослая птица, заметив приближение опасности к ее птенцу, в лучшем случае пролетает вокруг врага, а затем улетает далеко в степь...

Сейчас же после того, как птенцы научатся летать, выводки белокрылых жаворонков начинают кочевать по степям. Белокрылые жаворонки — одни из наиболее приметных птиц. Их пестрое с ярко-рыжими пятнами оперение и отсутствие бояливости обращает на себя внимание. Подобно некоторым другим птицам (например, чекканам-попутчикам), белокрылые жаворонки любят сопровождать проезжающие по степи редкие экипажи. Бегающий по едва заметной проселочной дорожке жаворонки подпускает приближающийся экипаж шагов на пять. Поднявшись из-под самых копыт лошади, он снова садится метрах в пятидесяти на дорогу, снова подпускает лошадь вплотную и т. д., иногда сопровождая экипаж на протяжении кило-

* «Птенцовыми» называются те птенцы, которые остаются долгое время в гнездах и выкармливаются родителями. У «выводковых» птенцы с первого дня жизни следуют за родителями и сами добывают пищу.

БЕЛОКРЫЛЫЙ ЖАВОРОНОК

метра и более. Часто жаворонки проделывают эти «проводы» почти в полные сумерки, и в этих случаях кажется, что из-под самой морды лошади взлетает вверх какой-то белый трепещущий платок...

К осени жаворонки собираются в огромные стаи по несколько тысяч особей и отлетают из Центрального Казахстана в последних числах сентября.

Мне приходилось несколько раз держать белокрылых жаворонков в клетках, но они не доставляют никакого удовольствия, живя в неволе. Их пугливость не проходит очень долго, к человеку они не привыкают, да и пение их мало музыкально...

Километров через пять от Бурмы дорога, по которой мы едем, начинает подниматься на довольно крутой склон ближайшей сопки. На пологом перевале с дороги пагах в пятидесяти от нас слетает пара саджей и с своеобразным криком, звучащим как прерывистое повторяющееся «тур, тур, тур» (за этот крик местное русское население называет саджей «туртушками»), стремительно скрывается за сопками. Едем дальше. Еще два небольших подъема, затем спуски, и мы у цели нашей поездки — на овцеферме, расположенной в одной из долин.

Межсопочная долина, в которую мы приехали, имеет вид почти равнобедренного треугольника с вершиной,

находящейся в полукилометре выше Марьи, и с широким основанием, упирающимся в полотно железной дороги у большой узловой станции Жарык.

Выше Марьи долина суживается, и близость подпочвенных вод создает здесь условия для развития сравнительно богатой растительности. Все ложе долины имеет характер сырого луга с текущим по нему нешироким ручьем. Кое-где ручей разливается и образует небольшие мочажины. Сама долина и склоны сопок, спускающихся к ней, покрыты кустарниками. Из кустарников преобладают караганник и несколько видов шиповников, покрытых желтыми, белыми и розовыми цветами с очень слабым ароматом. В меньшем количестве растут спирея, таволга и очень чахлые, корявые и низкие березки и ветлы.

Ниже овцефермы, в направлении к Жарыку, долина расширяется. Воды нет, и вся долина — сухая ковыльная степь с низким травостоем, состоящим из нескольких видов ковыля, полыни, типца и других ксерофитов. Много лишенных всякой растительности площадок и белесоватых, будто покрытых снегом, «такыров»*.

Гряды сопок, окружающих Марью, как и вся Казахская складчатая страна, сложены из древних палеозойских пород, сильно изменившихся в результате эрозии. В противоположность однообразию казахских степей, сопки поражают сменой своих красок и имеют вид искусно набросанной гигантской мозаики различных оттенков. Начиная от темно-бурых глинистых сланцев, имеются все переходы коричневого, вплоть до ярко-желтого. Выходы глины окрашены в голубой, синий, светло-зеленый, красный и оранжевый цвета. Между ними встречаются породы, сложенные из светло-палевых и кремовых гипсов.

Очертания возвышенностей весьма разнообразны, но в основном они имеют пологие склоны и вершины, свидетельствующие об их древности. Среди пологих склонов невысокие отвесные обрывы и скалы, много осыпей, расширяющихся книзу и покрытых каменистой, лишенной всякой растительности щебенкой. Через массивы сопок проходят в разных направлениях, отделяя одни возвышенности от других, долины и долинки, то широкие, то имеющие вид узких ущелий.

* Такыр — высохший солончак.

Цель нашей поездки в сопки — сбор материалов и наблюдения за обитающими здесь позвоночными животными, занятие, которому мы могли посвятить около двух недель. Работа заключалась в экскурсиях по ближайшим сопкам, в расстановке ловушек на прызунов и в регистрации представителей фауны Казахстанского мелкосопочника. Особенный интерес представляли пищухи, или сеноставки. Малые пищухи, обитающие в Центральном Казахстане, относятся к одним из самых обычных и многочисленных зверьков этой страны. Основные места их поселений — а селятся пищухи всегда колониями — это участки, поросшие караганниками. Почти всюду, где растут караганники, можно рассчитывать встретить пищух. Так как во многих местностях караганник вырубается на топливо, то пищухи в настоящее время встречаются в Казахстанском мелкосопочнике в пятнах кустарников, по луговинам широкой полосы Центрального Казахстана. В плоских типцово-ковыльных и полынных степях при отсутствии кустарников, а также на сильно засоленных почвах пищух нет.

Пищухи не поселяются также и на культурных посевах, явно избегая рыхлых обработанных почв, но на участках, напоминающих залежи, занятых многолетней люцерной, я их встречал неоднократно. Видимо, густые сплетения побегов и корней этого растения создают для зверьков все необходимые условия для поселения.

Активны пищухи бывают в продолжение круглого года. Мнение об исключительно дневном образе жизни этих зверьков неправильно. Пожалуй, особенно активны пищухи днем, но они не прекращают своей деятельности и ночью. В наши ловушки сеноставки попадались чаще ночью, чем днем. Характерный свист-тявканье пищух, который нельзя смешать с голосами других зверьков, в частности со свистом сусликов, слышится и днем и ночью, как летом, так и зимой. Ночами — чаще и звонче. Свист пищухи издают, или показываясь из норы, или испуганные чем-нибудь, убегая в норы. Изредка, проходя по кустарникам, под которыми находятся норы зверьков, можно слышать их свист, доносящийся из-под земли. Пищухи, очевидно, свистом реагируют на шум, производимый идущим человеком.

Размножаются пищухи, так же как и многие прызуны, в продолжение почти круглого года. Мне приходилось

находить молодых совсем маленьких пищух, начиная с последних чисел апреля и вплоть до декабря.

Маленькие пищухи, достигшие размеров одной четверти взрослых (не крупнее домашней мыши), пытаются переходить к самостоятельному образу жизни, и нам в расставленные капканчики попалось несколько таких зверьков. Маленькие пищухи — очаровательные существа, покрытые длинной шелковистой шерстью, с длинными «усами» и лишенные даже признака хвостов. Пушистый мех делает их похожими на живые игрушки. Особенность, отличающая пищух от большинства грызунов, — запасы сена в виде стожков, которые зверьки начинают заготавливать в Центральном Казахстане, начиная с середины июля.

Стожки воздвигаются не только в непосредственной близости от норок колонии пищух, но часто и на значительном расстоянии от них — примерно метрах в 100—150. Если стожки устроены вдали от колонии, то зверьки протаптывают и прогрызают к ним в траве тропинки, образующие расширенную округлую площадку возле стожка.

Зимой пищухи живут под снегом, очень редко появляясь на поверхности. В начале зимы, пока снег еще неглубок, они бегают по его поверхности между отверстиями своих норок и к стожкам. Окончательно переселяясь под снег, зверьки прорывают в его толще тропинки, часто на значительные расстояния. Такие же подснежные тропинки ведут и к заносимым снегом стожкам, оканчиваясь под средней частью стожков у почвы. Если колонии пищух располагаются недалеко одна от другой, то они связываются между собой тропинками. Такие тропинки могут тянуться на сотню и более метров.

У овцефермы Марья, где мне пришлось впервые познакомиться с этими интересными зверьками, пищухи обитали по склонам сопки с почвенным покровом из мелкой щебенки и негустыми порослями караганников и шиповников. Колонии находились возле самых построек овцефермы, и тьяканье пищух доносилось из норок в продолжение всех дневных и ночных часов, смолкая только в самое жаркое время дня. Спрятавшись вблизи от входных отверстий норок, я много раз видел перебегающих пищух, видел, как они таскали в зубах отпрызанные ими травинки. Несмотря, однако, на постоянную солнечную погоду, мне ни разу не удалось наблюдать малых пищух греющимися на солнце

МАЛАЯ ПИЩУХА НА СВОЕМ СТОЖКЕ

неподалеку от своих нор, как это бывает у тех видов сеноставок, которые обитают в камнях и скалах.

Из других зверьков, встреченных нами у овцефермы, я наблюдал эверсманнова хомячка и сибирского тушканчика, или, как его еще называют, тушканчика-прыгуна.

При наших экскурсиях по сопкам и по долине мы постоянно встречали неглубокие ямки, сантиметров 5—7 глубиной, различных размеров — «копанки», вырываемые тушканчиками при поисках луковичек тюльпанов — любимой пищи этих грызунов. В пыли дорог ранними утрами мы также видели следы тушканчиков различной величины. Можно было предполагать, что здесь живут тушканчики по крайней мере трех видов. В капканы и мышеловки-давилки, расставляемые нами, кроме двух больших тушканчиков, другие не попадались. Внимательно осматривая и подсчитывая «копанки», я заметил, что особенно много их бывало по утрам на склоне пологой сопки, покрытой редкой степной растительностью. Здесь же я отыскал и несколько «свежих» норок, принадлежащих, вероятнее всего, тушканчикам. Регулярно, изо дня в день (вернее, из ночи в ночь) я начал ставить свои капканы на этом склоне, подвязывая к ним самые разнообразные приманки. Однако зверьки в капканы не попадались, за исключением единственного эверсманнова хомячка. Перед самым отъездом я решил изменить способ ловли — при помощи

садового совка выкопал несколько искусственных норок и возле них без всякой приманки установил маленькие дуговые капканы. На следующее утро в двух из них оказались тушканчики — сибирский прыгун и малый земляной зайчик. Повторив ловлю, я поймал еще одного прыгуна. Позднее я неоднократно ловил этих зверьков и имел возможность познакомиться с их образом жизни. Сибирские тушканчики, более редкие, чем большие земляные зайцы, населяют всю степную часть Центрального Казахстана и межсопочные долины, избегая лишь орошаемых земель. Излюбленные места обитания зверьков — участки степи и склоны сопок с мелкощебнистым грунтом и бедной растительностью типцово-ковыльного типа. Здесь растут редкие кустики спиреи, таволги и караганников, возле которых тушканчики-прыгуны роют свои норки.

Весной, после того как степь полностью очистится от снега, сибирские тушканчики пробуждаются от длительной зимней спячки и выходят из своих зимних убежищ. Весеннее пробуждение тушканчиков-прыгунов бывает несколько позднее, чем больших тушканчиков, и они начинают попадаться в ловушки дней на десять позже. В некоторых местах сибирские тушканчики по своей численности не уступают другим видам, и их больше всего попадает в ловушки.

Сибирские тушканчики, как и все близкие им виды, — чисто ночные зверьки, и их активность начинается с наступлением сумерек, несколько раньше, чем у больших земляных зайцев. Я неоднократно видел прыгунов, бегающих по степи вечером, когда зверьков можно было заметить шагов за пятьдесят. В сырые вечера или при дождях, которые в Центральном Казахстане летом выпадают очень редко, прыгуны отсиживаются в норах и на поверхности земли не появляются. Однако эти зверьки нуждаются в постоянном притоке пищи, и, видимо, длительные дожди могут вызывать их гибель. В зимнюю спячку сибирские тушканчики залегают сравнительно рано — с двадцатых чисел сентября, когда в Казахстане начинаются утренние заморозки и температура на рассвете опускается ниже нуля.

В противоположность большинству прыгунов, обитающих в сопках Казахской складчатой страны в определенных условиях ландшафта, эверсманновы хомячки поселяются повсюду, приспособившись к самым разнообразным местам обитания.

Во время нашей поездки мы ловили этих зверьков на склонах сопок, на солонцах межсопочных долин среди многочисленных здесь сусликов и, наконец, в амбарах и зернохранилищах овцефермы.

Хотя эверсманновы хомячки довольно широко распространены, они нигде не бывают многочисленными, и процент этих зверьков в коллекциях, собранных исследователями, по отношению к другим грызунам всегда невелик. Позднее, в годы, следующие за нашей поездкой в Марью, я ловил эверсманновых хомячков на склонах сопок, поросших караганой, в плоских типцово-ковыльных степях, на поливных участках полей и огородов вблизи от поселков, по берегам стених речек, среди пышной луговой растительности и в домах поселков.

На зиму эверсманновы хомячки не засыпают, и мне приходилось встречать и наблюдать их бодрствующими в самые суровые месяцы — в декабре и январе. На зиму хомячки в значительном количестве переселяются поближе к поселкам и относятся к обычным вредителям складов и фуражехранилищ, охотно поедая картофель, корнеплоды и зерно.

Молодые эверсманновы хомячки появляются на свет в средних числах мая, и в ловушки попадались зверьки, достигавшие половины размеров взрослых, начиная с середины июня. Видимо, размножаются они по несколько раз в год, так как таких же молодых хомячков я ловил вплоть до конца августа.

Оригинальная особенность эверсманновых хомячков — их хищнические инстинкты. Однажды в самом начале декабря я поймал эверсманнова хомячка, тащившего во рту молоденькую полевку с прогрызенным затылком. В другой раз эверсманнов хомячок, поселившийся в комнате, где я жил, каждую ночь совершал набеги на мои коллекции тушек грызунов, грыз неочищенные черепа и портил набитые тушки.

Рабочий день во время пребывания на овцеферме распределялся у нас следующим образом. Вставали мы с рассветом и сейчас же отправлялись собирать уловы за ночь. Мой спутник, С. И. Оболенский, шел в верхнюю часть долины, где ловил водяных крыс и плоскочерешных полевков Стрельцова, я же направлялся в места, расположенные ниже овцефермы, за пищухами, тушканчиками и

хомяками. Собрав улов, мы переставляли капканы для дневной охоты, во время которой добывали сусликов и, реже, пищух. Затем значительное время уходило на препаровку пойманных ночью зверьков. Закончив изготовление тушек, мы шли на дневные экскурсии, иногда вместе, но чаще в разные стороны. Я уходил куда-нибудь подальше в сопки, бродил по их пологим вершинам и, присев на плоские «бараньи лбы», всюду торчащие на этих казахстанских древних нагорьях, слушал голоса птиц.

Условия климата Казахской складчатой страны как нельзя более соответствует чаяниям натуралиста. Здесь в продолжение всего весеннего и летнего периодов стоят исключительно солнечные дни, воздух чист и прозрачен, не надо опасаться дождей, столь мешающих наблюдениям на Кавказе.

Верхние горизонты сопок в огромном большинстве покрыты редкой степной низкорослой травянистой растительностью; в узких ущельях растут, пользуясь задерживающейся в углублениях влагой, кусты караганы, иногда торчат кустики шиповника. Над головой время от времени, быстро взмахивая заостренными крыльями, проносятся одиночками, парами и маленькими стайками туртушки (саджи); на камнях тревожно чекают чекканы-каменки; на щепнистых площадках бегают, посвистывая, рогатые жаворонки Брандта.

Распространенные по всем горно-степным участкам хребтов Передней и Средней Азии и на Крайнем Севере — у берегов холодного Ледовитого океана — рогатые жаворонки при наблюдении за ними в природных условиях доставляют много удовольствия натуралистам. Скромно, но нарядно окрашенные, с черными рожками на миловидных головках, рогатые жаворонки не относятся к путливым птичкам. Мелодично посвистывая, то поднимая, то опуская рожки, птички продолжают спокойно заниматься своими делами, не обращая внимания на незваного гостя. На пустынных сопках, где очень немного певчих птиц, рогатые жаворонки оживляют пейзаж, придают ему своеобразный колорит...

Побродив по сопкам часов до шести вечера, я направился к овцеферме, снова переставлял свои капканы для вечернего улова и, если бывало еще достаточно светло, снова шел куда-нибудь в ущелья. Однажды вечером

я услышал замечательно мелодичную песнь какой-то птицы, вызвавшую из далеких закоулков моей памяти отдаленные воспоминания о таких же звуках, слышанных где-то в совершенно иных условиях. Пройдя немного в направлении звуков, я увидел на остром выступе скалы пестрого каменного дрозда; повернувшись ярко-охристой грудью к закатному солнцу, он самозабвенно выводил свои мелодии, поворачивая из стороны в сторону голубовато-серую головку. Я не ожидал встретить в этих сухих невысоких нагорьях птиц, хорошо знакомых мне из экскурсий по Дагестану и Дигории на Северном Кавказе...

Вечереет. Солнце совсем скрывается за горизонтом. Я опускаюсь поближе к долине и, присев под нависшим уступом скалы, начинаю прислушиваться к голосам казахстанских ночей. Из далеких межсопочных ущелий доносится уханье филина, ниже уступа, у овцефермы, звонко тявкают пищухи, слышится своеобразная длинная трель «поющего» козодоя («песня» козодоя напоминает шум работающего мотора). А вот и сам певец, бесшумно вплотную подлетевший ко мне и на короткое мгновение блеснувший в надвигающемся сумраке белыми пятнами своих крыльев...

В другие дни после окончания препаровки грызунов я направлялся не к вершинам сопок, а в долину, чтобы понаблюдать за зверями и птицами, обитавшими в ней. Почти каждый раз на обширном солончаке, в полукилометре от Марьи, мне навстречу вылетал самец кречетки. Красивая птица опускалась шагах в сорока от меня, глухо трещала, приседала к земле и старалась всячески привлечь к себе внимание. По ее поведению было ясно, что где-то поблизости находится гнездо. Если я, не обращая внимание на «приставания» самца, продолжал идти через солончак, откуда-то появлялась и самка-кречетка, и тогда обе птицы действовали еще активнее.

«Излюбленные места гнездования кречеток, — пишет В. Ф. Рябов, — полынно-типчаковые степи или полынные с коклеками и с голыми глинистыми пятнами на комплексе призматических солонцов с корковыми солопами. В равной степени кречетки предпочитают и солопачковые участки. В ковыльно-песчаной степи и в степях с лессинговым ковыльком они встречаются лишь по понижениям

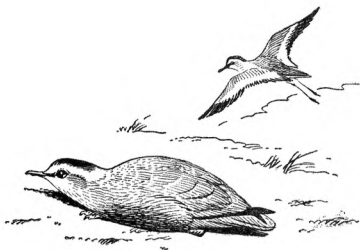
рельефа или склонам плато, выбирая участки с растительностью полупустынного характера» *.

Проезжая по казахстанским степям поздней весной и летом, путешественник непременно обратит внимание на встречающихся на отдельных полупустынных участках степей нарядных кречеток, одних из самых многочисленных птиц. В Центральный Казахстан кречетки прилетают в двадцатых числах апреля (несколько раньше сроков, указываемых В. Ф. Рябовым для Северного Казахстана) сравнительно небольшими стаями, приблизительно от 20 до 70 птиц в каждой. Прилет кречеток легко регистрируется, ибо в воздухе они немолчно издают хриплые крики. Добравшись до родных мест, кречетки сразу же занимают свои гнездовые участки и разбиваются на пары. Некоторые же самцы остаются холостыми. Постоянно летом, в конце мая, в июне и в июле, такие лишенные подруг самцы бродят по степи с места на место, собравшись по 10—15 особей. Вспугиваемые проезжающими по степи людьми, кречетки не улетают далеко, а снова присаживаются поблизости от потревоживших их экипажей. Продолжая все это, кречетки не забывают и своего основного занятия — поисков и ловли добычи. То одна, то другая птица, наклонив голову к земле, бежит быстрыми семенящими шажками за скачущей кобылкой, схватывает и, быстро проглотив ее, продолжает сопровождать людей...

В межсопочной долине ниже Марьи было большое количество колоний сусликов, привлекавших к себе пернатых хищников, среди которых особенно много было степных орлов, питающихся этими грызунами.

Утром, как только земля достаточно прогрелась солнцем и суслики вылезали для кормежки из своих нор, около колоний зверьков появлялись орлы. Крупные птицы по возможности внезапно налетали на удалившегося от норки и зазевавшегося зверька, схватывали его и, не улетая далеко, проглатывали добычу. В случае промаха или если суслики, заметив приближающегося врага (чаще всего по его тени), скрывались в норы, орел опускался на землю вблизи отверстия норы и, превратившись в каменное изваяние, часами ожидая удобного момента, чтобы повто-

* В. Ф. Рябов. К экологии некоторых степных птиц Северного Казахстана по наблюдениям в Наурузумском заповеднике. Труды Наурузумского заповедника, вып. 2., М., 1949.

КРЕЧЕТКИ

рить нападение и захватить зверька. Вместе с орлами за сусликами у овцефермы охотились и канюки-курганники, которых было много меньше, чем орлов. Однажды во время экскурсии в неширокое ущелье на отвесном скалистом обрыве одной из сопок мы нашли гнездо курганников. Добраться до гнезда было нетрудно, так как скала, на которой оно помещалось, имела отвесный склон только книзу, сверху же к ней подходила пологая гряда из сланцев. В гнезде в это время (9 июня) было три птенца, покрытых пухом и пеньками, начинавшими раскрываться. Когда мы подбирались к гнезду, взрослые птицы кружились над нами, не решаясь подлетать особенно близко, и все время издавали свои жалобные и хищные крики-канючье. Птенцы при нашем приближении топорщили перья, щелкали клювами и, опрокидываясь на спины, угрожали нам когтями своих пальцев. На краю гнезда, около его лоточка, валялись остатки пищи, приносимой курганниками своим птенцам. Больше всего здесь было обрывков шкурок и лапок сусликов, задняя лапа большого земляного зайца, крыло селезня, чирка-трескунка, обрывки шкурки горлянки...

В то время, когда я экскурсировал для наблюдений и знакомства с птицами казахстанских сопок, мой спутник, С. И. Оболенский, посвящал свое время сбору костей грызунов, иногда массами скопляющихся в выбоинах и щелях у обрывистых скал казахстанских сопок. По сбору этих костей в своеобразных «кладбищах», открытых им, а также по последующему определению видовой принадлежности мельчайших обломков костей он был большой специалист.

Покойный С. И. Оболенский был вообще замечательным ученым и человеком. Зоологические исследования были самым важным делом жизни и деятельности Сергея Ивановича. Занимаясь разборкой косточек грызунов, он просиживал за этим занятием целые ночи, и с неохотой ложился в постель, чтобы поспать перед новой экскурсией часа полтора. И так изо дня в день.

Вторым качеством Сергея Ивановича было стремление изобретать, придумывать что-нибудь новое, чтобы улучшить методику сбора грызунов, чтобы рационализировать и поставить на более высокую ступень дело борьбы с вредителями сельского и лесного хозяйства. Этому ученому наша советская прикладная зоология, помимо прекрасных книг, брошюр и статей, опубликованных в разное время, обязана рядом изобретений. Стоит упомянуть хотя бы предложенный им метод пропыливания нор грызунов ядами, удешевляющий борьбу с ними, способ отпугивающих приманок, применяемых для защиты плодовых деревьев и древесных посадок от повреждений зайцами, и ловлю грызунов при помощи искусственных нор и т. д.

Любимой науке, интересующим его исследованиям Сергей Иванович отдавался с полным самозабвением, ни сколько не заботясь о себе. В суровые казахстанские зимы, с температурой до тридцати градусов ниже нуля, при сильных ветрах, принимавших характер штормов и снежных бурь, он мог уходить на экскурсии за двадцать километров, чтобы методически, шаг за шагом подходить к каждому телеграфному столбу, разыскивая под ним погадки хищных птиц с находящимися в них обрывками шерсти, обломками черепов и косточек грызунов. О количестве материалов, собранных им, дают представление следующие цифры: в работе, посвященной методике изучения динамики грызунов и основанной на материалах,

собранных в Центральном Казахстане, им было определено из погадок 22 804 мелких млекопитающих! *

За работой, наблюдениями, встречами интересных птиц, ловлей разнообразных грызунов две недели, которые мы могли посвятить нашей поездке, пролетели незаметно и до странности быстро.

Пришло время отъезда. Как и в начале нашей экскурсии, мы, погрузив вещи на маленькую одноконную бидарку, отправились, сопровождая ее, теперь уже не на полустанок Бурму, а на станцию Жарык. Через день мы были уже на месте нашей постоянной работы — на Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции.

ЧЕРНЫЙ ЖАВОРОНОК

Почти единственные птицы, оживляющие зимние ландшафты безграничных степей Центрального Казахстана, нарушающие безмолвие его снежных пустынь в продолжение более чем пяти месяцев в году, — черные жаворонки.

Стайками летают они над снежными сугробами в степях, присаживаются и бегают по едва вырисовываемся из-под снега узким дорогам, перепархивают по овечьим тырлам **, неоступно следуют за тебенеющими по степям стадами ***.

Родина черных жаворонков — типцово-ковыльные степи Заволжья, центральных частей Казахстана и Западной Сибири с пятнами пухлых солонцов, покрытых матово-белой коркой, степи, на которых растительность выгорает уже в середине июня.

Каждый, кто бывал в степях Казахстана зимой, непременно встречал стайки этих черных птичек — обязательную принадлежность казахстанского зимнего ландшафта...

Конец февраля — первые числа марта. В Центральном Казахстане до весны еще целый месяц. Везде лежит

* См.: С. И. Оболенский. К методике изучения динамики населения мелких млекопитающих. Зоологический журнал, т. 24, вып. 1. М., 1945.

** Очищенные от снега площадки, на которых кормят сеном домашних животных.

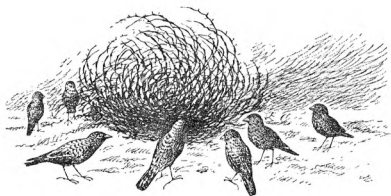
*** Тебенежка — пастьба скота зимой по снегу. Животные сами добывают себе корм, разгребая копытами снег.

сплошной и глубокий снег. Морозы в некоторые дни доходят до 20—30 градусов ниже нуля. Над снегом серебристым дымком курится поземка. Свирельствуют метели и бураны... Черные жаворонки, однако, начинают испытывать пробуждение весенних настроений и чувств. Эти чувства говорят птичкам, что уже скоро, через какой-нибудь месяц, окончатся зимние невзгоды, прекратятся метели.

Все чаще и чаще черные птички, пока еще несмело, начинают щебетать. Наблюдая за стайкой жаворонков, кормящихся в начале марта где-нибудь на занесенной снегом дороге, видишь, как то одна, то другая птичка, а то и несколько штук одновременно поднимаются в воздух и летают над своими нахохлившимися от холода товарищами «весенним», совершенно особенным полетом. Холодно. Леденящий ветер ерошит перья летающей птицы, но она, не обращая на него внимания, пытается перекричать завывания вьюги...

В первых числах апреля наступает долгожданная весна. Устанавливается теплая погода, лучи горячего солнца быстро сгоняют с почвы весь снег, наполняются талой водой ложбинки и впадины, разбухают небольшие степные речки... Еще несколько дней — и разворачиваются почки караганника, появляются из земли тонкие травинки, распускаются бледно-розовые звездочки мелких степных тюльпанчиков. Короткая казахстанская весна в полном разгаре.

Стайки черных жаворонков с наступлением весенних дней распадаются, птицы разбиваются на пары и занимают обособленные гнездовые участки. В это время черные жаворонки деятельны и оживлены. С раннего утра и до поздних сумерек угольно-черные самцы токуют возле своих скромно одетых в тускло-серые наряды подруг. Ток черных жаворонков — главным образом характерный, токовый, полет. Самец с песней поднимается в воздух и летает зигзагами и кругами невысоко над землей, сильно взмахивая и ударяя крыльями. Крылья при этом поднимаются птицей вверх «до отказа», так, что их углы ударяются друг о друга, а жаворонок после такого взмаха без нового движения крыльев парит в воздухе, планируя книзу. Снова несколько обычных взмахов, снова сильный взмах и опять планирующий спуск. Этот полет так оригинален, что, увидев его однажды, невозможно спутать его впослед-

ЧЕРНЫЕ ЖАВОРОНКИ

ствии с полетом других птиц... Особенно эффектно бывают эти брачные полеты черных птиц в самом начале спаривания, когда над степью летает не одна птица, а одновременно по 10—15 самцов. Такие полеты проделывают самцы черных жаворонков не только в период спаривания, но и позднее, когда самки уже сидят на яйцах.

Излюбленные и наиболее характерные для черных жаворонков гнездовые участки — глинистые полыннотыщцовые, плоские и сухие степи, с редкими кустиками солянок и морской полыни вблизи от лишенных всякой растительности площадок солонцов.

При выборе гнездовых участков у черных жаворонков проявляются общественные инстинкты, и пары обыкновенно поселяются вблизи друг от друга, образуя нечто вроде разбросанных колоний.

Гнезда помещаются в неглубоких ямках, под защитой кустика ковыля или полыни. В такой ямке сооружается из травинок и другого мягкого растительного материала очень рыхлая и непрочная постройка. Полные кладки яиц черных жаворонков я находил во второй половине мая. В начале июля все молодые жаворонки покидают гнезда и собираются в стаи.

Период линьки старых птиц начинается сейчас же после окончания забот о потомстве, т. е. в июле. Молодые птицы в гнездовом наряде окрашены подобно взрослым самкам, но несколько тусклее и бледнее последних. У молодых

самцов черное оперение начинает появляться почти сейчас же после оставления гнезд. Во второй половине июля постоянно встречаются черно-пестрые птицы — самцы, облакающиеся в свой взрослый наряд.

Обитающие в сухих и безводных степях черные жаворонки, по-видимому, зачастую могут обходиться без воды, довольствуясь выпадающими почками росами и получая незначительное количество потребной для их организмов влаги с пищей — листьями растений и насекомыми. Если же поблизости от мест обитания черных жаворонков находятся непересыхающие водоемы, то птицы постоянно летают на водоемы, пьют часто и помногу.

Черная окраска самцов жаворонков обуславливает поглощение солнечных лучей и сильное перегревание птиц. В результате этого черные жаворонки сильно страдают от жары. В полуденные часы лета, когда солнце находится в зените, птицы становятся малоподвижными, подпускают людей вплотную и лежат, раскрыв клювы и распутив крылья, под низенькими кустиками степных растений, почти не дающими тени.

Летом на местах своих гнездований эти жаворонки — весьма приметные птицы, так как черное оперение резко контрастирует с белой окраской солонцов и со светло-желтой выгоревшей степной растительностью. Они реже остальных видов жаворонков поднимаются с пением в воздух; сама их песнь представляет собой негромкое чирканье, в которое изредка вставляются свистовые трели. Большую часть дня черные жаворонки проводят, бегая среди редких кустиков травы, клюют семена растений, гоняются за прыгающими кобылками, схватывают и долбят клювами черных жуков-медляков.

В летние дни, когда солнце начинает склоняться к западу, черные жаворонки чаще, чем их родичи, купаются в пыли дорог или в рассыпающихся в мелкий порошок вздутых нухлых солонцов, стараясь избавиться от досаждающих им паразитов. Купающаяся птица заметна издали благодаря облачку пыли, поднимающемуся над ней. Подходишь ближе. Жаворонок неохотно встает, сильно встряхивается, взмахнув несколько раз крыльями, и немного отбегает или отлетает в сторону.

В казахстанских степях врагов у черных жаворонков немного. Их яйца и птенцов, а при случае и взрослых птиц

поедают, случайно натолкнувшись на них, ежи, степные хорьки, корсаки и лисы. Я видел несколько раз дербников, гонявшихся за жаворонками. Осенью и весной, в период перелетов, к дербникам присоединяются чеглоки и ястребы-перепелятники. Зимой некоторое количество черных жаворонков погибает, попадая в лапы зимующих в степях филинов и белых сов. (Однажды в желудке убитого зимой филина я обнаружил двух жаворонков.)

После окончания летней линьки как старые, так и молодые самцы становятся серо-черными, так как перья имеют светлые вершины. Особенно светлы плечи, голова и надхвостье. Весной дополнительной линьки у жаворонков не происходит, а сплошь угольно-черный цвет оперения поздневесенних и летних птиц обуславливается облашиванием светлых вершин перьев. Черный цвет жаворонков совершенно лишен блеска. Окрашивание их клювов в молочно-белый цвет начинается со второй половины зимы, у осенних птиц клювы имеют темный оттенок.

Выводки молодых жаворонков и окончившие линьку взрослые группируются с середины августа до начала сентября в более или менее многочисленные стаи и переходят к своему зимнему образу жизни. В начале осени эти стаи придерживаются мест своих гнездовых, странствуя в поисках богатых кормом мест на ограниченных участках степей, но после выпадения снега, что обычно происходит в середине ноября, стаи жаворонков начинают кочевать. Иногда можно встретить огромное скопление черных жаворонков вблизи от какого-нибудь поселка, где они бегают по дорогам и тырлам, а на следующий день не увидеть в этих местах ни одной птицы. Отлетевшие стаи через некоторое время появляются снова и т. д.

Примерно начиная с конца сентября стаи черных жаворонков разделяются по половому признаку, и вплоть до наступления весенних дней стаи черных самцов держатся и летают порознь от стай серых самок. Исключительно редко в это время можно увидеть самцов и самок вместе.

Зимние стаи черных жаворонков, как правило, не бывают особенно многочисленными. Обычно в стаях насчитывается по 30—40 птиц. При кормежках в каких-нибудь особенно «кормных» местах, как, например, на овечьих тырлах, у зимних загонов для скота, на широких

оживленных шоссе и дорогах, часто несколько стай черных жаворонков собираются вместе, но к вечеру, с наступлением ранних зимних сумерек, каждая стая улетает на ночевку отдельно от других. Интересно, что при таких сборищах стай, во время общих кормежек черные самцы держатся на некотором отдалении от самок, собирая корм в нескольких десятках шагов от них.

В течение всей зимы черные жаворонки, в противоположность тому, что наблюдается летом, очень деятельны и весьма подвижны. Стаи птичек с чириканьем перелетают с места на место, опускаются в рыхлый, пушистый снег, проваливаются в него, клюют семена с торчащих из-под снега стеблей высоких растений, шумной гурьбой набрасываются на кучки навоза, оставляемого на дорогах лошадьми. Низкая температура воздуха, доходящая иногда до 50 градусов ниже нуля, периодическая бескормица, вызываемая в основном сильными снегопадами, не отражается в сколько-нибудь значительной мере на этих аборигенах полупустынь Казахстана.

За все время моего пребывания здесь я ни разу не видел черных жаворонков, погибших от непогоды и голодовок, что весьма часто происходит со случайно остающимися на зимовку в Центральном Казахстане полевыми жаворонками... Легкая приспособляемость черных жаворонков к любой пище позволяет им переживать самые неблагоприятные условия. Мне много раз приходилось препарировать черных жаворонков, добытых в самые суровые зимние месяцы — в январе и феврале, и всегда птички были упитаны, и под кожей у них были жировые отложения. Клювы черных жаворонков так крепки, что птицы без особого труда разгрызают даже семена кураев, а высокие кусты этих растений при самом глубоком снеге всегда торчат из-под снега. К концу зимы небольшие стаи черных жаворонков объединяются вместе, иногда в количестве нескольких сотен птиц.

Как я описывал раньше*, у черных жаворонков, так же как и у некоторых других птиц, имеется особое «барометрическое» чувство, позволяющее им предвидеть изменение погоды. Предчувствие наступления буранов

* См.: Л. Б. Бем е. Некоторые особенности биологии птиц Центрального Казахстана. Бюллетень Московского общества испытателей природы, от. биологии, т. 5. М., 1950.

очень ярко выражено у зимующих в Центральном Казахстане черных жаворонков и рюмов. Накануне бурана (часто часов за 12—16) можно видеть стаи этих птиц, летящих в направлении, противоположном приближающемуся бурану, т. е. если он надвигается с севера, то птицы летят на юг.

Во время пребывания в Казахстане я держал у себя черных жаворонков. Мне приносили птичек во второй половине зимы — в феврале и в начале марта. Так как клеток для птиц не было, я помещал жаворонков между двумя рамами окна. (Большинство жилых строений в Центральном Казахстане сооружается из саманных кирпичей. Стены построек очень толсты, и подоконники поэтому имеют в ширину около полуметра.)

На первое время я подвязывал жаворонкам крылья. Птички сразу же начинали клевать корм — семена проса, конопли, овса и ячменя, — быстро привыкли к моему присутствию возле них и не метались за окном. Дней через пять я развязывал им крылья. Однако большого удовольствия черные жаворонки не доставляли. Ни одного раза ни один из них не начинал петь. Птички тихонько бегали по окну, клевали корм, чирикали, переговариваясь друг с другом, и большую часть времени проводили, сидя неподвижно у наружного стекла, печально смотря в окружающую мой домик степь. Наблюдения за малоподвижными и тоскующими птицами навевали на меня тоску, и с наступлением весенних дней, когда в степях стаявал снег и появлялись с юга утиные стаи, а по утрам со светло-лазоревого неба начинали раздаваться бодрые трели прилетевших полевых жаворонков, я выпускал моих черных пленников на волю.

Нельзя почувствовать прелести горных каменистых степей Дагестана без звонкого кудахтанья горных курочек на его желтых скалах. Безжизненными будут подмосковные светлые березовые рощи, растущие над тихими заводами Москвы-реки, Оки и Клязьмы, без «флейт» иволг и без задорного «боя» зябликов. Печальными и унылыми выглядели бы глухие еловые и сосновые боры, не оживляемые писком синиц, стуком и клеканьем желны. Темные силуэты черных жаворонков на снежных сугробах зимних дорог вносят прелесть, оживляют и придают особый колорит полупустыням Казахстана.

РОЗОВЫЙ СКВОРЕЦ

Народы Южной и Средней Азии считали розовых скворцов священными птицами.

Обожествление птиц, чудесных «детей воздуха», создание вокруг некоторых из них религиозных культов, было широко распространено среди народов разных стран и времен. Ибисы в древнем Египте, голуби у евреев и римлян, шавлины и майны у индусов, белые журавли у японцев, маленькие, изящные горлинки «мусульча» у узбеков — все это «священные» птицы, о которых созданы легенды. Однако ни одна из всех названных птиц не заслуживает в такой мере почитания, как розовый скворец.

В прошлом, когда люди, занимавшиеся земледелием, были бессильны бороться с массовыми вредителями их посевов, саранча уничтожала в некоторые годы львиную долю урожая и обрекала население на нужду и голод. Но когда казалось, что спасения урожая ждать неоткуда, иногда внезапно налетали тучи розовых скворцов и ликвидировали полчища саранчи. Вполне понятно, что, по наивным представлениям древности, розовые скворцы — спасители хлеба, избавители от голода — считались посланниками доброжелательного божества.

Для нас розовые скворцы не овященны и не посланцы богов, но мы должны признать огромную роль этих птиц, наших вернейших помощников в борьбе со многими саранчовыми.

Возможно, что некоторые из наших птиц приносят народному хозяйству, нашим лесам, садам и посевам, не меньшую пользу, чем розовые скворцы. Синицы, поползни, совы, некоторые дневные хищники регулярно и методически, изо дня в день, очищают наши поля, сады и огороды от грызунов и насекомых. Однако ни одна из птиц так быстро и эффективно не уничтожает вредителей сельского хозяйства, как розовые скворцы. В этом отношении они не имеют соперников!

Розовые скворцы распространены на обширных территориях у нас в СССР, они обитают в период гнездовья на всем юго-востоке страны: на Кавказе и Закавказье, в среднеазиатских республиках, в Казахстане и Западной Сибири, встречаясь также и в центральных областях

Союза и в Западной Украине. Зиму они проводят в Индии, Передней Азии и на Цейлоне.

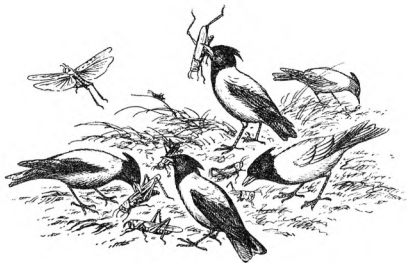
Розовые скворцы по величине примерно такие же, как наши обыкновенные черные скворцы, а по окраске своего оперения — одни из самых красивых птиц. Голова, шея, крылья и хвост у самцов черные с сине-фиолетовым блеском. Все остальное оперение нежного розового цвета, более яркого на боках и груди; на голове мягкий широкий хохол из поднимающихся перьев. Соединение блестяще-черного и нежно-розового очень красиво. Расцветка оперения самок такая же, как и у самцов, но черный цвет у них без блеска и с буроватым оттенком, а розовые тона грязноватые. Хохол у самок развит значительно слабее.

Одно из самых чудесных воспоминаний, на долгие годы запечатлевшееся в памяти, связано у меня с розовыми скворцами. Много лет назад мы собирали коллекцию птиц в прикаспийских степях Предкавказья и несколько дней жили в небольшом поселке Терекли-Мектеб, в самом центре Караногай. По соседству располагалось озеро, образованное мощным артезианским колодезем, и небольшая роща из старых душлистых ив и тополей. На деревья этой рощи и в тростники, покрывающие густой стеной берега, каждый вечер из окрестных степей прилетали на ночлег стаи розовых скворцов. Скворцов было много, стаи летели непрерывно друг за другом, и к закату солнца на деревьях рощи собиралось до тысячи птиц. Это было в мае, когда у розовых скворцов оперение не обношено и окраска сохраняет полную свежесть. Прилетевшие птицы тесными рядами усаживались на верхних ветвях деревьев, громко верещали, и картина сидящих на ветвях черно-розовых птиц в лучах заката была просто сказочна. Казалось, что темная листва деревьев перевернута какими-то волшебными муаровыми лентами. Временами птицы, как бы по команде, поворачивались на ветвях, и розовый цвет на мгновение заменялся блестяще-черным...

Я познакомился с розовыми скворцами давно, много видел их во время своих поездок по Кавказу, неоднократно находил их гнездовья, наблюдал их нападения на саранчу, но оценил этих птиц в полной мере лишь тогда, когда мне пришлось столкнуться с ними снова в Центральном Казахстане, пришлось, если можно так выразиться, работать совместно с ними.

Значению скворцов как истребителей саранчи посвяще на очень содержательная и интересная работа М. К. Серебренникова, в которой описаны наблюдения над розовыми скворцами в Узбекистане. Поведение розовых скворцов, пишет М. К. Серебренников, подчиняется и управляется прежде всего инстинктом стадности. Колоссальные стаи птиц носятся весь день над степью, то слетаясь и соединяясь в настоящие тучи, то распадаясь на более мелкие стайки. Опускаясь на саранчу, скворцы бегут в каком-нибудь одном направлении и клюют саранчуков. Обыкновенно передние ряды спешат и бегут быстрее задних. Последние, не желая отставать, взлетают и опускаются среди передних, продолжая бежать, подгоняемые общим настроением охоты и погони за добычей. Иногда, найдя где-нибудь в стороне более плотные массы саранчи, стая меняет направление и устремляется туда. Снова задние ряды скворцов взлетают и опускаются среди передних или впереди них. Эти перелеты и взлеты скворцов напоминают перекачивание волн и благодаря огромному скоплению птиц производят сильное впечатление. Так, взлетая и перекачиваясь, двигаются стаи розовых скворцов в погоне за добычей... С утра, когда птицы еще голодны, они все в одинаковой степени заняты кормежкой. Вскоре, однако, некоторые из них, насытившись, уже не кормятся более. На ходу, не отставая от прочих, они начинают чиститься; часто они не прочь затеять небольшую ссору, вызывая общий гвалт. Но драчливое настроение проходит быстро, и птицы снова бегут вместе с остальными. Иногда вся стая взлетает и носится некоторое время низко над землей с криком и щебетом, чтобы где-нибудь неподалеку снова опуститься на саранчу. Сытые птицы уже не могут поглощать саранчуков, но, не желая покидать стаю, в силу инстинкта стадности они продолжают бежать вместе с остальными и, *схватив добычу, не проглатывают ее, а бросают* (подчеркнуто мной.— Л. Б.). Розовые скворцы, которых М. К. Серебренников держал короткое время в неволе, за день съедали около 200 крупных саранчуков. Автор полагает, что в естественных условиях, вынужденные постоянно двигаться, розовые скворцы съедают большее количество саранчи.

Прилетая со своих зимовок, стаи розовых скворцов первое время держатся в местах, где можно добывать пропи-

СТАЯ РОЗОВЫХ СКВОРЦОВ, НАПАВШАЯ НА САРАНЧУ

тание. Весной саранчовых в степях еще нет, и скворцы питаются самыми разнообразными насекомыми. Южнее в первых числах мая розовые скворцы уже встречают народившуюся саранчу первых возрастов и сразу же нападают на нее. Красочное описание прилета розовых скворцов мы находим у М. К. Серебренникова: «Седьмого мая я ехал в Чаткальский хребет, пересекая Дальверзинскую степь (в Узбекистане, в районе Ташкента.— Л. Б.). В стороне над степью мне бросилось в глаза несколько подвижных темных облачков. Сначала я не мог понять, паровозные ли это дымки или лёссовые пыльные смерчи, поднятые ветром. Посмотрев в бинокль, я увидел колоссальные стаи птиц. Пришлось изменить направление. По мере приближения я увидел, что это розовые скворцы. Громадные стаи их носились над степью. Они то и дело опускались на землю и вскоре снова поднимались...» *

Через некоторое время после прилета розовые скворцы остаются в местах, облюбованных ими для постройки гнезд. Эти общественные птицы часто гнездятся

* М. К. Серебренников. Розовый скворец, его образ жизни и экономическое значение в Узбекистане. Ташкент, 1930.

огромнейшими колониями, устраивая гнездо одно подле другого. Излюбленные места для гнездования — неглубокие ущелья гор и сопки с отвесными обрывами, в которых в значительном количестве имеются эрозионные выбоины, щели или просто трещины между каменистыми скалами. Однако если таких подходящих мест нет, то птицы могут приспособляться к, казалось бы, совершенно не подходящим для этих целей сооружениям. Однажды, проезжая по прикаспийским степям Северного Кавказа (в Ставропольском крае), я обнаружил большую колонию розовых скворцов, гнездящихся в штабелях сложенного для просушки кизяка и самана. Видимо, отвесные стены вышиной до двух и более метров, наличие щелей и скважин между кирпичами и кусками кизяка создавало видимость скал и обрывов.

Казахская складчатая страна — Центральный Казахстан, район моих наблюдений над образом жизни розовых скворцов, — лежит у крайних северных границ их распространения, и здесь скворцы появляются периодически.

В 1940 г. я отметил лишь однажды случайно встреченную мной пару самок розовых скворцов. В 1941 г. я ни разу розовых скворцов не видел. В 1942 и в 1943 гг. в период с мая по сентябрь небольшие стайки птиц охотились за разрозненными и немногочисленными в эти годы саранчовыми в полынных степях. Наконец, в 1944 и особенно в 1945 г. огромные стаи розовых скворцов наводнили беспредельные степные пространства всего Центрального Казахстана.

Это явление находит полное объяснение в сопоставлении количества птиц с периодами массового размножения саранчовых, в частности итальянской саранчи, или пруса. В 1940—1943 гг. пруса в сухих степях казахстанского мелкосопочника было очень немного. Насекомые нигде не образовывали плотных стай (кулиги), и встречались лишь одиночные кобылки. В 1944 г. началось значительное размножение саранчи. Кулиги пруса встречались в течение всего лета, но держались в целинных, невозделываемых степях и сельскому хозяйству не угрожали. Однако в конце июня и в начале июля весь район Центрального Казахстана (речь идет о Карагандинской области) был наводнен массами пруса, появившегося со стороны полупустыни Бет-Пак-Дала и Чуйской степи. В некоторые дни насекомые летели над степями разрозненными стаями в

продолжение 8—10 часов непрерывно, занимая каждой кулигой полосы шириной до 5—6 км. В таких кулигах насчитывались миллиарды насекомых. Часть саранчи пролетела в разных направлениях дальше, но очень многие кулиги остановились и отложили здесь свои «кубышки». Некоторое представление о количестве бывших здесь в это время насекомых могут дать следующие цифры: на некоторых участках осенью 1944 г. было обнаружено до 6—7 тысяч кубышек * на один квадратный метр площади залежи! Это значит на одном квадратном метре должно было появиться из яиц минимум 210 тысяч насекомых.

1945 год, таким образом, должен был быть очень опасным для сельского хозяйства Карагандинской области, в основном базирующегося на поливном земледелии, очень трудоемком и дорогостоящем.

Советская агробиологическая наука оказалась на достаточной высоте: в результате проведенных истребительных и защитных работ процент поврежденных прусом в 1945 г. посевов выразился в Центральном Казахстане в цифрах, не имеющих хозяйственного значения. Посевы были ограждены от саранчи, но понятно, что истребить всю массу саранчи в беспредельных степях Казахстана было невозможно: слишком много на это потребовалось бы рабочей силы, ядохимикатов, времени и труда. И вот на помощь людям пришли розовые скворцы, появившиеся в Карагандинской области в значительном количестве весной 1944 г. Весенний прилет розовых скворцов в 1945 г. был зарегистрирован мной на станции Жарык Карагандинской железной дороги 18 апреля. Птицы, как обычно, появились огромными стаями, летали над степями, присаживались на почву, кормились и улетали дальше. Примерно с 1 мая количество розовых скворцов стало увеличиваться. К полудню птицы, кормившиеся в открытой степи и насытившиеся, прилетали к поселкам, пили воду из

* Самки саранчовых во время откладывания яиц делают своим брюшком ямки в сухой и мягкой почве. В эти ямки они откладывают порции яиц в количестве 20—50 штук и одновременно выпускают в ямку клейкую, тягучую жидкость, цементирующую яички и склеивающую их друг с другом. Жидкость затвердевает на воздухе, и к ней прилипают частицы почвы и мельчайшие песчинки. Так образуется земляной футляр цилиндрической, несколько изогнутой формы, внутри которого находятся яички саранчовых. Этот футляр и называется кубышкой.

арыков оросительной сети, отдыхали на приарычных деревьях, купались. К концу мая розовые скворцы обосновались у своих гнезд в сошках. В это время лишь небольшие стайки птиц, возможно, состоящие из холостых особей, в дневные часы прилетали к поселкам.

23 мая 1945 г. было зарегистрировано отрождение личинок пруса из кубышек. Сейчас же началась борьба с ними. Стаи взрослых розовых скворцов, выкармливавших в это время птенцов, посещали кулиги пруса вблизи от поселков, но небольшое количество птиц, несколько помогая истреблению пруса, серьезного значения не имело. 4—5 июля произошел массовый вылет молодых скворцов из гнезд, и с этого времени тысячи розовых скворцов приняли участие в истреблении полчищ пруса. Опрямные стаи птиц уничтожили саранчу у поселков, в непосредственной близости от посевов, но еще большее количество их напало на пруса в невозделанной степи. В это время в районе, о котором идет речь, прус уже окрылился, и поведение птиц изменилось. Когда кулиги пруса, подвергавшиеся нападению розовых скворцов, поднимались в воздух, птицы устремлялись за ними. Воздух наполнялся шуршанием крыльев саранчи, криками и верещанием птиц, шумом от столкновения гонимых насекомых друг с другом. Скворцы хватали и сбивали в воздухе летящих насекомых, опускались с ними на землю и, снова поднимаясь, преследовали летящие кулиги. В результате этих неотступных нападений прус снова снижался и садился, и опять повторялось все сызнова... Тысячные стаи птиц, неисчислимы массы насекомых, непрерывное столкновение их производило впечатление какого-то стихийного явления. Среди птиц было еще много молодых, не вполне приспособившихся к погоне за верткой и живой добычей. Молодые серые птицы, легко отличимые от взрослых желто-серым оперением, по две-три следовали по пятам за своими родителями, и последние, схватив саранчука, быстрыми движениями отрывали у него жесткие надкрылья и ножки и торопливо совали в клювы птенцов. В результате появления скворцов кулиги пруса, разреженные к этому времени истребительными мероприятиями были полностью ликвидированы, и угроза посевам отпала.

Не меньший эффект имела деятельность птиц в целинных степях, в которых борьба с саранчой не проводилась.

Огромнейшее количество пруса было истреблено розовыми скворцами, кулиги саранчи были рассеяны и разогнаны. В результате «работы» розовых скворцов осеннее обследование залежей кубышек саранчи во всем районе моих наблюдений, простиравшемся на сотни квадратных километров, нигде не обнаружило залежей кубышек в количестве, угрожавшем посевам.

После ликвидации пруса стаи розовых скворцов держались еще некоторое время у поселков и в степи, но в гораздо меньшем, чем раньше, количестве. Стаи птиц летали с места на место, присаживались и добывали прыгающих и взлетающих саранчуков. Весь август отмечалось постепенное уменьшение количества скворцов, а в начале сентября и последние стаи отлетели на свои зимовки.

Розовые скворцы не содержатся в неволе, хотя их чудесное оперение, задорный и бойкий нрав могли бы доставить любителям пернатых большую радость. В оригинальной русской литературе мы не находим никаких указаний о содержании розовых скворцов в клетках. А. Э. Брэм, к книгам которого приходится обращаться до настоящего времени, чтобы получить данные о многих моментах из жизни птиц в условиях неволи, о розовых скворцах говорит следующее: «Пение розового скворца, которое я слышал от живших у меня в клетках птиц, представляет не что иное, как хриплую болтовню, в которой призывные хриплые звуки являются самыми приятными. Остальные — каркающие и трескучие, нечто вроде «эч печ рич риц цирр» и т. д. ... розовый скворец в клетке приручается так же хорошо, как и обыкновенный, и так же подвижен и деятелен, как последний...» *

Иногда розовые скворцы приносят значительный вред садам и виноградникам. Особенно от этих птиц страдают сады шелковицы (тутовника), приторно сладкие ягоды которой любят эти птицы. На местах своих зимовок в Индии розовый скворец жестоко опустошает рисовые поля.

Мне кажется, однако, что в наших условиях, и особенно в условиях поливного хозяйства Казахстана, Узбекистана, Армении и Азербайджана, где еще ежегодно может

* Брэм. Жизнь животных, т. 9. СПб., изд-во «Деятель», 1914.

возникать опасность массового стихийного появления саранчовых, но трудно полностью уничтожить насекомых, роль розовых скворцов нельзя преуменьшать. Да и, наконец, кто может с точностью подсчитать пользу и вред, приносимые птицами? Каждый натуралист, изучавший этих черно-розовых птиц, всегда будет относиться к ним с уважением и любовью и будет снисходительно прощать им поедание вкусных ягод тутовника и винограда. Право же, розовые скворцы имеют вполне заслуженное право полакомиться иногда вкусными ягодами!

КИРГИЗСКАЯ ГОРНАЯ ЧЕЧЕТКА

Академик Петр Петрович Сушкин описал в 1925 г. новую географическую разновидность горных чечеток, которую он назвал киргизской горной чечеткой.

Условия существования этой горной чечетки, экология птички — какой-то парадокс, по сравнению с остальными географическими подвидами горных чечеток. Все горные чечетки, как говорит само название птичек, — обитатели горных стран. Одна из них, кавказская горная чечетка, во время своего гнездового периода живет на высотах кавказских хребтов, не спускаясь ниже полосы рододендронов. Ландшафт, среди которого натуралисты встречают горных чечеток, — уходящие в небо горные вершины, зубцы скал, каменные ущелья. Киргизская же горная чечетка обитает не в горах, а в беспредельных просторах степей Северного и Центрального Казахстана, живет бок о бок с кречетками, черными жаворонками, степными журавлями... Когда я впервые в открытой степи услышал характерный щебет горных чечеток, а затем увидел самих птичек, я не поверил своим глазам, так странен показался мне самый факт пребывания этих хорошо известных мне по Кавказу птиц среди ковылей, кураев и полыни...

Весенние стайки горных чечеток появляются в Центральном Казахстане вместе с наиболее рано прилетающими птицами — в то время, когда едва начинают освобождаться из-под снега обращенные на юг неровности почвы, т. е. в последних числах марта. Раньше них прилетают только серые вороны, галки, а из мелких певчих птиц — полевые жаворонки и обыкновенные и белошапочные овсянки. Появление горных чечеток легко заметно, так как

летающие птицы непрерывно издают свои щебечущие призывные крики. Прилетают чечетки небольшими стайками и, испытывая первое время трудности в добычании пищи, все время летают в разных направлениях, разыскивая торчащие из-под снежных сугробов высокие стебли сорняков, семена которых — единственный доступный для них весной корм.

Короткая казахстанская весна в несколько дней освобождает степи из-под зимнего покрова, речки наполняются водой, корма для чечеток становится вдоволь, и непоседливая жизнь прекращается. Недели через две-три после своего возвращения стайки чечеток начинают распадаться, птички облюбовывают участки для гнездовых и обосновываются на них. В середине апреля теплая погода устанавливается уже окончательно, из-под почвы тянутся зеленые побеги растений, и в начале мая чечетки разбиваются на пары.

Возле домика, где я жил, находилось несколько полужасыпанных довольно глубоких канав — траншей, оставшихся после хранения буртов картофеля. Склоны канав, густо заросшие высокими чертополохами, репейником, кустиками лебеды и белладонны, привлекали к себе чечеток. В весенние дни на этих сорняках часто «токовало» по несколько пар птичек. Процесс брачных игр — ток чечеток — происходил следующим образом. Самочка обычно устраивалась на кучке земли у верхнего края канавы, а самец — реже два самца — летал вокруг нее, все время щебеча. Полет самцов во время токования несколько напоминает полет лесного конька, когда последний, набрав предельную высоту, распутив хвост и подняв его под углом вверх, опускается по косой линии, планируя на какую-нибудь ветку. Самцы горных чечеток точно так же, взлетев, планировали к своим самкам, или, часто взмахивая крыльями, летали вокруг них небольшими кругами. Пролетав несколько таких полетов, самец опускался на землю около самки и, распутив полувеером хвост, слегка опустив крылья, так что особенно заметным становилось его карминно-красное надхвостье, все время щебеча, прыгал возле самки.

Самочка, тихо щебеча, взирала на ухаживания; в конце концов обе птички вместе поднимались в воздух и куда-то улетали, чтобы через полчаса снова вернуться на место своих любовных игр.

На брачные игры, выбор подходящего места для устройства гнезда и другие связанные с этим процедуры уходит довольно много времени, и гнезда киргизских чечеток с кладками яиц я находил только в двадцатых числах мая.

П. П. Сушкин, единственный из натуралистов, описавший характерные места обитания киргизских горных чечеток, определяет их так: «Это главным образом каменистая степь с несколько волнистым рельефом, но отнюдь не горы с узкими долинами. Если к этому местность разнообразится пятнами солонцов и частыми кустиками таволги у выхода камней, то чечетка находит все нужное для своего существования и становится прямо многочисленной... Кустарниковых зарослей и лугов она прямо избегает даже на пролете...» *

Мои наблюдения над гнездованием киргизских горных чечеток в районе, находящемся немного южнее района наблюдений П. П. Сушкина, несколько дополняет описание их любимых мест обитания.

Особенно часто я встречал гнездящихся горных чечеток в период с апреля по июнь на каменистых пологих склонах сопок, покрытых мелкой щебенкой и поросших редкими кустами караганы, спереи и таволги. В меньшем количестве они гнездились по берегам степных речек, заросших высокими кустами чиев, по неглубоким степным балочкам, промываемым весенними тальми водами. В плоской типцово-ковыльной степи и на солонцах я в это время их никогда не встречал.

По каменистым склонам сопок и по зарослям чия горные чечетки гнездятся вблизи друг от друга по 12—15 пар; чаще, однако, они не образуют таких колоний. При поселении обществами горные чечетки в период насиживания яиц и воспитания птенцов держатся не стайками, а исключительно парами.

Метрах в пятидесяти от домика, где я жил, на склоне канавы-траншеи было гнездо пары чечеток. Я его обнаружил, когда в нем находились уже два яичка. Гнездышко помещалось у основания густого кустика таволги, в траве, и представляло собой искусную постройку из плотно переплетенных между собой стебельков, травинок и соломинок.

* П. П. Сушкин. Птицы Средней киргизской степи. Материалы к познанию фауны и флоры Российской Империи, т. VIII. М., 1907.

Снаружи его стенки были выложены мхом и лишайниками. Лоточек гнезда правильной полушарообразной формы был выстлан мягкими волокнами растений, обрывками шерсти, несколькими перьями птиц и конским волосом. Яички больше всего похожи по величине, окраске и форме на яйца домашних канареек и щеглов. На светло-голубом фоне у тупого конца сгруппированы черточки и пятна, образующие венчик. Гнездо я нашел 22 мая. После этого ежедневно в нем прибавлялось по одному яйцу, которое самка откладывала в утренние часы. 25 мая кладка была закончена, и птички приступили к насиживанию своих пяти яичек. Насиживание продолжалось 13 дней, и птенчики вылупились из яиц 7 июня почти все одновременно. 8 июня мне пришлось уехать на несколько дней и прервать наблюдения над «моими» чечетками. К сожалению, по возвращении, подойдя к гнезду, я обнаружил, что оно разорено и птенчики исчезли. Не было видно и взрослых птиц. Очевидно, гнездо и выводок птичек были уничтожены ежом или горностаем, постоянно бродившими по этим канавам.

Молодые горные чечетки покидают гнезда в последних числах июня и, собираясь по несколько выводков в небольшие стаи, кочуют по степям и сопкам. Постепенно к таким стайкам присоединяются новые выводки, несколько стаяк собираются вместе (встречаются стаи чечеток по 100 и более особей). Во время кочевок по степям в поисках корма горные чечетки часто залетают на огороды и усадьбы поселков, нисколько не боясь людей. Их основная пища — мельчайшие семена низкорослых степных растений, которые они выбирают из плодов, стручков и соплодий, шумными стайками лазая по стеблям, прицепляясь к ним боком и вниз головой, подобно тому, как это делают обыкновенные чечетки. Начав кормиться с восходом солнца и насытившись к полудню, стайки горных чечеток собираются где-нибудь в защищенном от жгучих солнечных лучей затененном месте и отдыхают всю жаркую пору дня. Летняя жара, обычная в степях Казахстана, действует на чечеток угнетающе. В особо жаркие дни они бездеятельны, почти безмолвны и сидят неподвижно, полураскрыв клювы. Для защиты от жары, в поисках затененных мест, которых в степи немного, стайки чечеток прилетают — иногда за несколько километров — к заборам поселков, на

обрывистые берега степных речек и особенно часто под высокие стены казахских могильных памятников, так называемые муллушки, разбросанные по степям.

Горные чечетки очень любят купаться на пологих отмелях степных озер и в мелководных речках. Я неоднократно заставал их за этим занятием. Некоторые из птичек, увлеченные купаньем, так намокали, что с трудом могли взлетать...

Линька молодых чечеток, взрослый наряд которых отличается от птенцового меньшим количеством расплывчатых пестрин на груди и боках и более интенсивной коричневатой окраской спины, происходит с начала июня. В это же время линяют и взрослые птицы. Однако карминно-красное надхвостье у молодых самцов появляется лишь во второй половине зимы. Молодые самцы и самки, бывшие у меня в руках в августе и сентябре, имели одинаковые у обоих полов серо-белые надхвостья.

В период высживания птенцов и в первое время после вылета молодых, до начала периода линьки, киргизские чечетки много поют. «Голос этой птички, — пишет П. П. Сушкин, — больше всего напоминает обыкновенную коноплянку, и также вся песенка, но голос вместе с тем значительно тише и песня менее разнообразна; так иногда поют самки обыкновенной коноплянки».

На мой взгляд, пение этих птичек типично для чечеток вообще. Вся песнь у них состоит из щелбета, в который вставляются изредка короткие журчащие трели. Пение же коноплянок, одних из лучших певцов среди наших зерноядных птиц, содержит много прекрасных свистовых звуков и звучных мелодий, за что коноплянки высоко ценятся любителями комнатных птиц.

В первых числах октября горные чечетки из степей Центрального Казахстана постепенно отлетают на места своих зимовок. Но отдельные стайки их встречаются вплоть до ноября, т. е. до наступления постоянных зимних заморозков. Зимой же они откочевывают до Туркестана. По своему характеру киргизские горные чечетки — необычайно симпатичные и милые птицы. Даже в степях Казахстана, где мало населения и мелких птичек никто не преследует и где большинство птиц (жаворонки, чекканы, варакушки и др.) мало опасаются человека, горные чечетки удивляют своей полной доверчивостью и проявлением ка-

кой-то дружелюбности по отношению к людям. Самец той пары горных чечеток, гнездо которой было в нескольких десятках метров от моего жилища, ежедневно навещал меня. Я в свободные часы выносил на порог своего домика стул и сидел на нем, отдыхая и наблюдая за птицами. Стоило мне появиться, как на кустах канавки, где было гнездо, раздавалось звонкое щебетание и маленькая птичка сейчас же подлетала ко мне; сперва она садилась на крышу дома, а затем слетала на гладкую выбитую площадку перед ним и с деловым видом, поглядывая на меня черными бисеринками своих глазок, что-то собирала с земли. Я пробовал бросать ей зернышки конопли, проса и раздавленных подсолнечных семечек. Птичка очень быстро оценила легкость получения корма от меня, сейчас же склевывала семена в двух шагах от моего стула, несколько не стесняясь моим присутствием. Дверь в мое помещение летом постоянно была открыта, и я, возвращаясь домой, часто заставал чечетку, «хозяйничавшую» в прихожей.

Такая доверчивость к людям и полное отсутствие страха перед ними не была индивидуальным качеством только «моей» чечетки. Выводки птичек, прилетавшие для полуденного отдыха под стены моего домика и под машины, стоявшие около него, вели себя так же.

В Казахстане я не имел возможности держать у себя в клетках киргизских горных чечеток, но, исходя из сравнения с кавказскими, неоднократно жившими у меня, думаю, что горные чечетки вообще не особенно хорошо уживаются в неволе. Кавказские горные чечетки быстро привыкали к клеткам, охотно брали любой зерновой корм и скоро начинали петь, но погибали, как правило, в начале лета, с наступлением периода линьки. Их гибель я объясняю тем, что, по-видимому, пища, получаемая ими в неволе, не содержит каких-то нужных им веществ.

Вспоминая годы, проведенные мной в Центральном Казахстане, я с исключительной симпатией представляю киргизских горных чечеток, их ничем не примечательные серые фигурки. Такое отношение к тихим скромным птичкам объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что среди унылых и однообразных казахстанских степей, покрытых ковылями, полынью и колючими кураями, горные

чечетки своим обликом и своим щебетом воскрешали передо мной родные хребты Кавказа, альпийские лужайки, где летают также серенькие птички с красными надхвостьями...

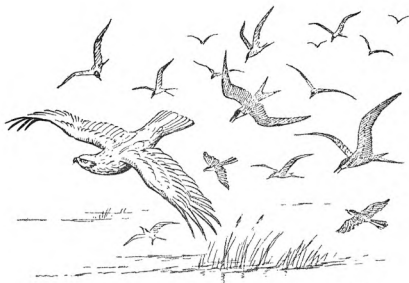
ДЖУНГАРСКИЕ ХОМЯЧКИ

Летним утром, взяв с собой железное ведро, я вышел из дома и направился к небольшому, затерявшемуся в степи Бурас-озеру.

Стоял июль. В типцово-ковыльной степи, окружающей озеро, водилось много краснощеких сусликов, и я собирался «выливать» зверьков из нор. Село осталось позади. Несмотря на утро, солнце палило немилосердно. Горячий воздух поднимался от почвы. Казалось, что видишь его волны, струящиеся над степью. При моем приближении из-под кустов полыни взлетали белокрылые жаворонки, разморенные жарой. Со стены полуразвалившегося саманного забора слышалось беспокойное посвистывание чеккана-каменки. В пыли дороги, по которой я шел, лежала, нежась на солнце, гадюка. Змея приподняла головку, посмотрела на меня неподвижным взглядом и медленно, как бы нехотя, уползла в сторону, освобождая дорогу. Впереди показалась блестящая полоска озера.

Бурас-озеро — типичный казахстанский степной водоем. Его водная поверхность довольно обширна — метров 500 в длину и метров 200—250 в ширину. Берег озера, с одной стороны пологий, песчаный и лишенный растительности, широкой отмелью переходит в степь. С другой стороны полоса воды ограничивается зарослями тростников, куги и густых камышей. Приблизительно в центре озера большое зеркало чистой воды, окруженное стеной камышей. По краям плеса среди зарослей водяных лилий и кувшинок плавучие островки из сломанных и занесенных сюда водой старых стеблей тростников. Небольшие зеркальца и плесы встречаются и среди тростников.

На озере значительные колонии черношейных поганок; на кучах плавучих камышовых наносов гнездятся черные крачки. Среди зарослей можно встретить лысух, вспугнуть кормящихся уток, увидеть редких у нас серых цапель, услышать крики камышниц и погоньшей. На пологую отмель прилетают кормиться различные кулики.

СТАЙКА ЧЕРНЫХ КРАЧЕК И ЖЕЛТЫХ ТРЯСОГУЗОК ГОНИТ НАД ОЗЕРОМ
БОЛОТНОГО ЛУНЯ

По берегам озера, со всех сторон растут кустарники, среди которых местами виднеются кочки, сплошь заросшие осоками, сейчас, в июле, уже пожелтевшими. Среди кочкарника остаются даже в самые жаркие месяцы года лужицы воды. Среди низких кочек встречаются и кочки высотой до метра. Они буровато-черные, с налетом солей снизу и поросшие мелкой травой сверху. Кочкарник — любимое местообитание чибисов и травников, в большом количестве гнездящихся у Бурас-озера. Едва я подошел к озеру, как сейчас же несколько этих птиц поднялось в воздух и с жалобными криками, звучащими как вопрос «чи-вы, чи-вы?» они полетели мне навстречу. В это время, вероятно, у чибисов есть полуоперившиеся птенцы, притаившиеся где-нибудь в траве между кочками...

У берега озера на плотной корке небольшой площадки солончака видны следы крупного тушканчика. Зверек пробежал здесь, когда на месте окаменевшей корки солончака была мягкая, вязкая грязь... (Вероятно, такие же окаменевшие, зацементированные кремнием следы мезозойских ящеров-диплодофов и бронтозавров, бродивших по

болотам прошлых геологических эпох, находят теперь палеонтологи.)

Выкупавшись в теплой воде и понаблюдав за птицами, я приступаю к осмотру норок обитателей приозерных участков степи.

Около самого берега озера несколько небольших холмиков свежевыброшенной земли. Кучки то тянутся ровной полоской, то разбросаны в беспорядке. Около некоторых виднеются отверстия нор, уходящих вниз под небольшим углом. Выбрав несколько норок, расположенных поближе к воде, я приступаю к работе.

Работа по «выливаю» сусликов несложна. Черпаю своим ведрком воду и, найдя норку посвежее, у входного отверстия которой видны следы зверька, выливаю в нее воду. Через несколько секунд в глубине норы слышится фырканье, и в отверстии норы показывается забавная мокрая мордочка суслика. Зверек часто моргает большими глазами, шурится, фыркает и отплеивается от попавшей ему в глаза и в рот воды. Неожиданная ванна, несмотря даже на летний зной, ему не по душе. Хватаю суслика за загривок и опускаю в рюкзак. Успешно повторяю эту операцию несколько раз. Но вот мне попадается, очевидно, очень глубокая норка. Выливаю в нее полное ведро воды — не слышно фыркания, и зверек из нее не вылезает. Делаю из сорванной полыни пробку; затыкаю на всякий случай отверстие норы и приношу второе ведро. Потихоньку лью новую порцию воды. Неожиданно без фыркания в отверстии показывается маленькая головка, и друг за другом из норы вылезают целых семь маленьких, мокрых, беленьких с темной полоской на спинке зверьков, величиной не больше крупной полевки. Хватаю зверюшек одного за другим и сажаю в ведро. Меня несколько удивляет, что зверьки не пытаются укусить меня, что в обычае у сусликов. В своей добыче узнаю джунгарских хомячков, известных мне только по рисункам и рассказам.

Дома я приспособил для своих хомячков большой деревянный ящик. На дно насыпал толстый слой песка, положил несколько метелок созревшего проса и пустил туда зверьков. Хомячки сейчас же почувствовали себя в ящике «как дома». Они не дичились меня с первого же дня пребывания в новой для них обстановке, а спустя три-четыре дня при моем приближении к ящику поднимались семь

белых фигурок и, вытянувшись «столбиками», ожидали угощения.

Хомячки никогда не ссорились и не дрались между собой. Они всегда были благодушно настроены и особенно оживлялись вечерами. Из ящика в это время слышался шорох, и по его стенкам стучали маленькие лапки. Хомячки затевали между собой игры, барахтались на песке, гонялись друг за другом и возились часами, напоминая щенят. Благодаря милому характеру, привлекательной внешности, абсолютному отсутствию боязни человека хомячки скоро стали моими любимцами, и я отдавал им каждую свободную минуту. Особенностью джунгарских хомячков, отличавшей их от других живших у меня зверьков, было отсутствие неприятного запаха, который связан с содержанием грызунов в тесных и закрытых помещениях. Через несколько дней, возвращаясь после одной из своих экскурсий в село, я поймал в степи еще одного джунгарского хомячка. Нового зверька я поместил в ящик к моим первым жильцам. Хозяева приняли квартиранта благосклонно, и уже на следующий день новый хомячек играл и возился вместе со всеми.

К моему огорчению, джунгарские хомячки прожили у меня недолго. Месяца через два после их поимки я должен был уехать на продолжительное время. Взять зверьков с собой я не имел возможности, а дома ухаживать за ними и кормить их было некому. Однажды вечером я посадил всех хомячков в клетку и отнес на берег Бурас-озера, на то место, где и поймал их. Поставив клетку с открытой дверцей на землю, я присел около нее и стал наблюдать за поведением зверьков. Хомячки долго не решались покинуть клетку. Подойдя к дверце, они поднимали головки, втягивали ноздрями степной, пахнущий полынью воздух и стремглав бросались в противоположный угол клетки. Наконец один из них, осмелев, вылез из клетки, обжег вокруг нее и скрылся в траве. Следом за ним вскоре последовали и другие...

В нашей зоологической литературе, особенно в популярной, о джунгарских хомячках, одних из самых привлекательных грызунов фауны СССР, почти не имеется никаких сведений.

В Казахской складчатой стране джунгарские хомячки встречаются почти всюду, но нигде не бывают

многочисленными. Я находил джунгарских хомячков по склонам сопок и увалов, вблизи от зарослей караганников, в плоской типцово-ковыльной и полынной степи. Очень редко я видел их на поливных орошаемых землях и ни разу не встречал в человеческих постройках.

На зиму джунгарские хомячки не засыпают, а переселяются в отмыты соломы и в стога сена, остающиеся на полях в степи. Зимой при вывозке сена чаще всего и ловят этих зверьков, которых русское население Казахстана называет белыми, или куцыми, мышами.

Профессор А. Н. Формозов относит джунгарских хомячков к экологической группе животных «снеголюбов», приспособившихся к обитанию в местностях с длительным и сплошным снежным покровом. Одна из характерных особенностей снеголюбов — побеление меха зимой. По моим наблюдениям, побеление меха у джунгарских хомячков вызывает выпадение снега и низкие температуры. При содержании этих зверьков зимой в комнатах, т. е. в отапливаемых помещениях, они сколько-нибудь заметно в зимние месяцы не белели, оставаясь в светло-сером летнем наряде.

Перемена окраски на белую зимнюю у джунгарских хомячков, живущих в естественных условиях в Центральном Казахстане, происходит вслед за наступлением устойчивых низких температур, т. е. в середине ноября. Если эти низкие температуры не сопровождаются снегопадами и степь остается без снега, то такие побелевшие и очень заметные на черном и желтом фоне джунгарские хомячки часто становятся жертвами различных хищников. Об этом свидетельствуют данные С. И. Оболенского, полученные им при анализах погадок хищников. Поздней осенью очень малочисленные джунгарские хомячки довольно часто обнаруживаются в погадках, главным образом совиных.

Джунгарские хомячки в неволе питались самым разнообразным кормом — семенами и зернами различных культурных растений, хлебом, сухарями, корнеплодами и т. д.; все они ели охотно и привыкали к неестественным для них тесным помещениям с первого же дня, были доверчивы, незлобивы. Людям, любящим животных, содержание в клетках этих красивых зверьков может доставить много удовольствия.

ВОРОБЬИ

Воробьи — самые обычные из наших мелких певчих птиц. Их знает каждый. Этим птиц можно встретить и в заоблачных высотах горных стран и в пустынных степях; они постоянные спутники человека.

К воробьям очень часто относятся пренебрежительно, называют «конопляными воришками», «истребителями вишен» и т. д. Однако такое отношение к ним несправедливо. Во-первых, не везде воробьи живут и ведут себя одинаково, не везде их образ жизни хорошо известен нам, а во-вторых, не всегда воробей — вор, не везде он заслуживает, чтобы его били и прогоняли. Наоборот, во многих случаях воробьи приносят ощутимую пользу человеку и всегда оживляют культурные (создаваемые человеком) ландшафты. В русской литературе, в литературе научно-популярного характера, воробьям часто посвящаются теплые, дружеские, написанные с любовью строки. Достаточно прочесть хотя бы очерки проф. М. Н. Богданова в его книге «Мирские захребетники» или книжку «Из царства пернатых» проф. Д. Н. Кайгородова. Биология воробьев при внимательном изучении ее может дать немало интереснейшего материала для уяснения многих вопросов. Среди них сложная проблема высшей нервной деятельности птиц, вопрос о развитии у них условных рефлексов и о позднейшем закреплении этой категории рефлексов как безусловных.

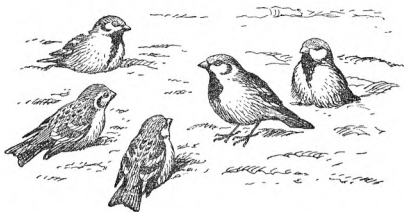
Мне, в течение всей жизни изучавшему птиц, воробьи никогда не казались (кроме разве периода охот с рогаткой в раннем детстве, через который проходит большинство будущих охотников) птицами, которых нужно преследовать.

О воробьях, обитающих в суровых условиях резко континентального климата Центрального Казахстана, об их образе жизни в этой интересной для зоолога стране я и хочу рассказать в своем очерке.

В мелкосопочнике Центрального Казахстана воробьи — единственные постоянно оседлые птицы городов и поселков. Изложение будет относиться в основном к домовым воробьям, но я сознательно говорю о воробьях вообще, так как образ жизни полевых воробьев в Казахстане очень похож на образ жизни их несколько более крупных

домовых родичей. Только воробьев в продолжение суровой, морозной зимы и жаркого лета можно увидеть на заборах и крышах домов, на скотных дворах и огородах. Остальные птицы — спутники человека: белые трясогузки, удо-ды, чекканы-каменки, — в условиях Казахстана селятся около него случайными парами либо бывают очень корот-кий в этой стране летний период (деревенские ласточки). Стоит отметить, что наши обычные галки, которых мы привыкли видеть в течение круглого года в городах и се-лах, в Центральном Казахстане только гнездятся, а на зиму отлетают в более южные широты. Галки в Централь-ном Казахстане не живут с человеком и не являются его постоянными спутниками. Места гнездовой галок нахо-дятся здесь обыкновенно далеко от поселков, на крутых, каменистых обрывах сопок, в трещинах и щелях которых они строят свои гнезда. У поселков галки появляются лишь непосредственно после возвращения с зимовок, ког-да кругом еще лежит снег и пропитание достать трудно, и после вылета из гнезд галчат, когда стаи старых и моло-дых галок совершают регулярные и губительные налеты на полевые и бахчевые культуры.

Домовые воробьи, обитающие всегда только подле че-ловека, в Центральном Казахстане, в связи со сравнитель-но редким населением, находят мало мест для своего гнез-довья, и поэтому в поселках их бывает большое количе-ство. Пережив тяжелый зимний период, во время которого многие из них погибают, воробьи образуют супружеские пары и выводят птенцов очень рано. В последних числах марта воробьи разбиваются на пары. В это время происхо-дят ссоры и драки, в которых участвуют птицы обоих полов. Образование пар у воробьев, живущих в Казахста-не, мало заметно, так как из-за недостатка удобных мест для устройства гнезд птицы живут очень скученно и в те-чение круглого года держатся стайками. В середине апре-ля разбившиеся на пары воробьи приступают к постройке гнезд. Постоянно можно видеть птиц (чаще самцов), таскающих в клювах соломинки, прутья и другой строи-тельный материал. Гнезда устраиваются ими исключи-тельно под крышами и в щелях глинобитных заборов, ко-торыми огораживают скотные дворы и базы. Самки откла-дывают яйца первой кладки в конце апреля — в первых числах мая. Мне приходилось находить яйца в последней

СТАЙКА ВОРОБЬЕВ

стадии насиженности уже около 10 мая. Самый ранний вылет молодых из гнезд был отмечен 25 мая, а массовое появление вылетевших молодых приходится на первые числа июня. Оставив гнезда, молодые воробьи сейчас же собираются в стаи, а старые немедленно приступают ко второй кладке. Вылет второго поколения молодых происходит около 20 июля, и гнездование воробьев на этом заканчивается. Очень редко можно встретить только что покинувших гнезда воробьят и в августе, но, вероятно, они принадлежат тем родителям, у которых или первые, или вторые выводки погибали и нормальные сроки двух кладок изменялись ввиду необходимости третьей.

Стаи воробьев, вначале состоящие только из молодых птиц, с середины июля пополняются и старыми. Такие стаи, насчитывающие несколько сот птиц, посещают посеы и огороды, уничтожая значительное количество вредных насекомых, но в то же время принося довольно ощутимое опустошение самим культурам.

В условиях сельского хозяйства Центрального Казахстана, основанного на поливном земледелии, благодаря расположению поливных огородных земель только вблизи от поселков, населенных массами воробьев, последние играют значительную роль в сохранении урожаев. Оценка

роли этих птиц часто весьма затруднительна. В одних случаях она положительная, в других — резко отрицательная. Если основные культуры чисто огородные — бахчевые, свекла, корнеплоды, капуста и т. д., то воробьи полезны: они уничтожают вредителей этих растений. Однако в большинстве случаев среди культур Центрального Казахстана значительное место занимают просо, конопля, подсолнечник и т. п. Этим посевам в момент их созревания воробьи причиняют значительный вред, пожалуй, не уравновешиваемый пользой, которую они приносят этим же культурам весной, до созревания семян.

Приведу несколько примеров, хорошо иллюстрирующих положительную и отрицательную роль воробьев.

На Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции, где я работал, большое место в плане работ занимают селекционные посевы, проводимые в целях выведения сортов с коротким периодом вегетации, приспособленных к континентальным условиям Центрального Казахстана. Все растения для селекционной работы находятся под строгим учетом, и каждый стебелек регистрируется. В условиях поливного хозяйства, а иногда и на богаре* работа эта весьма сложна, требует много знаний, внимания и настойчивости. В самый разгар селекционных наблюдений, в период ранневесенней бескормицы, значительные количества воробьев, обитавших под крышами построек станции, регулярно нападали на эти подучетные растения и повреждали их. Селекционеры станции потребовали уничтожения воробьев. Нами были закрыты все колодцы, а для питья воробьям оставили отравленную воду в плоских металлических сосудах, расставленных около колодцев на плоских крышах казахстанских построек.

Осторожные птицы, несмотря на полное отсутствие на территории станции воды, ни разу не напились из наших сосудов. Не доверяя незнакомым им новым предметам, они предпочитали летать на водопой километра за два от станции на арки, чем пить из этих подозрительных чашек.

Позднее мы избавили селекционные посевы от налетов воробьев. Все их гнезда на территории станции система-

* Богара — посевы на неполивных землях.

тически разорялись; специальные сторожа и механические трещетки отпугивали птиц от посевов.

Как уже было сказано выше, 1945 год был годом массового размножения в Центральном Казахстане итальянской саранчи-пруса, несметными полчищами отродившейся в его безграничных степях и угрожавшей посевам. Воробьи, как и большинство степных птиц, в этом году перешли на питание почти исключительно прусом и своих птенцов вскарммливали им.

Под крышей моего дома обитала пара воробьев. В десятых числах июня, в период, когда вокруг моего обиталища прыгало несметное количество саранчуков третьего и четвертого возрастов, я систематически наблюдал за своими соседями-воробьями. Кормила птенчиков почти исключительно самка. Самец, отличавшийся от самки широким черным «галстучком» на горле и груди, ярко-коричневой спинкой и светло-серым брюшком, большую часть времени охоранивался, чистил свои и без того нарядные перышки, щебетал без умолку, сидя на краю крыши. Казалось, что до птенцов, до их писка, раздающегося из гнезда, папаше нет никакого дела. Самке приходилось работать за двоих. Ее работа начиналась с раннего утра и продолжалась до глубоких сумерек. Я регистрировал ее прилеты к гнезду с кормом в клюве. В среднем самочка-воробиха прилетала к птенцам каждые три минуты, и в клюве у нее бывало каждый раз по два-три саранчука. Она торопливо совала их в клювы птенчиков и снова улетала. Если подсчитать количество насекомых, потребных воробьям для вскармливания птенцов, и учесть количество воробьев, живущих около нас, то итоги будут выражаться почти астрономическими числами.

Изучение пользы и вреда, приносимых воробьями, и разработка мер борьбы с ними относятся к разделам прикладной зоологии, имеющей весьма важное хозяйственное значение.

Из всех птиц, обитающих в Центральном Казахстане, пожалуй, только одни воробьи приспособились переживать длительные морозные и изобилующие метелями и буранами зимы. (В отличие от воробьев, черные жаворонки, другие оседлые птицы Казахстана, — местного происхождения, вся эволюция их проходила в степях Западной Азии).

Зима — тяжелый период в жизни воробьев. Морозы, доходящие иногда до 50 градусов, бураны, свирепствующие по несколько суток подряд, снегонады, покрывающие толстым слоем места кормежек, заметно уменьшают популяции воробьев. После особенно суровых зим количество птиц значительно сокращается. Например, после зим 1940—1941 гг. и 1945—1946 гг., отличавшихся обилием буранных дней и низкими температурами, численность воробьев, по моим наблюдениям, сократилась почти наполовину.

В зимнее время воробьи скучиваются возле человека. Они стараются целые дни проводить в конюшнях, в крытых загонах для скота, жмутся на заветренной стороне жилых построек. Маленькие серые пушистые комочки, все время поджимая под себя то одну, то другую мерзнувшую лапку, прыгают у самых ног людей, молчаливыми стайками бросаются на дорогу к кучкам навоза, оставляемым лошадьми. На ночь воробьи стараются забраться куда-нибудь в затишье — под крыши отапливаемых помещений, в дымовые трубы и т. д. Многие из них в результате таких ночевок изменяются до неузнаваемости. Выпачкавшиеся в саже печных труб, они до самой весны, до наступления своего купального сезона, остаются матово-черными. После буранов и морозных ночей в поселках Казахстана по утрам постоянно находишь замерзшие трупики этих маленьких серых птичек, лежащие у закрытых дверей конюшен, из-под которых так соблазнительно веяло теплом и запахом конского навоза. Многие птички гибнут, но многие выживают. Весной, когда кончаются невзгоды, с бодрым и задорным чириканьем приступают воробьи к постройке гнезд.

Наблюдения за воробьями в неволе могут дать много данных для выводов и обобщений. У меня среди очень большого количества комнатных птиц постоянно живут в садках или вольере один-два воробья. Мне доставляет удовольствие видеть около себя этих пернатых спутников человека, смотреть на их бойкие движения, слушать их задорное чириканье...

Большой знаток птиц, автор лучшей на русском языке популярной книги о певчих птицах профессор М. Н. Богданов пишет: «Воробей не только не вор, но птичка полезная и умная, которую всякий разумный человек должен оберегать...».

ПО ВЫСОТАМ, УЩЕЛЬЯМ И РАВНИНАМ КАВКАЗА

НОЧЬ У ДЕВДОРАКА

Девдоракский ледник, или Девдорак, как его называют чаще, — один из Казбекских ледников, относящийся к наиболее низко спускающимся и легко доступным из всех многочисленных глетчеров Казбека. Сравнительно пологий подъем на Девдорак начинается от небольшого селения Гвилети, находящегося на Военно-Грузинской дороге; длина его всего около 9 км. Дорога к Девдоруку, делая многочисленные зигзаги, поднимается по склону горы Арч-Корт, с правой стороны бурной речки Девдорака, вытекающей из-под ледника.

В начале августа, договорившись с товарищем, собиравшим коллекцию грызунов в с. Гвилети, в теплый солнечный день я направился к нему.

Гвилети — селение, состоящее всего из нескольких домиков, сложенных из плит сланца, лепится к почти отвесным скалам восточного склона Арч-Корта, спускающегося уступами к долине Терека. На скалах у домиков гнездятся многочисленные горные ласточки, в открытых гнездах которых в это время были большие птенчики. Устроившись на открытой веранде домика, где жил товарищ, я с удовольствием смотрел на кружащихся вокруг нас коричнево-бурых крупных ласточек, напоминающих по общему облику и манере полета наших воронков. По сравнению с ними, эти ласточки летали более неуклюже, менее стремительно. Медленно взмахивая крыльями, они гонялись за насекомыми или, распластавшись в воздухе,

парили, носясь, подгоняемые струями ветра... На каменную, покрытую мелкой сланцевой щебенкой неширокую дорожку, проходящую в нескольких шагах от веранды, опустилась прилетевшая откуда-то с окрестных скал стайка корольковых вьюрков. Издавая тихие трели, вьюрки принялись что-то усердно клевать на дорожке, перескакивая с камня на камень и изредка ссорясь между собой.

Вечерело. С русла Терека, все время сгущаясь, поползли темные тени быстро наступающих горных сумерек. Шум и рев бурной реки, находящейся в полном разливе, с наступлением вечера делался, казалось, все более и более громким. Со стороны Дарьяла по шоссе дороги быстро проехала, блеснув на несколько минут фарами, машина. Высоко на скалах громко запела какая-то птичка, но, не закончив своей мелодии, замолкла. Наступала ночь.

На воздухе было так хорошо, августовская ночь была такой теплой, что я остался спать на веранде. Завернувшись в бурку и поглядев еще с полчаса на звезды, особенно яркие, если на них смотреть из узких горных щелей, скоро заснул.

Проснувшись довольно поздно, когда лучи солнца начали уже золотить зубцы вершин ближайших гор, я разбудил товарища, и мы начали собираться на Девдорак.

Целью нашего похода была охота за кавказскими тетеревами, которые постоянно встречаются на альпийских лугах и в зарослях рододендронов вблизи от ледника. Однако на успех охоты я никак не рассчитывал. Косачи еще лияли и сидели по самым недоступным и непролазным чащам рододендронов, тетерки были с выводками еще полувзрослых тетеревят, без собаки лазать по склону под углом не менее 45 градусов в поисках немногочисленной дичи было очень сложно. Прогулка на Девдорак, исходя из этих предположений, была предпринята мной для того, чтобы побыть высоко в горах два-три свободных дня, понаблюдать за горными птицами.

Зная, что нам придется провести две ночи около вечных льдов, где, конечно, будет холодно, мы снарядились в соответствии с обстоятельствами. На сборы ушло довольно много времени, и мы, тяжело нагруженные, сумели выйти из Гвилет лишь часов в 9 утра.

День был чудесный, такой же, как и накануне. С совершенно безоблачного неба светило яркое солнце, вди

СТАЙКА КОРОЛЬКОВЫХ ВЬЮРКОВ

было даже жарко, и мой товарищ времяами ворчал, что мы не замерзли бы две ночи и без наших одеял и бурок... С вьюками за спинами мы не торопясь поднимались все выше и выше. Позади осталась долина Терека, чернела внизу узкая теснина Дарьяла. Мы миновали широкое плато, находящееся выше Гвилет, с его типичным ландшафтом горной каменистой степи, с хаосом камней и обломками скал, то нагроможденными грудками, то разбросанными на далеком расстоянии друг от друга, и вошли в полосу леса. Склон Арч-Корта, по которому к леднику ведет широкая тропинка, обращен на север, и здесь, под защитой громадной горы, стало прохладнее. В лесу на Арч-Корте было хорошо. Изогнутые белые стволы невысоких березок растут здесь бок о бок с чинарами, кленами и небольшими дубками. Несколько выше к ним

присоединяются корявые сосенки... Масса оранжево-желтых с одуряющим ароматом горных лилий, крупные синие колокольчики, белые и розовые горные васильки покрывали обочины тропинки на всем ее протяжении. Километрах в шести от Гвилет среди поредевшего леса начали встречаться и ползучие ветви рододендронов с темными вечнозелеными твердыми листьями. На скалах над тропинкой ютились камнеломки, покрытые мелкими белыми и розовыми цветочками, кустики желтых альпийских фиалок, крупные горные незабудки. В одном месте дороги, где тропинка пробита в отвесной скале, на нее низвергался сверху ручей. Каскад воды, минуя дорожку, падал несколько ниже нее, но ключья пены и искрящиеся брызги создавали на тропинке водяную завесу. Все проходящие по тропинке непременно принимали не всегда приятный душ. Приняли душ и мы. На крутом повороте тропинки открылась панорама Девдорака.

Девдоракский ледник не отличается красотой. Поток льда, ползущий с фирнового поля Казбека, покрыт по всей поверхности обломками морен, кусками кварца и сланцев, размытыми пятнами щебенки и глины. Весь ледник грязно-серого цвета, на фоне которого чернеют изломанные линии глубоких трещин. Только самая нижняя часть ледникового поля, где льды обрываются перпендикулярно вниз высокой стеной и где из-под них, крутятся, пенясь и искрясь миллионами желтых брызг, с ревом вытекает речка Девдорак, производит впечатление благодаря замечательной окраске толщи льда — от нежно-голубого до густого зеленого цвета.

На всем протяжении нашего пути птиц было мало. Август не время для орнитологических наблюдений. У большинства птиц недавно вылетели птенцы и началась линька, поэтому они не поют. До начала леса, в зоне хаотического нагромождения скал и камней, держались выводки горихвосток-чернушек и чекканов-каменок, этих вездесущих горных птиц. В лесу птиц еще меньше. Тихо посвистывают пеночки-веснички, тревожно пищают зяблик, с дерева на дерево перепархивают выводки черных синиц. Далеко впереди нас, у одного из поворотов тропинки, слетела небольшая стайка альпийских галок, да с дорожки мы вспугнули неизвестно каким образом и по каким причинам затесавшегося так высоко в горы удода.

Несколько раз подняв и опустив свой пестрый хохол, угод подпустил нас к себе вплотную, взлетел и снова опустился на тропинку шагах в двадцати позади...

Еще один поворот. Тропинка огибает невысокий холм, мы переходим неширокий кристально чистый ручей и подходим к месту, где стояла Девдоракская будка — хижина, выстроенная для туристов на расстоянии километра от ледника. От будки остались лишь обломки стен, не превышающих среднего человеческого роста. Все пространство около бывшей будки, площадка внутри остатков ее стен (т. е. комната) покрыты целым лесом жгучей крапивы. Нам предстоит устраиваться здесь. Выбрав сравнительно ровное место под одной из стен бывшего здания, мы с ожесточением набрасываемся на крапиву. Ножами, палкой, стволами своих ружей, ногами мы мнем, давим, ломаем «кусающиеся» побеги. Наконец место очищено. Раскладываем одеяла, бурки, посуду. Приносим несколько плоских камней, мастерим «закуток» для провизии и обнаруживаем, что мы устроились весьма уютно... Идем к ручью, смываем следы сражения с крапивой, выпиваем несколько глотков воды (много при всем желании не выпьешь — от ледяной воды ломит зубы).

Немного отдохнув и подкрепившись, мы решаем побродить по зарослям рододендронов и поискать тетеревов. Через час идем по склону Арч-Корта прямо вверх.

У будки обширная лужайка, поросшая растениями субальпийского высокогорья. Несколько выше — низкий березняк среди сплошных ковров рододендронов. Свободные участки почвы покрыты толстым слоем мягкого мха, в котором тонет нога. Много черники, костяники, брусники. Сейчас спелые ягоды только у первых двух — брусника же еще совершенно зеленая. Идти трудно. Тропинок нет, и приходится карабкаться среди скользких стеблей рододендронов. Чудесные альпийские кустарники в большинстве уже отцвели, но кое-где еще можно встретить отдельные соцветия кремово-белых, лишенных всякого запаха крупных цветов. Местами в узких балках до сих пор лежит прошлогодний грязный снег. У одного такого снежного поля у самого его края нахожу несколько светло-желтых цветочков снежных примул. Эти цветы растут всегда возле участков не тающего в течение круглого года снега.

Вблизи от Девдорака мне приходилось охотиться на тетеревов и рацше. Я знаю места, где можно их встретить, довольно хорошо и, приняв на себя обязанности проводника, веду товарища.

Карабкаемся по рододендронам, переходим через каменистые осыпи, направляясь к широкой ложбине, где несколько лет назад я поднимал тетеревиные выводки. Откуда-то сверху мимо нас далеко за пределами выстрела пролетел тетерев-самец и, блеснув белыми подкрыльями, скрылся за уступами скал *. На нашем пути широкий овраг, заполненный снегом. Снег зернистый, пропитанный водой, грязно-серого цвета; прежде чем переходить через него, надо миновать полосу осыпи, покрытую мелкой сланцевой щебенкой, только что освободившейся из-под снега. Спускаюсь на осыпь. Ноги проваливаются в жидкую грязь по щиколотку. Глубже, видимо, лед, так как ноги упираются во что-то твердое. Я вязну в глинистой массе, с трудом пробираюсь к снегу. Товарищ наблюдает за мной с твердой земли. До снега остается еще шага три. Вдруг весь участок осыпи, на котором нахожусь я, начинает ползти по склону вниз. Ползет почва, катится щебенка, поворачиваются крупные обломки камней, ползу и я. Движение не замедляется, а делается все быстрее и быстрее. Перебросив ружье за плечи, поворачиваю обратно. По движущейся поверхности вязкой грязи сделать даже несколько шагов очень трудно. Когда до края ложбинки остается метра полтора, отталкиваюсь от небольшого края и прыгаю. Прыжок, задержанный покатившимся вниз камнем, не вполне удачен. Не удержавшись, падаю на грязную щебенку, ударяясь левой рукой обо что-то, но правой успеваю схватить протянутую руку товарища и при его помощи выкарабкиваюсь на неподвижную почву...

Приключение окончилось вполне благополучно, если не считать порванных на коленях брюк, удара по затылку стволами ружья и разбитых ручных часов.

До моей знакомой плоской площадки с тетеревиными выводками нам так и не удалось добраться. Мы этим не особенно опечалены и решаем побродить немного по

*Кавказские тетерева, обитающие на Центральном Кавказе, держатся исключительно в верхней зоне лесов, в зарослях рододендронов и на альпийских лужайках самого верхнего пояса гор.

КАВКАЗСКИЙ ТЕТЕРЕВ

березняку и по рододендронам. Птиц здесь значительно больше, чем по дороге к Девдоракской будке. Над нами все время с писком кружатся горные коньки, обеспокоенные вторжением в их гнездовые участки. На скалах, торчащих между березками и рододендронами, темнеют фигурки альпийских завирушек, с тревожным чеканьем перелетают с камня на камень и с дерева на дерево белоzubые дрозды.

В березняках много грибов. Виднеются торчащие из-под кочек и шей деревьев, сваленных лавинами, коричневые шляпки подберезовиков и оранжево-красные — подосиновиков. Встречаются маслята и сыроежки. Быстро набираем по полной шапке грибов и, захватив по дороге несколько сваленных березовых стволов на дрова, спускаемся к нашему лагерю у стены бывшей будки. Еще совсем светло. Товарищ принимается чистить и мыть грибы;

я, набрав в ручье воды, пытаюсь развести костер. Оказывается, что сделать это по-настоящему трудно, так как принесенные нами стволы берез пропитаны водой. Никаких других дров поблизости нет. Промучившись с костром до наступления ранних сумерек совершенно безрезультатно, я кое-как вскипятил чайник на сухих стеблях крапивы, чертополоха и репейников. На этом же топливе мы довели до кипения и котелок с грибами.

Съев полусырую грибную похлебку и выпив по кружке чая, мы расстелили одеяла и, укрывшись бурками, легли спать.

Стемнело. Из ущелья, замыкающегося Казбеком, подул холодный ветер. Ночь была великолепна. Взошла луна, невидимая нами из-за темной громады Арч-Корта, и осветила серебряным светом вершину и фирновые поля Казбека. Снежная голова гиганта закрывала весь небосклон на западе и юге, как бы нависая над нами. Не освещенный луной северный склон Арч-Корта, на котором находились мы, черной авансценой оттенял блестящие серебром снега. Несмотря на усталость, мы заснули не сразу. Уж очень хорошо было лежать высоко в горах, дышать свежим ночным воздухом, прислушиваться к неясному шуму Девдо-рака, смотреть на звезды... Поговорив о планах на два следующих дня и решив подняться к вершине Арч-Корта, мы заснули.

Проснулись мы среди ночи одновременно от какого-то странного гула и шума, раздававшегося вокруг, и, высунув головы из-под бурки, сразу не могли сообразить, что происходит вокруг. Впечатление было такое, что мы погружены в чернила. Не было видно не только совсем недавно блестящей вершины Казбека, но и белого обломка стены будки в пяти шагах от нас. Почти одновременно с нашим пробуждением снова раздался гуд, и на мгновение окружающее осветилось неясным зеленоватым светом. Начали капать крупные дождевые капли. Снова гуд, но громче предыдущего, и вслед за этим началась сильнейшая гроза. Удары грома следовали непрерывно один за другим, отдаваясь в скалах. Вспышки молний, невидимые нами из-за густейшего тумана, наполнявшего все ущелье Девдо-рака, только освещали фосфорическим мутным светом клубы туч. Гроза была не над нами, как это привыкли наблюдать живущие на равнинах, а бушевала рядом с нами,

Рядом с нами происходили разряды электричества и возникали молнии, падавшие куда-то вниз. Вот особенно сильный удар грома, и с противоположной стороны ущелья сейчас же после него глухой треск и слышно, как обломки скалы, разбитой молнией, катятся вниз. Вслед за первыми крупными каплями дождя «разверзлись все хляби небесные» — хлынул ливень. Это был не такой ливень, какие бывают на Кавказе при грозах. Сплошные потоки воды падали из окружающих нас туч. Ветра почти не было, и вода лилась вертикально вниз. Через несколько минут вся наша одежда, бурки, одеяла, рюкзаки с провизией, мы сами были так мокры, как будто бы нас со всем нашим имуществом погрузили в ванну с холодной водой. Тесно прижавшись друг к другу, укрывшись с головой буркой, стараясь поместиться спиной к потокам дождя, мы сидели, дрожа от холода. Так прошло с полчаса. Постепенно центр грозы переместился подальше. Раскаты грома еще следовали не прерываясь, но сделались менее оглушительными. Потоки дождя падали уже не водопадами, а частыми, но отдельными каплями. Начался небольшой ветер. По-прежнему было все еще темно, но стало немного веселее и спокойнее. Мы уже перестали чувствовать себя во власти стихии.

К сожалению, из-за отсутствия часов мы не могли определить, сколько времени продолжался наш сон и сколько времени придется сидеть мокрыми до рассвета... Гроза уходила все дальше. Дождь продолжался. Прошел, вероятно, час-полтора. Сперва совсем незаметно, но с каждой минутой явственнее появились признаки приближающегося рассвета. Среди черной мглы сперва вверху, а спустя короткое время и всюду можно было различитьдвигающиеся клубы окружавшего нас тумана. Темная муть сменялась постепенно серой сплошной завесой. Дождь начал капать реже и перед самым рассветом прекратился. Мы получили возможность вылезть из-под бурки, выжать надетые на нас вещи и немного прийти в себя.

Конечно, думать о том, чтобы оставаться здесь дольше, не приходилось. Наш поход окончился в самом его начале не по нашей вине и против нашего желания. Вся взятая нами провизия промокла насквозь, раскисла и разбухла и была совершена несъедобной. Счастливым исключением оказались сваренные вкрутую яйца. Наскоро съев по

паре яиц без соли и без хлеба и нагрузившись вещами, мы направились по тропинке вниз.

Если тяжело было нести сухие вещи, то можно представить, как это оказалось трудно сейчас. Нагруженные выше всякой меры, голодные, озябшие, с зелеными от усталости и треволнений бессонной ночи лицами, мы медленно, отдыхая через каждую сотню метров, двигались в направлении Гвилет. Трудность пути усугублялась еще разрушениями, причиненными тропинке прошедшим ливнем. Во многих местах она оказалась размытой, и приходилось карабкаться по скалам, чтобы обойти появившиеся оползни. Дорогу, все время идущую под сильным уклоном, мы прошли не меньше чем за три часа.

Дождя не было. Туман, по мере спуска к долине Терка поредел, но все окрестные горы были закрыты тучами, и нигде не было видно просвета. Отдохнув часа два у товарища, немного просушив у жарко топившейся печи бурку и фуфайку, я спустился на Военно-Грузинскую дорогу, немного прошел по ней и, взятый попутной автомашиной, уже через два часа был дома.

Ночь у Девдорака, когда мы находились во власти стихий, осталась в воспоминаниях. Несмотря на весьма тяжелое положение, в котором мы оказались во время грозы, думаю об этом походе только с хорошим чувством и никогда не жалею, что предпринял его.

ОХОТА НА ТУРОВ

Кавказские горные козлы, или туры, как их обычно называют, — специфические животные Кавказа, нигде, кроме этой горной страны, они не встречаются.

Туры распространены по высотам всего Кавказского хребта, начиная от горных вершин Фишты и Уруштена, входящих в территорию Кавказского государственного заповедника, и до массивов Шах-Дага, Базар-Дюзи и Баба-Дага в Дагестане. В восточной части Кавказа обитает так называемый дагестанский тур.

В центральной части Кавказа, к которой относится и массив Казбека, вследствие постоянной охоты, а также выпаса овец на высокогорных пастбищах, туры отступили на самые вершины горных хребтов и на скалистые кручи среди вечного снега... В области вечных снегов они

проводят день. Туры покидают свои неприступные дневные убежища только с наступлением сумерек. «Незадолго до захода солнца табунки и одиночки туров спускаются к верхнему окраюку лугов и на отдельные луговинки, разбросанные среди скал и снега, и здесь проводят всю ночь... На рассвете, а иногда даже около 7—8 часов утра туры поднимаются на гребни скал в места своих дневок. Эти суточные передвижения производятся с большой правильностью... Звери идут всегда определенной тропой..., идут строго гуськом, а не беспорядочным табуном. Сначала проходят один-два рогача, за ними в некотором отдалении следует стадо, и шествие замыкает опять один, два козла» *. На туров всюду на Кавказе много охотятся самыми различными способами, и с каждым годом эти зверьки делаются все осторожнее и забираются все в более и более недоступные для человека высоты. Самая распространенная охота на туров — «трудная дневная охота скрадом, требующая хорошо тренированного сердца и легких. Много добывают туров на переходах зверя по зорям, на тропах, хорошо известных пастухам. Этот способ охоты, основанный на тонком знании повадок зверя, особенно истребителен. Засевший в засаду охотник обычно без выстрела пропускает мимо себя одного-двух зверей, а потом бьет передового из главного табуна. Весь табун бросается за убегающим (уцелевшим) вожаком, не обращая внимания на выстрелы, дефилирует перед стрелком... Стрельба производится чуть не в упор, иногда на расстоянии 10—30 шагов» **.

Это было незадолго до Октябрьской революции... Я перешел на последний курс университета и, приехав на летние каникулы во Владикавказ (ныне Орджоникидзе.— Л. Б.), задержался до октября, чтобы поохотиться в лучшее на Кавказе осеннее время. Почти ежедневно я отправлялся в охотничьи экскурсии и возвращался усталый, но полный впечатлений и нагруженный дичью. Однако все это были охоты «по перу», и их результат выражался в перепелах, бекасах и, если я ездил куда-нибудь подальше, в серых куропатках и фазанах. Однажды мой отец,

* В. Г. Гентнер и А. Н. Формозов. Звери Дагестана. Сборник трудов Государственного зоологического музея МГУ, т. 6. М., 1941.

** Там же.

старый и опытный охотник, сообщив мне, что у него есть в распоряжении три-четыре свободных дня, предложил съездить на охоту за турами. Я раньше на этой охоте не бывал, мне очень хотелось провести несколько дней высоко в горах, где помимо туров была возможность увидеть, а если улыбнется капризное охотничье счастье, то и застрелить кавказского тетерева или индейку-улара.

В те времена по Военно-Грузинской дороге не было современного передвижения на автомашинах, и мы, выехав на линейке, запряженной парой лошадей, часов в 8 утра, лишь на следующий день добрались до места, откуда отец предполагал начать охоту. Нашими спутниками на охоте вызвались быть знаменитые проводники на вершину Казбека, постоянно охотившиеся за турами, два брата — Исаак и Яни Безуртановы.

Была середина сентября — для горных экскурсий сезон поздний, и в будке никаких туристов, кроме нас, не было. Обсудив маршруты и планы предстоящей охоты, решили идти к вершинам горы Чач-Корта, находящимся на левой стороне Девдоракского ущелья. Выходить на охоту решили сейчас же, не откладывая на следующий день, чтобы не упустить ясной солнечной погоды, столь переменчивой в высокогорье осенью. Переобувшись по требованию проводников в их обувь из сыромятной кожи (арчи, или чарыхи) с подошвой из плотно переплетенных ремешков, часов в 12 мы вышли из будки. У отца была легкая охотничья винтовка, у меня — незаменимое при зоологических сборах трехствольное ружье, у обоих братьев Безуртановых старые, но испытанные берданки.

Путь, предстоящий нам, был очень труден. Все время приходилось идти вверх по еле заметным тропинкам, перебираться через многочисленные каменистые осыпи, нужно было переходить и через весь Девдоракский ледник. Нам требовалось на переход до места ночлега около пяти часов. Дойдя до ледника, мы оставили тропинку, спускающуюся к нему, и начали карабкаться параллельно его окраине вверх, к месту, где ледяная площадь суживается. Вот мы и у места перехода. Безуртановы неторопливо и уверенно делают все предварительные приготовления к переходу по льду. Достав из своих заплечных торб две прочные веревки, они связывают всех охотников ими, пропуская веревки под руками и свободно завязывая их уз-

СТАДО ТУРОВ

лы на спинах. Мы все четверо оказываемся соединенными друг с другом с расстоянием между нами около полтора-двух метров. Впереди идет Исаак, за ним я, а замыкает нашу цепочку Яни. (Эти предосторожности предпринимаются на случай падения кого-либо или встречи на пути глубокой трещины.)

Девдсрак пройден нами вполне благополучно и без всяких приключений. Миновав ледник, снова начинаем карабкаться вверх.

Отсюда, с верхних склонов Чач-Корта, открывается величественная панорама Казбека. Вечные снега на вершине огромной горы, искрящиеся в лучах заходящего солнца, кажутся нависшими над нами. Весь горизонт на юге закрыт снежными полями, ледниками, нагромождением ледяных глыб; на востоке, отделенная от нас ущельем, уходит ввысь громада «родного брата» Чач-Корта — Арч-Корта. Северный склон Арч-Корта кажется пестрым, цветным, гигантским ковром — темно-зеленые площадки зарослей рододендронов сменяются ярко-желтой листвой осенних березок, голубоватыми группами сосняков. Южный склон Чач-Корта, на котором находимся мы, лишен

всякой древесной растительности. Низкорослая трава альпийских лужаек с незначительным количеством приземистых колючих кустиков астрагала покрывает ровные площадки горы, чередуясь с осыпями, небольшими пропастями, обрывами и торчащими выходами голых скал. И Чач-Корт и вся дорога, по которой мы поднимались сюда, почти совершенно безжизненны. Перед ледником нам навстречу вылетела стая альпийских желтоклювых галок, покружилась над нами несколько минут и скрылась за уступами скал. Изредка из травы лужаек и со скал, вдоль которых мы идем, вспархивают горные коньки и крупные альпийские завирушки. Никаких других птиц и зверей мы не встречаем.

Идти все время трудно. Мы находимся очень высоко. Разреженный воздух начинает давать себя знать. Стучит в висках. Дрожат колени. Приходится останавливаться через каждые десять — пятнадцать шагов; наши проводники ничего этого не испытывают — легким, слегка раскачивающимся шагом горцев они идут так же, как по ровному шоссе.

Поднимаемся все выше и выше. До каменной гряды вершины Чач-Корта остается каких-нибудь триста метров. Исаак сворачивает немного в сторону и останавливается возле небольшой пещеры у подножья отвесной скалы. Конечный пункт нашего сегодняшнего пути достигнут! Здесь наш ночлег, и сегодня дальше идти не нужно.

Разгружаемся. Безуртановы приносят несколько сухих веток астрагала, охалки сухой травы, немного воды в котелке, зачерпнутой из небольшого родничка, журчащего между скалами. Наскоро сооружается костер, и мы с удовольствием вышиваем по кружке горячего, крепкого, заваренного прямо в котелке чая. Исаак угощает нас холодным жареным мясом тура, убитого им с неделю тому назад.

Солнце уже скрылось за громадами, но еще совсем светло. Исаак остается с нами, а Яни уходит на разведку, чтобы посмотреть, не пройдут ли где-нибудь недалеко отсюда туры на свою почную кормежку.

Уж совсем смеркалось, когда послышались легкие шаги возвращающегося Яни. С азартом, волнуясь и жестикулируя, он сообщил нам, что совсем недалеко, по ту сторону предвершинной гряды Чач-Корта, он видел двух больших туров со спирально закрученными рогами, следовательно,

старых козлов. Куда туры пошли дальше, установить было нельзя из-за спустившихся сумерек.

Полные надежд на успех предстоящей охоты, укладываемся вплотную друг около друга в маленькой пещерке, укутываемся с головой нашими бурками. Утомленный тяжелой ходьбой, воздухом и впечатлениями, я очень скоро засыпаю.

Исаак будит нас задолго до рассвета. Еще совсем темно. Небо на востоке, за черным массивом Арч-Корта, начинает едва светлеть. Яркие звезды (таких ярких звезд никогда нельзя увидеть на равнинах) еще не начинают бледнеть. Несмотря на сентябрь, верхушки травинок возле нашей пещеры покрыты тонкой пеленой инея... Наскоро проглатываем по кусочку хлеба и выходим на охоту.

Обязанность руководителя принимает на себя Исаак, как наиболее опытный. Молча, гуськом, стараясь ступать возможно бесшумнее, поднимаемся вверх, к вершинной гряде. Исаак знаком показывает нам, что нужно остановиться, подползает к группе невысоких скал и, сняв подзорную трубу, висевшую у него через плечо, смотрит вдаль.

Перед нами широкая балка со сравнительно пологими склонами, суживающаяся к вершине Чач-Корта и расширяющаяся книзу. В месте, где мы находимся сейчас, ширина этой балки немного больше километра. Склоны покрыты желтой травой, альпийскими низкорослыми растениями, камнями и выходами скал.

Исаак лежит неподвижно, переводя трубу от вершины пониже и зорко просматривая все неровности горы. Начинает заметно светлеть. Совершенно тихо. Не чувствуется ни малейшего дуновения ветерка. Это нам на руку, так как одно из основных чувств, которым руководствуются туры, — их чрезвычайно тонкое обоняние, и подойти к чутким зверям в направлении ветра невозможно. Тихонько подползаем к Исааку и устраиваемся несколько позади него. Вдруг лицо охотника становится серьезным. Не двигая больше трубой, он смотрит в нее несколько секунд и, поманив к себе рукой отца, передает прибор ему. Я, застав дыхание, слежу за ними. Сделав нам знак рукой, Исаак пятится назад и сползает вниз за скалы. Здесь он шепотом говорит, что у противоположного склона балки, немного пониже от того места, где находимся мы, пасутся

девять туров. Звери спокойны, и надо к ним подбираться. Исаак выработывает план и маршрут охоты, который принимается без обсуждения и возражений. Мы с Яни, поднявшись к верхней гряде балки, заляжем там. Если звери побегут вверх, то не минуют нашей засады. Исаак и отец, обойдя туров кругом, попробуют подойти к ним на выстрел, т. е. попытаются «скрасть» пасущееся стадо. Ничего лучшего придумать нельзя.

Тихо пригибаясь сколько возможно и прячась за каждую скалу и камень, взбираемся все вместе вверх. Переваливаем через вершинную гряду Чач-Корта. Оказывается, однако, что это еще не вершина, а «предвершина», отделенная от нее небольшой ложбиной с осыпями и скалами; дальше поднимается еще одна — уже настоящая вершина.

Камни гряды скрывают нас от туров и туров от нас. Здесь можно идти свободнее и не прятаться. Стараемся ускорить шаг. По знаку, данному Исааком, останавливается Яни и, пропустив нас вперед, подползает к плоскому обломку скалы, ложится за ним, приготовляет свое ружье и старается рассмотреть туров. Метров через полтора такое же указание распорядителя получаю и я. Также вползаю на гребень, ложусь, устраиваюсь поудобнее и, вытащив из чехла свой маленький, но очень хороший охотничий бинокль, всматриваюсь в склон, где должны быть туры. Нахожу их не сразу. Серо-коричневая окраска козлов гармонирует с окраской всего ландшафта, и звери заметны только при движении.

Туры не чувствуют приближения опасности и совершенно спокойны. Они щиплют траву, наклоняя головы, на несколько мгновений останавливаются, прислушиваясь, затем снова пасутся. Туры не стоят на одном месте, а шаг за шагом, останавливаясь и снова медленно переставляя ноги, движутся в направлении вершины. Насмотревшись на туров, до которых от меня по крайней мере километр, начинаю следить за отцом и Исааком. Не замеченные стадом, они прошли всю ширину балки, снова поднялись к вершине и спускаются к стаду уже так, что оно находится между нами и ими. Охотники двигаются тихо, почти ползком. Я то вижу их согнутые фигуры, то совсем теряю из виду. Вот из-за груды обломков показывается уже только одна фигура Исаака. Значит отец тоже залег в засаде и будет ждать, пока испуганные Исааком туры побегут в

его сторону... Снова смотрю на туров. Совсем рассвело, и туров видно без бинокля. Так же медленно, как и прежде, они подвигаются вверх. Их действительно девять. Все животные средних размеров, и среди стада нет ни одного крупного козла с закрученными в стороны массивными рогами. Видимо, это стадо трех-четырёхгодовалых самцов и самок. Смотрю в направлении движущейся фигуры Исаака. Его почти не видно. На несколько секунд показывается из-за камней кусочек его папахи, вывернутой наизнанку, да серая спина. Меня начинает обуревать нетерпение. Чего же он ждет? Почему не стреляет? С досадой задаю себе вопросы. Исаака не видно.

Как-то неожиданно за невысокой группой камней невдалеке от туров показывается облачко дыма; один тур, пасшийся на краю невысокого обрыва, падает и, прокатившись шага два, скатывается под обрыв, цепляясь за скалы и подскакивая на них. Остальные туры галопом бросаются бежать вверх по горе. Только в это время до моего слуха долетает громкий берданочный выстрел и эхо, вторящее ему в скалах. Конечно, все описанное происходит гораздо быстрее, чем я рассказываю об этом. Бегущие туры, за которыми я слежу не отрывая глаз, поравнялись с засадой, где находится отец. Показываются едва заметные дымки выстрелов бездымного пороха, и после второго или третьего один из скачущих туров падает на колени, валится на бок и остается лежать неподвижно. Остальные скачут дальше. Слышен сухой треск выстрелов винтовки отца и громкий выстрел из берданки. Очевидно, Исаак успел перезарядить ее и «пальнуть» по убегающему стаду...

Вопреки предположениям, туры после выстрелов не повернули в нашу с Яни сторону, а, не меняя направления, даже несколько забрав вправо, продолжали свой быстрый бег к вершине Чач-Корта. На пути бегущего стада высокая скала, крутыми уступами, почти отвесно спускавшаяся к дну ущелья. Я ожидал, что туры обогнут ее и пронесутся, минуя это препятствие. Но оказалось не так. Не замедляя своего бега, туры, вытянувшись в цепочку, буквально как птицы, взлетели на скалу, касаясь на какую-то долю секунды незаметных глазу выступов своими копытами. Почти с математической точностью копыта бегущих позади касались точек скалы в том же месте, что и копыта передних. Еще несколько секунд — и стадо исчезло... В это время со

всех сторон начали звучать громкие и мелодичные свисты горных индеек, «туриных пастухов», как называют этих птиц горцы. Вот с одной вершины слетела пара птиц и по-внеслась, распластав крылья, вслед за убежавшим стадом. Смолкли и индейки...

Яни и я вышли из наших прикрытий и вприпрыжку, пользуясь уклоном горы, побежали к убитым тура́м.

Через каких-нибудь десять минут мы добежали до тура, убитого отцом. Тур был убит наповал разрывной пулей, попавшей в нижнюю часть шеи. У козла от уха до уха было перерезано кинжалом горло. На мой недоуменный вопрос, для чего было резать шею мертвому зверю и портить шкуру, отец шепотом пояснил, что он не успел помешать Исааку совершить эту операцию, требуемую адатом. Оба Безуртановы магометане, а пророк запрещает употреблять в пищу «не зарезанных и не обескровленных» животных. Выпотрошив тура, мы пошли доставать второго, убитого Исааком. На это потребовалось очень много времени. Зверь скатился в пропасть, правда, неглубокую, но с почти отвесными стенками. Пришлось идти на место нашего ночлега за оставленными там веревками, и лишь при помощи их, спустившись со скалы, братья вытащили наверх тура.

Наша утренняя охота была окончена. Встал вопрос, что нам предпринимать дальше: возвращаться в Девдоракскую будку или, спрятав добытую дичь в пещере, идти на другое место охоты. Братья Безуртановы стояли за продолжение охоты, но отец и я были вполне сыты впечатлениями, оба мы, городские жители, были уже сильно утомлены, и поэтому было решено возвращаться.

В десять часов утра мы двинулись обратно. Идти вниз было много легче, чем вверх, и мы полностью оценили незаменимые при хождении по горным дорогам достоинства горских арчей. Обувь совершенно не скользила ни на лужайках, поросших низкой травой, ни на покрытых мелкой сланцевой щебенкой осыпях. Идти в арчах было мягко, так как в них была наложена толстым слоем мягкая трава, и ноги не чувствовали каменистого грунта. Обратный путь от места ночлега до будки мы проделали за четыре часа. Семья Исаака, жившая в Девдоракской будке, никак не ожидавшая такого быстрого окончания нашей охоты, энергично принялась за хлопоты по приему удачливых охотни-

ков. Мигом с туров были содраны шкуры, козлы были разделаны, и через каких-нибудь два часа на углях из рододендронов, основного топлива в Девдоракской будке, поджаривался шашлык из свежей турятины.

Переночевав в будке, рано утром следующего, четвертого, дня нашей охоты мы спустились в Гвилети и вечером были уже во Владикавказе...

Прошло с тех пор много лет. Уже нет в живых ни моего отца, ни знаменитых казбекских проводников Безуртановых, но память об этой сентябрьской охоте на массиве Казбека, на южных склонах его младшего брата Чач-Корта, жива в моей памяти.

«ГОРОД МЕРТВЫХ» У СЕЛЕНИЯ ДАРГАВС

Ранним июньским утром, воспользовавшись автомашиной Северо-Осетинской турбазы, направлявшейся с экскурсией в селения Кобань и Даргавс, мы выехали из Орджоникидзе.

По гладкому шоссе автомобиль едет быстро, и уже через полчаса, миновав большое селение Гизель, мы проезжаем по долине речки Гизельдона в зоне первого из Кавказских хребтов — Лесистого. Поднимающиеся налево от шоссе невысокие взгорья, вдоль которых проложена дорога, покрыты от подножий до самых вершин лесом и кустарниками. Местами сохранялись огромные чинары; эти лесные гиганты когда-то стояли здесь сплошной стеной.

Километров через пять шоссе суживается, и, свернув влево, машина мчится у подножий второй параллельной горной цепи — Пастбищного хребта. Еще немного, и начинается третий хребет — Скалистый. Ландшафт становится более угрюмым и диким. Высоко в небо уходят отвесные скалы, много узких глубоких ущелий с ручьями, впадающими в Гизельдон. В ущелье, куда еще не проникли лучи утреннего солнца, становится заметно прохладней. Склоны гор покрыты редкими порослями шиповников, барбариса, астрагалов, и лишь на северных склонах, по ложбинам и пологим окраинам балок, где позволяют условия, растут деревья, поднимающие вверх свои густые кроны. Вот и горное селение Кобань. Не задерживаясь, следуем дальше.

Проехав еще немного, автомашина остановилась. Здесь дорога упирается в скалу и окапчивается. Дальнейший

путь нужно продолжать по тропинке пешком. Перед нами высоко вверх вьется узкая тропа, доступная лишь для пешеходов да для легких и узких арб горцев. Тропа делает около тридцати крутых поворотов и оканчивается на вершине ущелья, вступая в широкое Даргавское плато.

Опередив группу туристов, поднимаемся по тропинке. По склонам ущелья растут редкие кусты лещины, на ровных площадках у осыпей — крапива, бузина и другие сорняки. Отовсюду слышен характерный мелодичный свист красногрудых чечевиц; на скале, отвесно нависающей над тропинкой, много гнезд городских ласточек. Стаи белогрудых птичек со щебетом летают над нами. Среди маленьких с сине-черными спинками воронков несколько более крупных каштаново-бурых горных ласточек. По самому верху ущелья со звонким визгом, как метеор, проносится стайка белобрюхих стрижей.

Вдоль тропинки много сорокопудов-жуланов, гнезда которых, вероятно, находятся в колючих кустах барбариса, растущего по скалам. Видно больше самцов: самки в начале июня высиживают птенцов. Вот один жулан, распутив крылья и почти перпендикулярно вверх подняв свой белый с черной вершинкой хвост, бросается в траву у обочины тропинки впереди нас и через секунду взлетает с крупным черным жуком в клюве...

Преодолев бесчисленные зигзаги тропинки, выходим на Даргавское плато, расположенное в зоне типичных субальпийских лугов. Почти совершенно ровная обширная горная долина со всех сторон окружена массивами каменных скал. На юге плато замыкает величественный Джимарай-хох.

На плато вблизи от гор разбросано в беспорядке несколько селений — Даргавс, Кокадур, Тменикау, Джимара и другие. Среди лужаек, спускающихся к плато, много выходов отвесных каменных уступов мелко- и крупнообломочных осыпей. Всюду бегут горные ручьи с прозрачной, чистой водой. Некоторые из них обладают целебными свойствами, как, например, ручей у селения Тменикау. Среди лужаек кустарники шиповника, боярышника, заросли желтых азалий и кустов барбариса. Кое-где по скалам лепятся отдельные деревца и небольшие березовые рощицы. Птиц здесь много. За время наших прежних поездок к Даргавсу мы встречали стайки красноклювых клушиц и желтоклю-

вых галок, горных коньков, рогатых альпийских жаворонков, корольковых вьюрков, горных овсянок, белозобых дроздов, олянок, стенолазов и много других. Вот и сейчас несколько в стороне по нагромождениям обломков камней широкой осыпи перепархивает пара горихвосток-чернушек, очень характерных для подобных ландшафтов птиц. Одна из горихвосток — угольно-черный самец с пепельно-серой шапочкой на изящной головке и с ярко-рыжим хвостиком, другая — серенькая с чуть заметным рыжеватым оттенком на брюшке самочка. Горихвостки с тревожными криками перелетают с камня на камень, следуя за нами. Видимо, где-нибудь неподалеку их гнездо с еще не оперившимися птенчиками.

Оставив тропинку, идем вдоль скалистого края высокой горы. Под одним из нависших камней лежат несколько обгрызенных стебельков травы и кучки мелких экскрементов. В камнях осыпей живут встречающиеся всюду в горных ущельях Северной Осетии грызуны — осетинские снежные полевки, и это они оставили следы своего пребывания...

Перейдя по камням неглубокую, но быструю речку, поднимаемся по склону вверх и оказываемся у цели нашей сегодняшней поездки — в «городе мертвых» селения Даргавс.

«Город мертвых» — замечательный памятник старины, относящийся к XVI—XVII вв. Состоит этот «город» из разбросанных в беспорядке по крутому склону горы высоких сложенных из плоских каменных плит склепов (эти склепы носят часто наименование дзуаров, т. е. святилищ). Склепы имеют вид широких кубических сооружений из больших глыб камней и из плит известняков и глинистых сланцев. Крыши дзуаров построены в форме усеченного конуса, суживающегося к вершине невысокими ступенями. Склепы неодинаковы. Одни из них — большие надземные родовые усыпальницы, другие, поменьше — семейные. В боковых стенах склепов имеются квадратные отверстия, через которые видно их внутреннее устройство. Заглядываем в один из дзуаров. На дощатых нарах, построенных в несколько рядов, лежат завернутые в полуистлевшие одежды скелеты, вернее — мумии погребенных. Некоторые из склепов пусты.

О возникновении этого «города мертвых», одного из самых больших в Северной Осетии, нам рассказывали два

варианта легенды. По первому, усыпальницы сооружены были для погребения жителей селений, находившихся на месте теперешних Даргавса и Джимара. Такие склепы были обычны для большинства горных осетинских селений того периода. Согласно второму варианту, спасаясь от вспыхнувшей эпидемии чумы, жители оставили селения в долинах и начали переселяться в горы, надеясь на целебную и живительную силу горного климата. Однако в горах чума продолжалась. Из боязни, что в случае повального распространения болезни люди могут остаться непогребенными, жители сами заблаговременно строили себе места для погребения и, заболевая, приходили умирать в них. Какой из этих двух вариантов правдоподобнее, должны решить историки.

В настоящее время «город мертвых», расположенный среди субальпийских лугов Даргавского плато, дает приют значительному количеству самых разнообразных горных птиц.

Больше всего здесь чекканов-каменок. Почти из каждого склепа при нашем приближении вылетали камени и, тревожно чекая, садилась на крыши дзуаров и на валяющиеся всюду среди усыпальниц обломки камней и скал. Много здесь и горихвосток-чернушек, уже виденных по дороге сюда.

Потрясенные птицы порхают, перелетают и кружатся вокруг нас. У всех сейчас птенцы, не умеющие летать, и поэтому появление около гнезд людей их особенно беспокоит. Среди чеканья чекканов и тихого свиста горихвосток внимание привлекает какой-то тревожный крик, несколько напоминающий голос камени, но более резкий и отрывистый. Пестро окрашенная птица, покрупнее остальных, вылетает из отверстия одного из дзуаров и садится на крышу другого, неподалеку от нас,— это каменный дрозд.

Пестрый каменный дрозд — сравнительно немногочисленная птица средней и верхней зоны Центрального Кавказа. Каменные дрозды предпочитают селиться в пустынных участках горных каменистых степей, с разбросанными повсюду валунами, остатками ледниковых морен и редкой жесткой травой, растущей на задернованных участках почвы и среди крупнообломочных осыпей. Отсюда они поднимаются в горные зоны субальпийских и альпийских лу-

«ГОРОД МЕРТВЫХ»

гов. Прилетают на места гнездовой пестрые каменные дрозды довольно поздно, не раньше последних чисел апреля, и поэтому у них, по сравнению с большинством горных птиц, гнездящихся очень рано, период вылета птенцов несколько задерживается. Вылетают молодые каменные дрозды в начале и середине июля.

Дрозд, потревоженный нами, продолжает, все время чекая, оставаться на крыше склепа и наблюдает за людьми. По облику пестрые каменные дрозды (а также и их близкие родичи — синие каменные дрозды) похожи на крупных чекканов, а не на дроздов; с последними их сближает только величина. Так как мы не проявляем никаких агрессивных намерений, дрозд улетает куда-то на скалы, но через несколько минут возвращается снова. В клюве у птицы крупная гусеница бабочки, которую дрозд принес своим птенцам. Их писк слышится рядом, из стены склепа, где помещается гнездо.

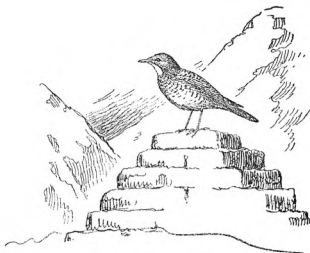
Продолжаем обход склепов. С крыши самого высокого из них с громким хлопанием крыльев слетает несколько сизых скалистых голубей, стремительно скрывающихся в ближайшем ущелье.

Наш приход наделал большой переполох среди всех пернатых обитателей «города мертвых». Необходимо немного посидеть спокойно и дать возможность успокоиться тревожащимся за целостность гнезд и птенцов родителям.

Постепенно голоса чекканов, горихвосток и дрозда утихают. Птицы не видят нас и начинают заниматься своими будничными делами. Мимо «города мертвых» пролетела стая клушиц, кормившаяся на ближайших лугах у пасущихся отар овец. С речки на крышу склепа, в тени которого мы сидим, прилетел самец белой трясогузки, держащий в клювике несколько насекомых, по всей вероятности, ручейников. Оглядев нас внимательным черным глазом, трясогузка проскользнула под крышу. Через несколько секунд, отдав добычу птенцам, птичка снова понеслась к берегу ручья. Время не ждет, птенчики непрерывно нуждаются в корме!

Тихо. Даже чекканы почти перестали издавать свои надоедливые звуки. Громкий резкий щебет, звучащий как «гю-ю-иб, гю-иб», раздавшийся над самой головой, заставляет даже вздрогнуть от неожиданности. Взглянув в направлении щебета, видим еще одного обитателя горных лугов — каменного воробья. По фигуре и по окраске каменные воробьи очень похожи на самок обыкновенных домовых воробьев, известных всем, но отличаются от них наличием посредине зоба светло-желтого небольшого пятна и несколько более массивным клювом. Каменные воробьи живут в средней полосе горных хребтов всего Кавказа. Однако не всегда и не везде их можно встретить во время поездок. Например, на Военно-Грузинской дороге они встречаются исключительно редко, но часто попадают в боковых ущельях, выходящих к шоссе. На Дарговском плато каменных воробьев, гнездящихся и в щелях склепов «города мертвых» и в расщелинах окрестных скал, довольно много. У воробья так же, как и у белой трясогузки, под крышей склепа гнездо. Заслышав «гю-ю-иб» своего родителя, воробьята громко зачирикали. Каменный воробей, увидев у своего гнезда людей, издал еще несколько раз более высоким тоном свое «гю-иб» и куда-то улетел. Воробьята тоже затихли. Высоко в небе, не двигая распластанными крыльями, парит пара белоголовых сипов...

В «городе мертвых» мы так увлеклись сбором птиц, фотографированием дзуаров, наблюдением за поведением

БЕЛОЗОБЫЙ ДРОЗД НА КРЫШЕ СКЛЕПА

каменных дроздов, которых в других местах нам видеть до сих пор не удавалось, что пропустили время, назначенное для отправления автомашины турбазы в обратный рейс. Идти в Кобань, чтобы там ожидать какую-нибудь случайную попутную машину, не хочется, и мы решаем заночевать в «городе мертвых». Завтра утром снова придет с экскурсантами очередная машина, и мы с ней вернемся в Орджоникидзе. Быстро, как всегда бывает в горах, наступают сумерки. Небо заволакивается тучами, и начинает накрапывать дождь. Забираемся через боковое отверстие в пустой склеп и располагаемся в нем. В «жилище мертвых» довольно уютно. Здесь сухо, через толстые и плотные стены не дует ветер, и, несмотря на сквозные отверстия, создается впечатление более высокой, чем снаружи, температуры. Мы решаем ночевать в этом же склепе. Единственная неприятность — твердость каменного ложа! Среди ночи, отлежав бока, просыпаемся. Дождя нет, но не видно и звезд. Где-то «поет» козодой. На речке свистят кулички-перевозчики. Вставать рано. Снова завертываемся в нашу единственную плащ-палатку и засыпаем.

Утро не принесло с собой особенного удовольствия. Идет, как говорят у нас на Кавказе, обложной дождь. Никаких надежд на его возможное окончание нет (обложной дождь на Северном Кавказе в весенние и летние месяцы может зарядить на неделю и больше). Ясно, что при такой погоде экскурсия с турбазы не состоится и надо выбираться из очень интересного, но в это время слишком неуютного «города мертвых» собственными средствами.

Шагая возможно быстрее, минуем все зигзаги спуска. Вот и проезжая дорога. К счастью, на дороге стоит пустая автомашина, которая привезла из Орджоникидзе ремонтных рабочих на водохранилище Гизельдонской электростанции и сейчас отправляется обратно. Влезаем в кузов и вскоре уже идем по улицам Орджоникидзе.

В УЩЕЛЬЯХ ГОРЫ МАТ-ЛООМ

Закрывая весь горизонт к югу от города Орджоникидзе, возвышается красавица-гора Мат-Лоом, или Столовая.

Склоны Мат-Лоома обращены к северу от подножья; примерно до середины они покрыты буковыми лесами; выше лесов — субальпийские луга, уступы скал, осыпи, пропасти.

Узкое обрывистое ущелье Вогай-Чоч отделяет плоскую вершину Мат-Лоома от второй вершины горы — Вогай-Дук, сначала пологой, постепенно понижающейся на запад к долине Терека, а потом отвесной, низвергающейся к реке кручей в несколько сот метров.

Огромный массив Мат-Лоома сложен из отложений юрского и мелового периодов, состоящих из доломитизированных известняков и глинистых сланцев. Дно ущелий, балок и котловин покрывают обломки скал и галька. Подъем на плоскую вершину Мат-Лоома с севера — на ее «стол», откуда открывается великолепная панорама всей плоскостной Осетии, — проходит по крутым и малодступным узким тропинкам. Гора, видимая далеко из Владикавказской равнины, причудливо меняет свою окраску в течение дня; она кажется то светло-серой, то каштаново-желтой, то темно-коричневой с синими и фиолетовыми тенями...

Склон Мат-Лоома, обращенный к югу — холмы, то пологие, то крутые, обрывистые скалы, громадные осыпи, похожие на остановившиеся в своем течении каменные

реки. Книзу холмы делаются более пологими, принимают вид скалистых террас, спускающихся к быстрой реке Армхи. Все южные склоны Мат-Лоома на своем протяжении лишены сомкнутой древесной растительности. Здесь типичная горная каменистая степь, как бы занесенная из восточного Дагестана. Площадки пологих вершин и ровные участки террас покрыты ксерофитными видами травянистых растений и кустарниками. Барбарисы, астрагал, шиповник, спирея, ковыль, шалфей, ксерофитные злаки — основные растения этих сухих горных степей. По многочисленным оврагам и балкам, узким в верхних горизонтах и расширяющимся к долине Армхи, среди нагромождений камней и обломков скал растут корявые, невысокие деревья алычи, боярышника и кустики терновников.

Из птичьего населения степных участков южного склона Мат-Лоома можно увидеть рогатых жаворонков, чекканов-каменок, горихвосток-чернушек, многочисленных сорокопутов-жуланов, пестрых удонов, черноголовых чекканчиков, горных овсянок и других. Здесь же, при особой удаче, можно вспугнуть и выводок горных курочек, больше нигде вблизи от Орджоникидзе не встречающихся.

Весь этот склон Мат-Лоома пустынен и почти безлюден. Проезжающие по Военно-Грузинской дороге, с которой открывается вид на долину Армхи, могут увидеть у вершины одного из высоких холмов Мат-Лоома селение Фортоуг, единственное на всей его многокилометровой площади, через которое идет тропа на вершину горы.

Противоположная сторона долины Армхи, левая по течению реки, — северные отроги высоких гор Бокового хребта, называющиеся общим именем Кистинских высот, с отдельными вершинами выше 4000 метров (Арзи, Кич и Шен).

Характер ландшафта этой стороны ущелья совершенно иной.

Кистинские высоты спускаются к течению Армхи крутыми и обрывистыми уступами. Здесь много отвесных высоких скал, каменистых осыпей и глубоких, узких оврагов. Более пологие склоны покрыты древесной растительностью — сосново-дубовым мелколесьем. Среди деревьев видно много лужаек, покрытых ярким, пестрым ковром цветов и пышной зеленой травой. Обильные ручьи, берущие

начало от вечных снегов кистинских гигантов, стекают по оврагам и увлажняют почву. Растительность по эту сторону Армхинского ущелья сочная и богатая. Кроме низкорослых дубняков и сосен, которые, как и большинство древесных пород, растущих на каменных участках гор, имеют изогнутые, корявые стволы, здесь много лип, грабов, высоких можжевельников. Нижний ярус леса — кустарники: малина, ежевика, желтые кавказские азалии и шиповник, во время своего цветения наполняющие окрестности одуряющим запахом. Через разреженные кроны деревьев проникает много солнечных лучей, и травянистый покров в дубово-сосновых невысоких лесах очень густ.

Жизнь бьет здесь ключом. Весной слышен бой многочисленных зябликов, звонкое пение щеглов и черных кавказских синиц, много славок, пеночек, мухоловок; лужайки, покрытые цветами, в летние дни поражают количеством ярких дневных бабочек, кружащихся над венчиками цветов.

По левому берегу речки расположено несколько больших поселков и аулов, привлекающих внимание своеобразными высокими сторожевыми башнями — непременной принадлежностью каждого старого горного аула. Эти башни были необходимы в прошлые века, когда уединенным горным аулам постоянно грозили набеги со стороны воинственных соседей. Эти времена канули в вечность. Никто не упрягает мирному труду горцев, а узкие и стройные силуэты высоких сторожевых башен аулов все еще четко вырисовываются на фоне южного неба... В настоящее время эти башни служат местами обитания скалистых голубей, гнездящихся под высокими крышами почти каждой из них. Здесь же, на северных склонах Кистинских высот, в живописном сосновом лесу, размещается и климатический курорт Армхи и пионерские лагеря, наполняющиеся в летний период веселой детворой.

Если, миновав курорт Армхи, подниматься вверх по тропе, идущей вдоль самого течения бурной Армхи, то километров через 10—12 мы подойдем к восточной оконечности Мат-Лоома. Неширокое, с высокими обрывистыми сторонами боковое ущелье с протекающей по его дну кристально чистой речкой Салги-хой-хи, отделяет громаду Мат-Лоома от почти вплотную подходящего к нему с востока такого же гиганта Цей-Лоома. Салги-хой-хи впа-

дает в Армхи прямо с севера и после впадения, переменяя под прямым углом направление, несет свои воды к Тереку.

Западный склэн узкого Салгинского ущелья, круто спускающийся к речке, покрыт высокоствольным сосновым лесом.

Огромные ровные желто-красные стволы вековых деревьев поднимают к небу свои вечнозеленые кроны. Почва сплошь покрыта опавшей хвоей, всюду валяются шишки сосен, много высоких муравейников; камни, торчащие из-под сухой хвои, покрыты пушистым зеленым мхом.

Участки чистого соснового бора, растущего по склонам балок и на грядках скал, по окраинам имеют примесь лиственных древесных пород. К сосновым деревьям присоединяются березы, осины, липы и редкие дикие фруктовые деревья. Под высокоствольными деревьями в нижнем ярусе леса на солнечных площадках растут редкие кусты азалий и шиповников. Правый берег Салги-хой-хи, восточный склон Мат-Лоома, занят низкорослыми и искривленными сосенками, цепляющимися своими корнями за впадинки среди каменистых и покрытых крупной сланцевой щебенкой осыпей, отвесно спускающихся к берегу.

Если бы не торчащие вверх обнаженные высокие скалы, крутые обрывистые склоны и несмолкающий шум быстрой Салги-хой-хи, можно было бы думать, бывая в сосновом бору дикого ущелья Мат-Лоома, что находишься в лесах южной окраины таежной зоны.

Меня, натуралиста-зоолога, привлекала в этот заброшенный в ущелья Центрального Кавказа уголок тайги, окруженный вплотную подходящей к нему горной каменистой стешью, возможность встречи с птицами таежных областей, которых на Кавказе немного. Предположения оказались вполне справедливыми. Среди разнообразных птиц, привлекаемых в необитаемые и редко посещаемые человеком леса Салги-хой-хинского ущелья, я повстречал почти всех выходцев из тайги и смешанных лесов Севера, обитающих на Кавказе.

Стайки чижей и клестов держались на верхушках сосен, снегиря тихо посвистывали, перекликаясь друг с другом, дрозды — дерябы и певчие — с громким тревожным чеканьем слетали при моем приближении. Своеобразие состава птиц подчеркивали выходцы из других кавказских

ландшафтов. Бок о бок со снегирями и клестами на опушках леса прыгали по скалам корольковые вьюрки, горихвостки-чернушки и горные овсянки. В глухих сосняках вместе с черной желной, желтоголовыми корольками и черными кавказскими синицами, заменяющими на Кавказе центральнорусских синиц-московок, встречались белозобые дрозды и вертялые дятлы. По берегам Салги-хой-хи, перенархивая с камня на камень, бегали горные трясогузки и оляпки.

Из птиц соснового бора меня больше всего интересовали клесты, которые во время прошлых поездок по Кавказу нигде не встречались мне в таком значительном количестве, как здесь.

Стайки клестов в количестве 5—10 особей можно было видеть во время экскурсий в сосновом бору ежедневно. Обнаружить стайку клестов, скрывающуюся в густых кронах высоких сосен, нетрудно, так как у этих птиц имеются излюбленные сосны, посещаемые ими постоянно. Под такими соснами лежат целые ворохи шишек, вышелушенных птицами. Выводки клестов держались и кормились среди старых и высоких деревьев. Старые птицы, в это время сильно линявшие, предпочитали кормиться у самого верхнего пояса леса, там, где он переходит в отдельно стоящие одиночные корявые сосенки. Взбираясь по скалам к верхней опушке бора, с таких сосен еще издали слышишь песнь клестов, то звонкую, составленную из громких, прерывающихся свистов, то переходящую в пиящие и скрипящие звуки...

Летом ущелья Мат-Лоома, разнообразные по своим ландшафтам, оживляющиеся голосами птиц, позволяют познакомиться с представителями птичьего населения нескольких вертикальных зон Кавказа. Иная картина ожидает натуралиста в ущельях зимой. Узкие овраги, балки и ущелья верхних горизонтов занесены снегом — к ним не пробраться. Птицы, не улетающие на зиму в более южные широты, покидают склоны холмов у долин речек, доступные постоянно дующим холодным ветрам, и переселяются в долины предгорий, защищенные от ветров грядами скал. Горные ущелья зимой делаются молчаливыми и безжизненными. Редко пролетит стайка горных рогатых жаворонков или прозвучат трели корольковых вьюрков, кормящихся на высоких стеблях сорняков.

КЛЕСТЫ

Однако именно зимой натуралист и охотник может найти в этих ущельях Мат-Лоома интересных для него охотничьих птиц, в другое время года скрывающихся в неприступных скалах и осыпях Столовой горы. К таким птицам принадлежат горные курочки.

Р. Л. Беме так описывает зимнюю охоту на горных курочек на южных склонах Мат-Лоома, среди осыпей и участков горной степи.

«В ночь на 11 января 1948 года в горах выпал снег. В эту зиму снег выпал впервые. Можно рассчитывать, что после него в долине Терека и в боковых ущельях речных долин средней шлоосы гор появятся птицы, спустившиеся в них из более высоких зон, где из-под снега трудно добывать корм.

Рано утром, при первых проблесках позднего зимнего рассвета, вдвоем с товарищем ожидаем у начала Военно-Грузинской дороги автобус, регулярно курсирующий между Орджоникидзе и селением Казбек. Мы рассчитываем доехать на нем до Чмийской долины, а затем по зимнему

мосту, ежегодно разрушаемому летним половодьем бурного Терека, перебраться на склоны Мат-Лоома. С гор дует холодный ветер. Ожидание машины томительно. Показываются светящиеся фары автомобиля, влезает в автобус, и через час мы уже на месте.

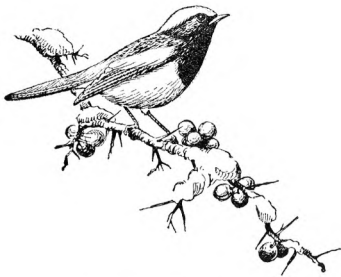
Не задерживаясь на широкой отмели Терека у селения Чми, где в кустах облепихи слышатся крики краснобрюхих горихвосток и где можно после первого снега встретить и кавказских щуров, переходим через Терек и Армхи к месту охоты.

Идти по склонам Мат-Лоома скользко. Непрерывающийся ветер сдул снег с крутых площадок горы, и он задержался только в ложбинках и по руслам неглубоких балок. Обломки скал, валуны и огромные камни валяются всюду. Торчат редкие кустики жесткой желтой травы, колючие низкие подушки астрагалов. Местность открытая, спрятаться горным курочкам здесь довольно трудно, и мы, отойдя друг от друга метров на 150, медленно поднимаемся вверх, направляясь к вершине Вогай-Дука...

Птиц в этой открытой ветрам стороне ущелья мало. Под нависшим большим камнем прыгает в затишье от пронзительного ветра пара крупных, распушившихся от мороза альпийских завирушек.

Мы поднялись почти до середины горы, но никаких курочек не слышно и не видно. Холодно. Начинает мелькать мысль о том, что не лучше ли оставить поиски и спуститься в облепиху за щурами... Нечаянно оглянувшись в сторону несколько отставшего товарища, идущего немного ниже меня по склону, вижу, как впереди него из груды камней вылетает выводок куропаток. Птицы пролетают мимо меня, забирая немного повыше. Стрелять далеко. Однако, взяв прицел немного вперед от летящих куропаток, все-таки стреляю. Выводок летит как ни в чем не бывало. С грустью провожаю куропаток глазами. Внезапно одна куропатка складывает крылья и падает; я вижу, как она катится по траве вниз по склону.

Бегу, спотыкаясь и скользя, к месту падения птицы. Под одним из небольших камней, не более как в пяти шагах от меня, вижу сидящую горную курочку. Поднимаю ружье, прицеливаюсь, но так как курочка сидит слишком уж близко от меня и я ее разобью выстрелом, пчусь на несколько шагов назад. В момент, когда я готов выстре-

КРАСНОБРЮХАЯ ГОРИХВОСТКА

лить, обращаю внимание на неестественно подогнутую вниз голову курочки. Осторожно поднимаю мертвую птицу... Оказывается, птицы, в которых я стрелял, были горными курочками.

Продолжаем наш путь в том направлении, куда полетели курочки. Ветер не утихает. Чем выше мы поднимаемся, тем сильнее скользят ноги. То один, то другой из нас падает и съезжает на несколько метров вниз. Руки окоченевают. Наконец, добираемся до места, в котором, как мы заметили, опустелись курочки. Это неглубокая балка с каменистыми обрывистыми склонами и с редкими кустиками терновников, занесенными снегом. Не подпустив нас метров на сорок, из терновников с кудахтаньем и треском крыльев вылетают курочки. Стреляю — одна падает, целюсь во вторую, но, увидев, что в нее же делится товарищ, опускаю ружье. Курочка благополучно улетает без выстрела. Оказывается, товарищ, увидев, что я целюсь в ту же курочку, что и он, решил стрелять лишь в случае моего промаха.

Выводок после моего выстрела пролетел выше по горе и скрылся за грядой скал. Идти разыскивать его снова, карабкаться по обледенелым камням без всякой надежды на успех, так как точно место, куда сели курочки, мы не заметили, не было смысла...

Посоветовавшись, решаем спуститься на остров в долину Терека. Спускаться еще труднее, чем подниматься. Все время приходится идти чуть ли не на четвереньках. С трудом добираемся до острова. Поверхность его вся заросла высокими и густыми кустами облепихи. Между кустами во всех направлениях бегут выбивающиеся из-под почвы роднички. После вчерашнего снегопада остров сказочно красив. Ветви кустов облеплены комьями пушистого снега, из-под белых шапок выглядывают оранжево-желтые ягоды. Кругом неумолчный крик горных птиц, спустившихся в долину Терека в поисках какого-нибудь корма — либо ягод облепихи, либо многочисленных рачков-бокоплавов, которыми кишат все роднички. На вершинах высоких кустов чернеют фигурки краснобрюхих горихвосток, пересвистываются стайки снегирей, много малиново-красных кавказских щуров...»

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА НА ВАЛЬДШНЕПОВ

В предгорьях Северного Кавказа нет разнообразных видов весенней охоты центральной и северной частей нашей страны. Нет здесь ни охоты на глухарей и тетеревов на токах, ни охоты на селезней с подсадной уткой, ни описанной в художественной литературе охоты на тяге вальдшнепов.

Единственная охота, ожидаемая кавказскими охотниками, охота, которая дает возможность побывать в весеннем лесу, послушать голоса пробудившейся от зимнего покоя природы, — охота на пролетных вальдшнепов.

Весна на Северном Кавказе наступает рано. Часто уже в конце февраля, а в начале марта непременно, начинает по-весеннему пригревать солнце, тает снег, вылезают из-под земли первые цветочки мать-мачехи, зацветает ольха и орешник, появляются первые перелетные птицы. Вальдшнепы прилетают в двадцатых числах марта, но это еще только передовые птицы, их еще мало, и можно проходить целый день без выстрела.

КЕКЛИКИ

Начало апреля. Кавказская весна в разгаре. Зеленеют деревья. Разворачиваются набухшие маслянистые почки на чинарах, лещине, грабах и кленах. Нежная зелень первых листочков одевает ветви. По неглубоким балкам предгорий с журчанием текут ручьи мутной воды. В лесу по склонам балок зацветают издающие едва заметный весенний аромат белые подснежники, в укромных уголках, по берегам ручейков, на солнечных пригревах, распускаются темно-фиолетовые фиалки, присутствие которых чувствуешь по запаху, доносящемуся при малейшем дуновении ветра. Прилетают птицы, и лес наполняется весенними голосами и трелями. В этот период полной весны и начинается валовой пролет вальдшнепов. Вальдшнепы летят в леса своей далекой родины ночами, а дни проводят «на жировках» в кустарниках и по опушкам лесов, покрывающих северные склоны кавказских хребтов, в зарослях по берегам быстрых горных речек и в покрытых защитными насаждениями канавах, окружающих фруктовые сады поселков.

В один из таких апрельских дней я с товарищем после долгого зимнего пребывания в аудиториях и лабораториях выбрались на охоту. Мы решили полностью использовать имевшиеся в нашем распоряжении полтора дня, чтобы

возможно больше и походить и пострелять вальдшнепов и, если удастся, то собрать птиц для наших коллекций.

День был чудесный. С совершенно безоблачного неба светило солнце; вся величественная панорама горных хребтов, открывающаяся из Орджоникидзе, была как на ладони. Блестели вечные снега Казбека, Джимарай-хоха и Архона, на горизонте выступали зубцы вершин Коштан-Тау. Ближайшие хребты — Пастбищный и Лесистый — почти полностью освободились от белого зимнего покрова и начинали зеленеть у своих подножий.

Выйдя из города в начале второй половины дня, мы направились по Военно-Грузинской дороге, намереваясь переночевать в 7 км от Орджоникидзе, в Давидовской башне на берегу Терека, в которой помещалась прекрасно организованная Северо-Кавказская гидробиологическая станция.

Идти было недалеко, погода стояла превосходная, и через какие-нибудь полтора часа мы уже были у башни.

Давидовская башня — весьма оригинальная постройка. Выстроенная на обрывистом берегу над самым Тереком, она имеет фундаментом скалу, омываемую течением бурной реки. Сложенная из серых каменных плит, кажущаяся снаружи невысокой, башня имеет внутри три этажа, в каждом из которых по одной комнате. В нижнем этаже помещалась маленькая кухня и препараторская, во втором — небольшая лаборатория и в самом верхнем — спальня и кабинет директора станции. Подниматься в верхние этажи приходилось по деревянным крутым лестницам через проделанные в полу люки. Лаборатории гидробиологической станции и помещения, в которых жили ее сотрудники, находились не в башне, а в постройках обычного типа.

Напившись чаю, мы пошли немного поэкскурсировать по так называемым Редантским родникам, протекающим по сравнительно широкой долине Терека непосредственно за башней. В 30-х годах вся долина была покрыта густыми зарослями облепихи, ольшаником, кустами шиповника и низким ивняком. Многочисленные ручьи, берущие начало от Терека, и полноводные родники, вытекающие из-под скал горы Фетхуса, орошали долину. Среди кустарников встречались болотца и мочажины, покрытые густой прошлогодней осокой.

Зимами в кустарниках облепили держится большое количество яркоокрашенных альпийских краснобрюхих горихвосток, по Тереку и ручьям встречаются утки, а среди кустарников, у незамерзающих родников, можно встретить одиночных зимующих вальдшнепов и гаршнепов... Сейчас, весной, в зарослях не было никаких сколько-нибудь интересных птиц. Обычные белые и горные трясогузки, серенькие лесные завирушки и крапивники с вздернутыми вверх хвостиками тревожно попискивали и чирикали при виде нас. Не сделав ни одного выстрела, мы возвратились в башню.

На следующий день, встав затемно и позавтракав, мы двинулись к лесным опушкам Лысой горы — одной из гор Лесистого хребта.

Весной пролетные вальдшнепы охотнее всего останавливаются для своих дневок на пологих, покрытых кустарниками и зарослями хмельников холмах, понижающихся к северу; ими оканчиваются горы Лесистого хребта. Эти холмы во всех направлениях пересечены и изрезаны неглубокими узкими оврагами. Здесь, «на пригревах» по утрам и вечерам и на затененных участках днем, легче всего вспугнуть вальдшнепа.

Утром в лесу было хорошо. Пробивающиеся через редкую еще листву деревьев солнечные лучи золотили свежую зелень, бросали яркие блики на землю... Отцвели белые подснежники, плотными темно-зелеными кучками покрывавшие площадки под столетними чинарами. Вытягивали к свету малиново-красные кисточки цветов кавказские хохлатки; по южным склонам балок распускались кобальтово-синие пролески. Лезли из земли пока еще свернутые в спирали папоротники. Вокруг цветущих верб, суетясь и жужжа, летали шмели и пчелы. Над зелеными полянками среди деревьев порхали одни из самых красивых наших бабочек — авроры-зорьки... Лес был полон птичьих голосов. Отчетливо гремел весенний «бой» ябляков, звенели колокольчики больших синиц, звучали музыкальные переливы трелей зарянок. По ветвям деревьев, внимательно приглядываясь к распустившимся листочкам и обшаривая их, не умолкая ни на минуту, прыгали пеночки-теньковки. Их несложная песенка, звучащая как «тень, тень, тень, тюнь, тень, тень», гармонировала с птичьим хором и дополняла его. На высоком дереве дикой груши, полуопустив

крылья, делая длинные паузы, выводил свои минорные флейтовые рулады черный дрозд. Пара черноголовых соек, занятая, очевидно, выбором подходящего места для устройства гнезда, тихо покаркивая, перелетала с дерева на дерево. Раздавалась громкая «дробь» токующего большого пестрого дятла. Пара певчих дроздов, высккивавшая дождевых червей под пнем полусгнившей толстой чинары, взлетела на ближайшую ветку ольхи. Дрозды, приподняв перья на затылках, внимательными черными глазами смотрели на нас, не желая оставлять «кормного» места, и с нетерпением ожидали нашего исчезновения... С отмели недалекой Черной речки доносились высокие свисты куличиков-перевозчиков.

Обогнув Лысую гору и пройдя вдоль опушек ее лесистых склонов, мы вышли к берегу Черной речки, так и не подняв ни одного вальдшнепа. Найдя возле устья одного из многочисленных ручейков, впадающих в речку, полянку, сплошь покрытую мягкой зеленой травкой, развели костер, поставили на него наш котелок и в ожидании чая прилегли на траву. Высоко-высоко в синеве неба прямо над нами кружились два каюка. Крупные птицы, то, сложив крылья, стремительно падали вниз, то, часто взмахивая ими, гонялись друг за другом, то, когда одна из них парила, почти не двигаясь с места, другая носилась вокруг нее зигзагами. Игры птиц сопровождалась печальными далеко слышными криками... В стороне от нас пролетела стайка клинтухов, спешивших на свои гнездовья.

Перейдя по камням Черную речку, мы продолжали охоту в устьях глубоких балок. Весной дождей выпадало очень мало. В лесу было сухо, и этим, очевидно, объяснялось отсутствие вальдшнепов. Длинноклювым лесным красавцам трудно было добывать червей и личинок насекомых нежными клювами из сухих прошлогодних листьев и из-под плотной высохшей земляной корки, и вальдшнепы предпочитали останавливаться где-то в других местах.

Обсудив положение, мы направились несколько выше по отрогам хребта, туда, где, как нам казалось, среди густых хмельников по обращенным на север глубоким лесным балкам должно быть сыро и, следовательно, можно рассчитывать встретить вальдшнепов. Ходить по склонам балок с углом падения около 45 градусов пробираться сквозь сплетения ветвей ползучих растений было очень

утомительно. Приходилось часто останавливаться, чтобы передохнуть. Наши предположения оказались правильными. Вальдшнепы здесь были. Через довольно длительные промежутки времени впереди или сбоку от нас с характерным шорохом крыльев, иногда с тихим хлоптаньем взлетали эти коричневые лесные кулики — красная дичь охотников.

Стрелять в неожиданно поднимающихся птиц, показывающихся на несколько секунд в чаще хмеля, а затем взмывающих к вершинам деревьев и скрывающихся среди них, было трудно. Мы с товарищем шли шагах в 150 друг от друга, стараясь все время держаться параллельно и сохранять между собой определенный интервал. Товарищу не везло. Во-первых, я спугивал вальдшнепов больше, чем он, во-вторых, у меня птицы поднимались более удобно и, в-третьих, я стрелял много удачнее. После каждого выстрела слышался его вопрос: «Опять убили?»

Таким образом, мы охотились часа три. До вечера было еще далеко, и я рассчитывал успеть пройти по дороге к дому на так называемую Навагинскую балку, спускающуюся уже не к Черной речке, а к долине реки Гизельдон.

Однако совершенно неожиданно, после того как я положил в ягдташ третьего вальдшнепа, мой строптивый друг категорически заявил, что удовольствия смотреть, как я стреляю вальдшнепов, ему более чем достаточно, что у него совершенно неотложные дела в городе и что он поворачивает домой.

Возвращаться домой, когда можно было бы поохотиться еще часа три-четыре, мне очень не хотелось. Я пробовал, приводя самые различные доводы, убедить товарища остаться, но ничего не помогало. Пришлось поворачивать к городу.

Чтобы умиловить неудачливого стрелка, я предложил поделиться с ним моими вальдшнепами. Оказалось, что мое предложение еще более испортило ему настроение. Заявив, что чужая дичь ему не нужна и что я могу сам ципать и есть ее дома, если уж я такой хороший охотник, он до самого города не проронил ни слова.

Совсем засветло мы вернулись в город. Когда на следующий день мы встретились на работе в институте, мой друг, оказалось, уже «переварил» за ночь свои неудачи,

его обида на меня прошла, и охота на вальдшнепов весной, в чудесной обстановке кавказских предгорных лесов, пробуждала в нем только самые хорошие воспоминания.

ТУРАЧИ

Среди наших охотничьих птиц турачи считаются одними из наиболее редких и красиво окрашенных. Значительное количество видов турачей распространено в Африке и странах Южной Азии; в СССР они встречаются в настоящее время лишь в Азербайджане, Армении и Туркмении.

Турачи преследовались охотниками с незапамятных времен из-за своего замечательного по вкусовым качествам мяса, считавшегося «царским блюдом». По описаниям греческого историка Ксенофонта, на парадных обедах персидского царя Кира одним из наиболее изысканных блюд были турачи. Турачи хорошо бегают, но плохо летают; поднятые «на крылья», они скоро утомляются и становятся легкой добычей охотников. Количество турачей непрерывно уменьшается, и на юге Западной Европы, где они были распространены около 100 лет назад, эти птицы совсем исчезли.

Неприхотливые в выборе мест для своих поселений, турачи встречаются в районах своего распространения во всевозможных условиях, порой в непосредственной близости от человека. Я встречал их в Азербайджане на посевах хлопка, в зарослях держи-дерева, на выгонах, в густых зарослях сорняков, в чащах стелющейся по земле ежевики, в тростниках и камышах, в стерне, в садах и на огородных участках, на гарях среди древесной и кустарниковой растительности. К. А. Воробьев, изучавший турачей в Туркмении, встречал их в травянистых и кустарниковых зарослях, идущих по Атреку, вокруг озера Делили, а также в зарослях вдоль многочисленных арыков... Эти заросли образованы главным образом верблюжьей колючкой, полынью и солянками, среди которых разбросаны отдельные кусты или группы селитрянок и тамарисков (гребенщиков) *.

Турачи — исключительно оседлые птицы; они никогда не совершают переселений или кочевков. Самые слабые из

* К. А. Воробьев. Материалы к биологии турача и распространение его в южной Туркмении. Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии, т. 1. М., 1946.

всех наших куриных птиц, турачи не могут переносить даже кратковременные невзгоды, связанные с выпадением снега — редкого явления в местах их распространения. (Всюду, где обитают турачи, климат сухой, субтропического типа, со средней годовой температурой $+14^{\circ}\text{C}$ и со средней температурой самого холодного месяца года — января — всегда выше одного градуса тепла.)

Профессор А. Н. Формозов, подробно изучивший влияние снегового покрова на существование зверей и птиц, пишет, что «лежание глубокого снежного ковра на занятых фазанами угодьях вызывает бескормицу и гибель их от истощения, то же самое нужно сказать о тураче, распространенном у нас в районах с очень мягкой зимой» *. К. А. Воробьев указывает, что «когда выпадает снег, турачи, не привыкшие к нему, становятся совершенно беспомощными и легко уничтожаются как человеком, так и различными хищниками» **. По моим наблюдениям, после суровых и снежных зим, довольно редких в Азербайджане, количество турачей резко уменьшается. Я также считаю, что основная причина гибели турачей после снегопадов — деятельность человека, пользующегося беспомощностью этих прекрасных охотничьих птиц.

В районах распространения турачей весна наступает очень рано — в первых числах марта.

В первые же весенние дни турачи начинают токовать и разбиваться на пары. (Турачи — моногамы и на период вывода птенцов и их воспитания образуют пары.) Ток начинается задолго до восхода солнца и особенно оживленным становится на заре. Во время тока самцы кричат почти непрерывно в продолжение всего дня. Их крик легко передается следующим буквенным выражением: «чук-чук-ти-ти-турр», «чук-чук-ти-ти-тур». (Название этих птиц на большинстве языков звукоподражательно. Например, на всех тюркских языках, как и на русском, — «турач», на иранском — «дуррач».)

Разбившись на пары, турачи приступают к постройке гнезд и к откладыванию яиц. Гнезда строят на земле у кустика какого-нибудь травянистого растения. Собственно

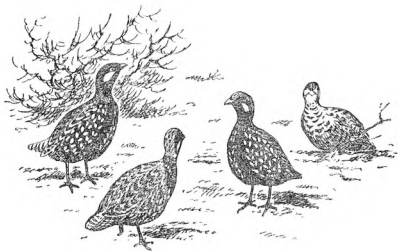
* А. Н. Формозов. Колебания численности промысловых животных. М.—Л., КОИЗ, 1935.

** К. А. Воробьев. Материалы к биологии турача и распространение его в южной Туркмении.

трудно назвать гнездом ямку, в которую турач-самка откладывает яйца. Это незначительное углубление почвы, часто без всякой подстилки. Число яиц в кладках обыкновенно 7—9, но может быть и более. Яйца турачей покрыты очень толстой скорлупой и окрашены в однотонный оливково-бурый цвет. Иногда на этом темном фоне имеются белые пятнышки. Высиживание продолжается 21 день. После того как из яиц вылупляются цыплята, в заботах о выводке принимают участие оба родителя. Турачата растут быстро, и выводки распадаются, едва только молодые достигнут примерно трех четвертей размеров взрослых птиц. Мне встречались цыплята турачей немногим больше половины размеров взрослых, державшиеся отдельно. После того как выводки распались, турачей можно встретить чаще всего парами или небольшими группками по 4—7 птиц в каждой.

Излюбленный корм турачей в Туркмении — красные ягоды селитрянки, для добывания которых они часто взбираются на невысокие ветви этого растения. Питаются они семенами самых разнообразных растений, как культурных, так и дикорастущих. Пища животного происхождения также занимает в пищевом балансе турачей значительное место. По данным К. А. Воробьева, корма животного происхождения — личинки, насекомые, черви и т. д. — преобладают в пище турачей в летние месяцы, а растительного — в зимние.

Охота за турачами весьма несложная. Крупная, яркоокрашенная, приметная, постоянно оседлая птица, придерживающаяся одних и тех же мест в течение круглого года, — легкий объект для охоты. Помимо стрельбы из охотничьих ружей турачей ловят самыми разнообразными способами. В Азербайджане охотники добывают их при помощи ловчих ястребов (перепелятников, реже — тетеревиатников), ловят силками и пружками, используют особые устраиваемые «ямки», а при выпадении снега ослабевших птиц просто убивают палками. В Туркмении своеобразный способ охоты на турачей описывает К. А. Воробьев: «В те зимы, когда выпадает снег, туркмены без особого труда ловят турачей прямо руками. Для этого они осматривают, иногда верхом на лошади, травянистые заросли, чередующиеся с открытыми чистыми местами. Поднятый турач, пролетев небольшое расстоя-

ТУРАЧИ

ние, опускается, охотник быстро подъезжает к этому месту и снова вышугивает затаившуюся птицу. После трех-четырех подобных перелетов турач настолько обессиливает, что, забившись куда-нибудь под куст, позволяет взять себя руками... Вышеописанный способ добычи турачей говорит о том, что летательные способности турача крайне ограничены и к более или менее продолжительному полету он совершенно неспособен*.

Я много лет мечтал познакомиться с турачами не по книжкам, а в их естественной природной обстановке. Наконец мое желание исполнилось: осенью 1935 г. я получил командировку и разрешение на отстрел турачей в степных районах Азербайджана.

В средних числах ноября я, вдвоем с моим обычным спутником в подобных «зоологических» охотах, препаратором В. А. Селегеновко, выехал в Бардинский район Азербайджанской ССР.

После довольно длительного пути по железной дороге мы вышли из вагона на станции Евлах и к середине дня добрались до большого районного центра — селения Барда.

* К. А. Воробьев. Материалы к биологии турача и распространение его в южной Туркмении.

Весь Бардинский район — обширная равнина Кура-Араксинской низменности, примыкающая к Ширванской степи. Равнина располагается по левому берегу реки Куры, и по ней протекают две речки — притоки Куры. От речек во всех направлениях текут арыки оросительных систем, так как господствующая система земледелия здесь — поливная. Вдоль берега Куры тянется вековой пойменный лес — тутай. Вся равнина, на которой мы охотились, интенсивно возделывается. Основная культура — хлопок, занимающий обширные сплошные массивы; между посевами хлопка встречаются поля пшеницы, кукурузы, овса, проса. У хуторов и поселков небольшие огородные участки и фруктовые сады. Среди культурных посевов встречаются, часто занимая по несколько десятков гектаров, непролазные чащи держи-деревя, ежевичники, терновники и отдельные гривки чив и тростников. Всюду по берегам арыков высокие тростники, кусты дикого гранатника; изредка встречаются луговые растительные прущировки; на заболоченных участках пышно разрастаются тростники, камыши, осоки. Вблизи от селений и по берегам каналов отдельные высокие деревья — осокори, дубы, платаны.

С первого дня нашего приезда и во все время пребывания в Барде стояла теплая, ясная осенняя погода. Несмотря на вторую половину ноября, было тепло, а среди дня даже жарко. С трудом верилось, что сейчас уже начало зимних стуж и непогод, к которым мы привыкли в центральных областях нашей страны...

Быстро устроившись в селении Барда в доме колхозника, мы решили сходить на рекогносцировочную экскурсию в ближайшие окрестности села. Выйдя за пределы построек и миновав сады, мы достигли убранных к этому времени полей злаковых культур. На стерне ячменного поля, густо заросшего сорняками, преимущественно лебедой, моя собака (континентальная легавая Фрам) забеспокоилась, начала принюхиваться, суетливо тянуть то в одном, то в другом направлении. Наконец, уверенно потянув в одном направлении, Фрам, изогнувшись, остановился. Не успел я подойти к собаке, как из-под самой ее морды вылетело два турача-самки. Они вылетели почти бесшумно, несколько иначе, чем остальные куриные. Полет их был медленным и больше всего напоминал полет жирных

осенних отяжелевших перенелов. После того как я удачно выстрелил дуплетом по птицам, мы, подобрав упавших турачей, долго и внимательно рассматривали их.

Уступая по красоте оперения яркоокрашенным самцам, турачи-самки все же очень красивы. Пестрая окраска (сочетание глинисто-желтых, коричневых, черных пятен и рыжее пятно на «ошейниках» птиц) делает их одним из самых привлекательных по оперению видов дичи. Вернувшись домой, мы особенно тщательно и любовно отшрепировали первых добытых турачей.

Утром следующего дня и в продолжение остальных пяти дней мы с утра отправлялись на наши охотничьи экскурсии, с которых возвращались уже при полных сумерках. За эти дни мы обошли весь ближайший район Барды и охотились на угодьях сел Айриджи, Мирза-Алибеклу, Чилибиляр и Чолохол-Тайлу. Турачей в этом году было немного. Но так как они встречались почти всюду, охота и поиски птиц были интересны. Возможность вопугнуть птиц всюду, где бы вы ни проходили, возможность, заставляющая охотника и натуралиста находиться все время в напряженном ожидании взлета дичи, делает охоту за турачами очень увлекательной.

Кроме турачей в Бардинском районе во время наших экскурсий других видов дичи не встречалось. Только однажды неподалеку от тугая, растущего по берегу Куры, мы испугнули фазана. Фазан, вылетевший из-под носа забежавшего далеко вперед Фрама, с звонким коргоканьем понёсся к тугаю вне досягаемости наших ружей. По сжатым участкам хлебов, в стерне, поросшей сорняками, держалось много перенелов, но они привлекали только Фрама. Очень мешало сосредоточенной охоте по турачам огромное количество зайцев. Мне охота на зайцев никогда не доставляла никакого удовольствия, а при охоте на турачей эти прыгающие длинноухие звери портили настроение. Единственный из нас, кто получал удовольствие от встреч с многочисленными зайцами, был Фрам. Воспитанный на подмосковных охотах, кровный курцхаар, Фрам был природным «зайчатником» и после стойки, а потом «пробега» за нестрелянным нами зверем он приходил немного сконфуженным, запылавшимся, но в выражении его морды сквозило полное удовлетворение. Разве можно было равнять, с собачьей точки зрения, какую-то черно-

пеструю или желто-пеструю птицу, не умеющую даже как следует с шумом взлететь, с быстроногим зайцем, одна возможность погнаться за которым так увлекательна? Повадки турачей при охоте за ними описывались неоднократно. Указание профессора М. А. Мензбира, что «при охоте на турача собака не нужна, так как турач не выдерживает стойку», совершенно неверно. Вспугнуть и выгнать турача из колючего держи-дерева или из зарослей терновников и гранатников без собаки почти невозможно, и в большинстве случаев турачи, встреченные нами, вылетали только после стойки собаки.

Единственная трудность встречаемая охотником при охоте за турачами — найти дичь и поднять ее. Стрельба по турачам относится к одной из наиболее несложных. Сравнительно крупная птица взлетает чаще всего, как фазан, «свечой» вверх, а затем сделав угол, летит горизонтально. Перед тем как опуститься на место посадки, турач пролетает некоторое расстояние без взмахов крыльев, планирующим полетом, опять-таки напоминая в этом отношении фазана. Из всех известных мне охотничьих куриных птиц полет у турача самый медленный. Особенно легко стрелять турача при его подъеме «свечой». Взлетая, турачи-петушки часто издают негромкое кудахтанье. Молодые птицы иногда взлетают с писком.

Несмотря на незначительное количество турачей осенью 1935 г., наша охотничья экскурсия в Бардинский район дала мне полное удовлетворение. Ежедневно, возвращаясь по вечерам к себе в комнату, мы приносили добытых птиц. Ни одного раза мы не возвращались домой с пустыми руками. Каждая экскурсия давала что-нибудь новое, каждая находка турача давала новые впечатления об этих ранее не виденных мною птицах. Мне запомнилось несколько встреч с турачами...

Мы идем по берегу большого арыка. Вдоль канала высокая насыпь с густыми древесными посадками. Среди невысоких деревьев гранатника, покрытых желтыми потрескавшимися плодами с ярко-красными ягодами, возвышаются опромные платаны с начинающей опадать листвой. Фрам бежит впереди, с трудом продираясь сквозь густые плети ежевики, сплошным ковром покрывающей насыпь. У одного особенно густого куста собака с разбега остановилась на стойке, и в тот же момент из-под нее

столбом вверх, промко кудахтая, путаясь в переплетенных ветвях деревьев, вылетел петушок турач. Поднявшись над высокой стеной деревьев, он проделал крутой угол и полетел над их вершинами. Освещаемый лучами солнца, турач был очень красив. Все особенности его пестрого оперения эффектно подчеркивались ярким светом. Были ясно видны и черная в белых каплевидных пятнах нижняя часть тела, и черная с белыми щеками головка, и ярко-рыжий хвост.

Осенью для подготовки новых участков под посевы колхозники Бардинского района выжигают массивы держи-дерева и терновников, окруженных густой жесткой травой. Время нашей охоты пришлось как раз на период этих искусственно вызываемых небольших пожаров. Я шел вдоль гривки тростников. Фрам бежал впереди. Несколько в стороне от нас находился участок терновников, на котором, вероятно, только вчера производили выжигание. В воздухе слегка попахивало дымком. На ярко-черном фоне выжженной травы вырисовывались серые стволы обгоревших кустов. Случайно взглянув в сторону гари, я заметил шагах в 120 от себя четырех турачей. Птицы не видели меня. Они расхаживали по опушке обгорелых кустарников, выискивая «поджаренных» вчерашним огнем кобылок и кузнечиков. Скрываясь за стеблями тростников, я подошел к пасущимся птицам шагов на 80 и остановился, наблюдая за ними. Неожиданно на поляну выскочил Фрам. Птицы, вытянув шеи, сжавшись, побежали в кусты. Я выстрелил. Один петушок забился на земле, остальные взлетели и скрылись, невидимые из-за кустарников...

Обойдя фруктовые сады у селения Айриджи, мы возвращались в Барда. Этот день охоты был особенно удачен. Турачей мы добыли несколько штук, нужно было их всех успеть отпрепарировать, и мы закончили охоту раньше, чем обычно. На большом выгоне недалеко от Айриджи паслось большое стадо коров. Во избежание недоразумений, которые могли возникнуть у Фрама с коровами, мы свернули в сторону и проходили по гладко вытопанной траве шагах в ста от стада. Внезапно Фрам остановился на мертвой стойке перед маленькой кочкой, негусто заросшей с краев осокой. Решив, что это перепелка, я подошел к нему. Из-под самой морды стоящей собаки поднялся

турач и полетел прямо на стадо. Стрелять в него я не решился из опасения попасть в корову. Пролетев до середины стада, турач спланировал и опустился среди коров на голой вытоптанной лужайке...

Турачи, как уже было сказано выше, летают плохо. Необходимо отметить также, что и бегают они хуже других куриных — фазанов, горных курочек, серых куропаток. Подстреленные турачи, в противоположность названным птицам, не стремятся спастись и убежать подальше от преследующего охотника, как это проделывают фазаны, иногда убегающие по густым кустарникам и простилам на сотню и более метров, а, заметив по дороге какой-нибудь густой кустик, залезают в него и затаиваются. Из нескольких подстреленных турачей мы не потеряли ни одного.

К сожалению, нам не удалось достать живых турачей, которых мне очень хотелось привезти домой. Местные охотники говорили, что осенью их не ловят, зимами же на базарах постоянно продают пойманных турачей...

Со времени поездки в Азербайджан прошло много лет. Сравнивая охоты на самую разнообразную дичь в различных условиях Кавказа и других областей нашей страны, я должен сказать, что охота на турачей — одна из наиболее запомнившихся, ярких и привлекательных. Воспоминания о чудесной осенней погоде, ровной, удобной для ходьбы местности, своеобразных пейзажах хлопковых массивов и больших арыках с насаженными около них гранатовыми деревьями, о красавцах-турачах и, наконец, об охоте в обществе Викторина Алексеевича Селегененко, незаменимого спутника в любых условиях, на долгие годы запечатлелись в моей памяти.

ГРЕБЕНЧУКОВЫЕ ПЕСЧАНКИ

Вдоль всего северо-западного берега Каспийского моря широко раскинулись привольные предкавказские степи. Много зверей и птиц обитает среди разнообразных природных ландшафтов этих плоских равнин. Олени, стада диких свиней, волки, косули, шакалы и лисы скрываются в чащах тростников и вековых лесов, которые окаймляют кавказские реки. Этим крупным зверям, часть из которых относится к излюбленной охотниками дичи, хотя бы по-

наслышке знают почти все. Но не только эти крупные звери находят себе приют и все необходимое для существования в природных условиях степей Предкавказья. В глинистых и песчаных степях у Каспийского моря обитает во много раз больше мелких зверьков, ведущих ночной образ жизни, зверьков, на которых мало кто обращает внимание, которых хорошо знают лишь одни натуралисты.

Мелкие грызуны-песчанки — одни из постоянных обитателей предкавказских степей, обитателей своеобразных, интересных по своему образу жизни, встречающихся иногда в большом количестве, но благодаря своей небольшой величине, скромной окраске и появлению на поверхности земли лишь ночью мало кому известных. Приспособившаяся к жизни среди засушливых, покрытых засухоустойчивой растительностью ландшафтов, группа песчанок довольно велика и заселяет обширные территории востока и юго-востока нашей страны.

От каменистых пустынь далекой Монголии, от бесплодных равнин Бет-Пак-Дала, через пески Кара-Кумов, полупустыни Туркестана и Ирана распространяются песчанки до северокавказских степей и нижнего течения Волги.

В степях западного берега Каспия живут два вида этих зверьков: маленькая золотисто-рыжая полуденная песчанка и несколько более крупная коричневато-серая гребенчуковая. Полуденная песчанка для своих поселений предпочитает безводные песчаные участки степи, не избегая и окраин безжизненных сыпучих песков с растущими на них кое-где высокими кустами песчаного овса-элимуса или волоснеца.

Песчанка гребенчуковая любит плоские, песчаные и глинистые степи с довольно обильной растительностью, где много невысоких степных злаков, сочных солянок, полыни. Гребенчуковая песчанка, пишет профессор В. Г. Гептнер, крупнейший знаток этой группы наших грызунов, — «единственная наша песчанка, не избегающая густых зарослей..., селится она в хорошо закрепленных и не слишком сухих песках, поросших гребенчуком, где встречается подчас в большом изобилии» *.

* В. С. Виноградов, А. И. Аргиропуло, В. Г. Гептнер. Грызуны Средней Азии. Изд-во АН СССР, 1936.

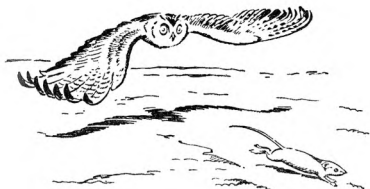
Мне приходилось видеть гребенчуковых песчанок во время зоологических работ и поездок в Прикаспийские степи, приходилось наблюдать и ловить этих милостивых зверьков, а также и держать их в условиях неволи.

Как-то в мае мне удалось поймать целый выводок песчанок и благополучно доставить их в город. Разместил я их в просторных светлых террариумах. Недели через две они освоились и зажили неплохо. Через полтора месяца у одной из песчанок родилось пять детенышей. Мать заботливо кормила их, а чтобы малышей никто не беспокоил напрасно, она из обрывков ваты и остатков травы смастерила им в углу террариума довольно уютное шарообразное гнездышко.

Молодые песчанки росли медленно. Только на восемнадцатый день после появления на свет у них открылись глаза. Прозрев, они пробовали пить из чашечки воду и, подражая матери, грызть зерна овса и листья свеклы. На двадцать второй день маленькие зверьки стали вылезать из гнезда. Мать вначале относилась к этим проявлениям самостоятельности и к детским экскурсиям неодобрительно. Схватив детенышей за загривки, она утаскивала их обратно в вату. Но через некоторое время ей пришлось примириться с их самостоятельностью. Ровно через месяц после рождения молодые песчанки оставили мать. Они достигли уже половины ее величины. У старой песчанки к этому времени началась линька.

Наблюдать за поведением зверьков в больших светлых помещениях, где они имеют возможность бегать, прыгать и свободно двигаться, и занятно и увлекательно.

Днями песчанки спят, разметавшись во сне, как маленькие дети, которым жарко. Они лежат в углах своих клеток кучками, из которых в разные стороны забавно торчат длинные задние лапки и хвостики. Наступают ранние сумерки. Зверьки просыпаются, вылезают из своих дневных убежищ, трут глазки передними лапками, потягиваются. Совершают несложный туалет. Оживившись, песчанки принимаются бегать друг за другом по своим клеткам и террариумам. Приподнявшись один против другого на задние лапки, зверьки трутся мордочками, борются, кусаются, но все это «не всерьез», играя, беззлобно и без раздражения. Драк с покусами и кровопусканиями между моими песчанками я никогда не наблюдал.

ГРЕБЕНЧУКОВАЯ ПЕСЧАНКА, УБЕГАЮЩАЯ ОТ БОЛОТНОЙ СОВЫ

Если зверькам бросить охапку свежей травы, игра тотчас же прекращается. Вся шумная компания начинает грызть стебельки. Проходит минут десять, и вновь начинается беготня.

Людей песчанки не боятся, и за ними можно поэтому наблюдать часами, совершенно не беспокоя зверьков.

Для неопытного глаза песчанки напоминают крыс. Однако, присмотревшись к песчанкам повнимательнее, легко обнаружить признаки, сильно отличающие их от паюков. Стройные тела песчанок окрашены сверху в коричневато-серые тона, с легким красноватым оттенком, нижняя, брюшная, сторона тела чисто-белая; у крыс же все тело грязного желтовато-серого цвета. Мордочки у песчанок округленные, снабженные длинными усиками. Глаза очень большие выпуклые, блестящие, черные. Длинные хвосты не голые, как у крыс, а покрыты коричневыми волосами. Задние лапки песчанок несколько длиннее передних, и зверьки часто приподнимаются и прыгают на одних задних лапах.

Я держал в клетках и самых разнообразных птиц и различных мелких зверьков. Насколько приятными сожителями человека у него дома могут сделаться птицы, настолько же мало удовольствия доставляют зверьки. В своем огромном большинстве они или спят, свернувшись «калачиками» в темных углах своих помещений, как, например, лесные сони, полчки и тушканчики, или не пе-

рестают дичиться людей и при приближении к их клеткам, стараются либо спрятаться подальше, либо злобно ворчат, как, например, суслики и обыкновенные хомяки. Но среди мелких зверьков есть очень приятные квартиранты, вызывающие у людей чувство искренней симпатии. К таким зверькам относятся джунгарские хомячки, песчанки.

СЛЕПЫШИ

«Когда-то в давно прошедшие времена во время стрижки овец к одному богачу, у кибитки которого стригли несколько отар, подошел бедняк, не имевший ни одной овечки. Увидя идущего к нему бедняка, богач, знавший старый обычай наделять во время стрижки шерстью не имеющих ее и не могущих заготовить на зиму теплой одеждой, но не желавший дать ни одной горсточки своего добра ближнему, залез в кучу настриженной шерсти и зарылся в нее. Подошедший бедняк, не видя хозяина, догадался в чем дело, и, горько обиженный и возмущенный такой ничем не оправданной скупостью, горячо пожелал, чтобы богач никогда больше не видел ни вольной степи, ни ярких звезд, ни живительных солнечных лучей, а остался бы навсегда погребенным под кучами шерсти... И вот богач превратился в «амамбике» (слепыша), который всю свою жизнь живет под землей, проя в ней длинные ходы; если он и выходит на ее поверхность, то не видит ни степного раздолья, ни колышущихся по степи ковылей, ни парящих в лазурной небесной синеве могучих степных беркутов, так как глаза у него навеки заросли толстыми складками кожи.

Аллах, превративший богача в амамбике, сказал, что простит его лишь в том случае, если богач-амамбике нарвет семь ровных куч земли, расположенных в одну прямую линию. И роет землю амамбике с тех пор и днем и ночью, и утром и вечером, выбрасывая кучу за кучей, но никак не удается ему сделать больше пяти-шести одинаковых куч.

Аллах наказал и жену богача, помогавшую своему мужу спрятаться в шерсть и скрывавшуюся от бедняка под кошмой кибитки; она была превращена в надоедливую «бриэ» (блоху), осужденную вечно жить в складках конины и мучить своими укусами людей и животных. Мно-

го было у жадного богача овец и скота, собак и домашней птицы, и все они разделяли судьбу своего хозяина. Когда богач, превращенный в амамбике, скрылся под землей, овцы его побежали по степи быстроногими сайгаками, собаки ушли в песчаные барханы, превратившись в злых волков, а коровы и куры скрылись в камышах оленями и фазанами...

В тот день, когда амамбике выроет семь одинаковых куч и сумеет расположить их в одну прямую линию, в середине степи появится большая кибитка, из земли войдет в нее прощенный амамбике...»

Так записал профессор С. С. Туров старую ногайскую сказку о слепыше-амамбике, слышанную нами когда-то в беспредельных прикаспийских степях*.

Слепышей, одних из наиболее своеобразных по своему образу жизни грызунов, мало кто знает. Их даже зоологи недостаточно хорошо знают.

Вероятно, очень многие, проезжая по степям юга и востока Европейской части СССР, по Саратовской, Воронежской и Ростовской областям, по степям юга Украины и Кубани, видели из окон вагонов вдоль полотна железной дороги многочисленные холмики земли, нарытые какими-то зверьками. Многие на эти холмики не обращали внимания, другие принимали их за «кротовины», выбрасываемые обыкновенным и широко известным зверьком — кротом. Но эти холмики не результат деятельности кротов. Кучки земли, о которых я говорю, — сооружения слепышей.

В СССР живет несколько видов слепышей. Наиболее известные из них — слепыш гигантский, живущий в Кизлярских степях Предкавказья в Прикаспийской низменности, обыкновенный слепыш, обитающий на широком пространстве всех степей юго-востока страны, и слепыш подольский, распространенный в целинных степях, лесных массивах и по участкам, прилегающим к опушкам полезащитных насаждений правобережья УССР.

Наиболее замечательная особенность жизни слепыша, наложившая отпечаток и на его внешность и на его био-

* С. С. Туров. Очерки охотника-натуралиста. Московское общество испытателей природы. М., 1949.

логию,— постоянная жизнь под землей. Как правило, слепыш на поверхность земли не выходит.

В течение всей своей жизни слепыши роют под землей при помощи передних лап и резцов длиннейшие ходы, идущие параллельно поверхности земли, неглубоко под нею. При этом рытье ходов слепыши подрывают корни и корневища растений, встречающихся им по пути, затаскивают под землю, уцепившись зубами за корешок, все растения целиком. Изо дня в день, и зимой и летом, работают эти неутомимые землекопы, так как от этого зависит их существование.

Под землей всегда абсолютно темно, так как лучи света не проникают через толщу почвы. Как бы совершенны ни были органы зрения, в темноте все равно ничего не увидишь, и у слепышей, никогда не пользующихся глазами, эти органы чувств отсутствуют. Глаза слепышей скрыты под толстым слоем кожи. (Под кожей сохранились, как свидетельство происхождения слепышей от «зрячих» предков, и глазные яблоки небольших размеров, и зрительные нервы, идущие к ним.)

Если пойманного слепыша пустить бегать по большому пространству, например по комнате, то зверек, опустив морду вниз, промко топоча короткими лапами, неуклюже переваливаясь и похрюкивая, бежит в одном направлении. Вот он добежал до препятствия, претрадившего ему путь. Совершенно таким же аллюром слепыш бежит головой назад, переставляя свои лапы в обратном порядке... В результате исследований, проведенных за последние 15—20 лет зоологами, наши сведения по биологии слепышей расширились. Так как особенности биологии сходны у всех слепышей, я буду говорить о слепышах вообще, не подразделяя их на зоологические виды.

Самый мало изученный период жизни слепышей — период размножения. Как и когда размножаются слепыши, каково количество рождаемых ими детенышей, как выглядят новорожденные слепышата, сколько времени они проводят с матерью до перехода к самостоятельному образу жизни, мы в сущности не знаем. По млечным железам пойманных во второй половине апреля самок слепышей можно было вывести заключение, что они кормили в это время молодых. По другим наблюдениям, самки слепышей кормят молодых во второй половине мая, так

СЛЕПЫШ

как в это время добывались только самцы. Маленького слепыша поймал 10 мая А. Ф. Анисимов. Он дал, к сожалению, очень краткое описание своей находки, указав только, что молодой слепец еще совсем не мог питаться растительной пищей. Об этом свидетельствовало строение зубов и неудачные попытки кормить его. Другой молодой слепец, размерами значительно крупнее первого, был пойман Анисимовым 14 мая. Это была самка. В неволе она ела корни и части растений, хорошо поедала овощи. Видимо, она уже оставила мать, из чего можно сделать заключение, что слепцы бросают кормить детенышей в данной местности (т. е. в Кизлярском районе) примерно в конце мая.

Достигнув самостоятельности, молодые слепыши покидают мать, и в это время происходит их расселение на новых участках. Я наблюдал в Кубанском крае в последних числах июня значительное увеличение количества слепышей на люцерновом поле, так как начиная с 24 июня появлялось все больше и больше с каждым днем куч нарытой земли. Видимо, на это время и падало расселение молодых слепышей. В период своего расселения молодые слепыши иногда выходят на поверхность земли и по нескольку штук (следовательно, выводками) ходят по дорогам, и в это время их дают проезжающие экипажи.

Слепыш — чисто подземный житель. В земле он чувствует себя вполне в своей стихии. Основной инстинкт, обнаруживаемый слепышом в любых условиях, — инстинкт рытья.

В начале июня ребята принесли мне живого молодого слепыша-самку. Этот зверек появился на свет весной

и уже достиг половины величины взрослой самки. Слепыш был сильно замучен и еле дышал. Я поместил его в ящик с сухим песком. Немного отдышавшись и придя в себя, он начал рыть песок головой, действуя ею, как лопатой, и работая при этом очень сильно развитыми шейными мышцами. Мышечная сила шеи слепышей огромна — часто их ходы и выбрасываемые при рытье кучи земли появляются на дорогах, где почва плотная и гладкая, как стол. Копать такую дорогу невероятно трудно, и лопатой приходится действовать, как топором, врубаясь в землю.

При вскапывании земли головой мой слепыш помогал себе и передними лапами, отбрасывая ими вырытый песок под себя. Когда под роющим зверьком собиралось достаточное количество земли, он сгибался, выгибая спину вверх и подтягивая задние лапы к передним, упирался головой в землю и сильным движением тела, как пружиной, отбрасывал ее из-под себя. Такую операцию он повторил несколько раз, но так как из-за сыпучести предоставленного слепышу материала хода не получилось, слепыш работу прекратил и отправился на обследование своего нового помещения... Я дал ему несколько корней люцерны, морковь и картофелину. Прежде всего слепыш съел люцерну; он отгрызал боковые корешки резцами и быстро пережевывал их коренными зубами. Съев несколько корешков, слепыш оставил люцерну и перешел к моркови. Видимо, морковь вкуснее, и зверек съел ее целиком. Покончив с морковью, снова перешел к люцерне, не обращая внимания на картофель и не пробуя его. На следующий день я пересадил его в более просторный ящик, куда насыпал уже не песок, а плотную землю и глину. Обнюхав землю, слепыш тотчас же начал рыть себе ход, действуя так же, как и вчера. При этом он все время энергично отряхивал свой мех от частиц почвы. К сожалению, у зверька и при новых условиях хода не получилось. Он опять прекратил бесплодную трату энергии и улегся спать в углу ящика, в неглубокой предварительно вырытой им «спальной ямке».

Спал мой слепыш лежа на боку и согнув спину, но не свертываясь «калачиком». Я осторожно открыл ящик, но он не проснулся, а только вздрогнул во сне. Слепыш не реагировал на приближение к ящику людей, но если его трогали рукой, злобно хрюкал и, быстро оборачиваясь, пытался укусить руку.

Спустя некоторое время я поймал второго живого слепыша и поместил его в такие же условия, как и первого. Второй был молодым самцом, несколько крупнее первого. Когда я выпускал слепыша на пол в комнате, он медленно бежал вдоль стен и, натываясь на углы корзины и чемоданов, стоящих там, сердито фыркал и хрюкал. Я склонен думать, что у него лучше всего из чувств развито осязание, ибо обоняние, на мой взгляд, не является его руководящим чувством. Когда слепыш подбегает к нашим ногам, он не останавливается до тех пор, пока не коснется их носом.

При движении по земле слепыш бежит мелкими шажками, наклонив голову и ощущивая кончиком носа все неровности пола, по-видимому, пытаясь разыскать место, откуда можно будет начать рыть. У меня одновременно с этим слепышом жил подстреленный в крыло осоед. Я пустил слепыша в помещение птицы. Осоед подпрыгнул к зверьку и схватил его лапой. Слепыш молниеносно обернулся и куснул птицу за палец. Зубы скользнули по чешуйкам, покрывающим пальцы. Осоед, сконфузившись, сейчас же разжал пальцы, выпустил слепыша и дальнейших попыток схватить его не предпринимал. Итак, основа жизнедеятельности слепыша — рытье. Он роет всегда, когда находится в бодрствующем состоянии. Процесс рытья проходит примерно так же, как указывалось мною для моего слепыша, рывшего песок в ящичке. Если на пути хода слепыша встречаются плотные комки почвы, то он отгрызает их своими резцами, прогрызая в них ход. Очень часто при раскопке ходов слепышей в глинистых почвах видны отпечатки их резцов (как верхней, так и нижней челюстей) на стенках. Если на пути хода слепыша встречаются толстые корни старых деревьев, он обходит их сторонкой, мелкие же корни перегрызает. Очень интересное наблюдение произвел А. Анисимов, видевший, как рыл слепыш свой ход у самой поверхности почвы в лесу. «Весной в лесу мне удалось наблюдать за питанием слепцов. Почва здесь была настолько мягка, что по движению земли можно было следить за работой зверьков. Куч на близком расстоянии (по крайней мере, метров за сто по прямой) не было. Слепец находился на глубине 10—20 см от поверхности почвы. Было заметно, как он, раздвигая поверхностный слой почвы своей мордой, продвигается вперед, оставляя позади приподнятый валик земли в виде следа.

Иногда слепец останавливался, наткнувшись на корень, и тогда втягивал за корень под землю все растение, включая и его надземную, зеленую часть. Очевидно, он рыл при этом не своим обычным способом, а просто раздвигал очень мягкую землю своей лопатообразной мордой. На это обстоятельство и указывает отсутствие земляных куч поблизости...» Слепыши роют свои ходы в течение круглого года. Мне много раз приходилось видеть свежие кучи земли, только что выброшенные на поверхность гигантскими слепышами, в декабре и январе в Кизлярском районе.

Никакой закономерности в распределении «рабочего дня» у слепышей установить не удастся. Иногда они особенно энергично роют по утрам, иногда вечерами. Бывает, что они не роют и совершенно.

Самое неприятное, чего никак не переносят слепыши, — сквозняки, образующиеся в их подземных галереях при повреждении ходов. Если разрыть где-нибудь на поверхности почвы ход слепыша и открыть в него доступ воздуха, слепыш непременно починит ход. Иногда это делается очень скоро, иногда через несколько суток, но непочиненных ходов, как правило, не остается. Если разрыть ход в двух местах через известный промежуток, то такой ход чинится у каждого отверстия особо и весь не восстанавливается. При раскопках можно обнаружить, что в этом случае проводится «окружная» галерея, соединяющая оба участка хода. Для починки хода слепыши всегда притащивают землю из глубины ходов, а не берут ее у разрушенного места. Даже, если ход разрушен у самой поверхности сухой почвы, то земля, идущая на починку, бывает рыхлой и мягкой.

Интересно наблюдать поведение слепышей, обнаруживших сквозняк и приступающих к его ликвидации. В первый раз к отверстию разрушенного хода слепыш подходит в целях «рекогносцировки». Он останавливается у отверстия, иногда высовывая только кончик морды, иногда голову, а иногда наполовину показываясь на поверхности земли. Секунд 20—30 он обнюхивает воздух, то поднимая, то опуская голову и очень напоминая в этот момент короткомордую собаку, затем быстро пятится назад и через несколько минут появляется у отверстия снова уже с порцией земли, которую катит непременно плоской мордой перед собой. Новые порции земли он притаскивает через

каждые 3—10—15 минут. Если выбросить первую порцию земли, притащенную слепышом, и снова обнажить ход, то приблизительно в 30 случаях из 100 слепыш прекращает работу и ходы в этом случае оказываются починенными лишь на следующее утро.

В начале очерка было сказано, что слепыши всю жизнь проводят под землей, не вылезая при нормальных условиях на поверхность. Но при своем расселении молодые слепыши выходят из нор, пробегают известные расстояния по поверхности земли и только потом снова зарываются в почву. Такими случайными выходами объясняются и встречи со слепышами на земле. Мне однажды удалось застать утром слепыша на люцерновом поле. Отверстие, через которое вылез слепыш, находилось на вершине одной из куч, вырытых им. Когда я увидел слепыша, он крепко и безмятежно спал в густой люцерне. Спящий зверек не услышал шагов людей и очнулся лишь после того, как я прикоснулся к нему рукой, но, несмотря на это, сонное состояние прошло не сразу — сперва он только недовольно сопел и лишь спустя несколько минут начал хрюкать, злиться и пытаться кусаться.

О появлении слепышей на поверхности почвы свидетельствуют также несколько раз зарегистрированные случаи ловли их хищными птицами. Так, например, летом 1929 г. во время раскопки ходов слепышей в Кубанском крае я заметил пролетавшего мимо камышового луня, державшего в лапах слепыша. После моего выстрела лунь вместе со своей добычей упал в поле, засеянное овсом. Несмотря на очень тщательные поиски, слепыша около застреленной птицы я не нашел. Очевидно, еще не задушенный слепыш успел зарыться в мягкий грунт овсяного поля.

Профессор С. И. Огнев в монографии, посвященной животным СССР, отмечает, что благодаря подземному образу жизни у слепышей очень немного врагов и что их только случайно ловят хорьки, лисы, кошки и хищные птицы. Но А. И. Аболенцев в своей работе о слепышах указывает, что «в определенное время года степной и черный хорек специально охотятся за слепцом... Впервые такой способ охоты мы наблюдали 9 ноября 1949 года на межпососном люцерновом поле Владимирской опытной станции. Подойдя к норе слепца, мы заметили, что она разрыта и услышали шум, шорох и возню в галерее, а вскоре увиде-

ли с добычей хорька, который, заметив нас, поспешно скрылся в системе подземных ходов норы... В последующие дни... оказалось, что разрушение хорьком подземных ходов слепышей — явление обычное... По сравнению с количеством разрытых хорьком нор осенью, число их за зимний период увеличилось... Картина осеннего и зимнего питания хорька в условиях полезащитных насаждений и межполосных полей (правобережье УССР.— Л. В.) нам рисуется в следующем виде: питаюсь весной и летом в большинстве случаев сусликами, хорек с момента ухода их в зимнюю спячку испытывает некоторый недостаток в корме, так как отыскивание закрытых нор спящих сусликов на вспаханных межполосных полях становится затруднительным, и он начинает охотиться за слепышами, которые в осенний и зимний период активны и продолжают свою роющую деятельность... Весной, с появлением сусликов, хорек ослабляет свою охоту за слепцом...»

Широко распространенные по всему юго-востоку СССР слепыши относятся к грызунам, приносящим вред сельскому хозяйству. Этот вред не везде имеет одинаковый характер и не везде значение деятельности слепышей однообразно. Слепыши причиняют вред главным образом посевам многолетних трав, на которых почва достаточно уплотнена, виноградникам и посевам хлопка. Особенно сильно вредят слепыши, согласно наблюдениям А. И. Аболенцева, посадкам сеянцев различных древесных пород в системе лесонасаждения, если полосы закладываются на плохо рыхлой почве. Другая сторона вредной деятельности слепышей заключается в изменении ими характера культурных и сенокосных участков, на которых в результате появления большого количества нарываемых куч, затрудняется уборка посевов и сенокосение. Своей деятельностью слепыши понижают и плодородие почв, вынося нижние слои чернозема и подстилающие материнские породы в верхние горизонты и на поверхность земли.

Широко распространенный, встречающийся на очень значительных территориях нашей Родины, слепыш не изучен сколько-нибудь исчерпывающе. Есть еще очень много моментов из его биологии, которые нуждаются в детальном исследовании.

ВОСПОМИНАНИЯ И ВСТРЕЧИ

ПРЕПАРАТОРЫ И. И. ЖУКОВ
И В. А. СЕЛЕГЕНЕНКО

Все зоологи, совершающие экспедиции и зоологические поездки по нашей стране, знают, насколько зависит успех поездок и плодотворность научных исследований от работы препараторов, необходимых участников большинства зоологических работ.

Безгранично преданные науке, в любых, часто невероятно трудных условиях препараторы коллектируют животных, заботятся о снаряжении экспедиций. Вернувшись из экспедиций, они отдают свое время, свой труд и свои знания изготовлению тушек для научных коллекций, чучел и препаратов для кабинетов и музеев.

Имена препараторов не указываются на этикетках: их сборы, их работа принадлежат научным работникам, возглавляющим экспедиции. Успех сборов экспедиций — результат знаний, энергии и настойчивости препараторов — приносит им только моральное удовлетворение. Некоторые из препараторов, обладавшие выдающимися способностями мастеров-художников, работы которых приобрели широкую и заслуженную известность, сделались или незаурядными учеными — таков знаменитый русский препаратор конца прошлого и начала настоящего века Ф. К. Лоренц, — или признанными мастерами таксидермического искусства * — таков прославленный советский препаратор Ф. Е. Федулов, его работы украшают один из лучших музеев Москвы — Музей имени Дарвина.

* Таксидермия — искусство изготовления чучел зверей и птиц, передающих естественные позы и облик животных.

Труд препараторов после Октябрьской революции нашел широкое применение в тысячах советских вузов, научно-исследовательских институтах и музеях; совершенно другое положение было до Великого Октября.

Ограниченное количество университетов с биологическими факультетами (всего десять) и немногочисленные музеи не гарантировали непрерывной работы и не могли предоставить препараторам постоянного заработка. Препаратором делался лишь человек, фанатично преданный изучению животных, который заранее обрекал себя на возможно полуголодное существование, так как содержал семью на случайные средства, появляющиеся периодически от изготовления чучел для охотников, от выделки ковров из шкур хищных зверей с черепами и оскаленными пастьями, от изготовления горжеток из куниц и лис и т. д. Несмотря на такие безрадостные перспективы, находились люди, живущие любовью к природе, охотники в настоящем смысле этого слова, истинные натуралисты, делавшиеся препараторами. Двум препараторам-зоологам, скромным труженикам науки, и посвящается мой очерк.

С первым из них, Петром Ивановичем Жуковым, я был дружен в дни моей молодости, второго, Викторина Алексеевича Селегененко, я знал более сорока лет и в течение этого длительного периода делил с ним неудачи и радости зоологических экспедиций, охотничьих приключений и каждодневную работу по организации занятий со студентами-естественниками.

Познакомился я с Жуковым, будучи в одном из последних классов средней школы, в семье его отчима Кокушкина, имевшего во Владикавказе маленькую препараторскую мастерскую. Все члены семьи Кокушкиных-Жуковых были препараторами. Маленький домик на окраинной слободке Владикавказа, где они жили, был местом, куда стекались все добываемые многочисленными городскими охотниками редкие птицы. Здесь изготовлялись по баснословно дешевым ценам чучела для частных лиц и для кабинетов школ, отсюда направлялись партии чучел и тушек в большие города и за границу. Интересы начинающего зоолога влекли меня в эту гостеприимную и дружную семью, где я усвоил первые навыки препараторного искусства. Жуков был старше меня лет на десять. Это был молодой человек, среднего роста, живой, подвижный, чрезвычайно энергичный. Единственными занятиями, которым

он мог посвящать все свое время целиком, невзирая ни на какие условия, были охота, изготовление коллекций, сборы зоологического материала. Жуков был замечательным охотником и выдающимся стрелком. Он и ружье составляли неразрывное целое. Он как-то совершенно подсознательно поднимал ружье, быстро прицеливался и, если цель была досягаема, всегда попадал в нее. Бывая с Жуковым на осенних охотах, я поражаюсь результатам его стрельбы.

Начало зимы. Туманное утро. Из низко нависших свинцово-серых туч падают мелкие снежинки, образующие мутную завесу. Жуков и я бродим по широкому покрытому мелким галечником и крупными валунами руслу Терека невдалеке от селения Беслан. Едва видимые в снежной мгле, высоко над нами проносятся утиные стаи. Я стреляю много, но безуспешно. Петр Иванович, уступая мне «верные» выстрелы, стреляет изредка, и почти после каждого его выстрела мы идем подбирать убитых уток.

Охота, однако, была для него не самоцелью, а средством для сбора птиц, средством коллектирования их. Он мог бросить преследование пересевшего выводка куропаток, или прекратить поиски фазана, чтобы устремиться за сидящим на сухом дереве ястребом или начать подкрадываться ползком к соколу-сапсану...

Препараторское дело Жуков любил по-настоящему, всегда что-то изобретал с целью найти лучшие способы монтировки и сохранения животных. Однажды он в течение нескольких недель пытался «прилично» набить чучело из приткой ящерицы. Шкурка с ящериц снималась легко, пока дело не доходило до хвоста. Хвост ломался, и ничего с ним нельзя было поделывать... Помню также, как Петр Иванович «изобретал» способ набивки чучел из лягушек. Чего только он не предпринимал! Наливал шкурки жидко разведенным гипсом, наполнял их глиной, раскрашивал, покрывал лаком и т. д. Не имея образования — Жуков окончил лишь четыре класса средней школы, — он понимал значение научных знаний, очень много читал зоологических книг. В противоположность большинству людей, живущих на случайные средства, получаемые от продажи изготовленных чучел животных, Петр Иванович сохранял тех зверей и птиц, которых он считал редкими и интересными с научной точки зрения. Покупателям он

даже и не показывал их. Однако если представлялась возможность передать эти экспонаты куда-нибудь в музей или профессору М. А. Мензбиру, он без сожаления расставался со своими сокровищами.

Началась империалистическая война 1914 г. П. И. Жуков был мобилизован в армию вольноопределяющимся и отправлен на Кавказский фронт. С наступающими русскими войсками он проделал длинный путь до Эрзерума, городка Хныс-Кала, Бурну-Булака. Назначенный в команду разведчиков, Жуков, как охотник и прекрасный стрелок, обратил на себя внимание начальства, получил солдатского Георгия и был произведен в прапорщики. В это же время он был легко ранен. Пробыв короткое время в госпитале, он снова возвратился на фронт и был назначен командиром пограничного русского поста Булгана на р. Араксе.

Военные действия, необходимость все время передвигаться, многочисленные обязанности командира поста не могли заставить натуралиста и охотника отказаться от сбора коллекций. И в Эрзеруме и в Хныс-Кала и особенно, находясь на стационарном положении в Булгане, Петр Иванович охотится, экскурсирует, набивает чучела и тушки птиц и зверьков, коллекционирует ящериц, змей, насекомых. Его семья все время получает из действующей Кавказской армии почтовые посылки с совершенно необычным грузом — зоологическими материалами.

В продолжение всей своей недолгой жизни Жуков вел подробные дневники и записи наблюдений и сборов, точно этикетировал все собираемые материалы.

Из его сборов на Кавказском фронте особенную ценность имеют пуховые птенцы джека-вихляя, находящиеся сейчас в зоологическом музее Московского университета, птицы из Эрзерума, из Северной Турции...

Зимой 1916—1917 гг. во время своего отпуска из армии Жуков на несколько дней поехал в Москву. Я в это время учился в Москве на последнем курсе университета, и он остановился у меня. Основной целью его поездки в Москву было желание познакомиться с профессором М. А. Мензбиром, с которым он уже много лет переписывался и посылал ему свои сборы и наблюдения. И в этот приезд Петр Иванович привез для Мензбира птиц из Турции и с Аракса.

Через П. И. Жукова я познакомился с Михаилом Алексеевичем Мензбиром. Для нас, студентов Московского

университета предреволюционных лет, имя Мензбира было окружено особенным ореолом. Знаменитейший русский ориентолог, выдающийся и последовательный дарвинист школы фаунистов и зоогеографов, проректор старейшего русского университета оказал противодействие реакционному царскому министру просвещения Кассо и был изгнан из университета, где он работал около тридцати лет. В наших глазах М. А. Мензбир был членом той «когорты славных», к которой принадлежали К. А. Тимирязев, Н. М. Сеченов, Н. А. Северцов и другие замечательные биологи.

Мензбир встретил нас радушно. Усадив меня в кресло, прежде чем начать беседу с Петром Ивановичем, он спросил, какую бы книгу я хотел посмотреть, чтобы не скучать, пока они будут говорить между собой. Увидев на столе несколько томов Дрессера, я попросил «Атлас яиц британских птиц» и погрузился в его рассмотрение. Беседа Михаила Алексеевича с Жуковым продолжалась около полутора часов.

Прощаясь, Мензбир просил Жукова писать ему и подарил нам обоим по экземпляру только что вышедшей перед этим его книги (в издании «Фауна России») о соколиных, где упоминал имя Жукова и приводил его данные о соколах. Меня Мензбир спросил, где я учусь. Узнав, что я юрист, Михаил Алексеевич спросил удивленно, зачем мне понадобились яйца британских птиц Дрессера. Пришлось объяснить, что я юрист по желанию отца и что после окончания юридического факультета непременно поступлю на естественный.

Вскоре после моего знакомства с М. А. Мензбиром началась революция, я уехал на Кавказ и смог поступить на естественный факультет только через пять лет. Мензбир, с почетом возвращенный в университет после революции, читал курс зоогеографии. И хотя с момента нашего знакомства с Михаилом Алексеевичем прошло много времени, на первой же лекции он узнал меня и выразил удовольствие, что мое желание сделаться естествоиспытателем наконец осуществилось.

Через несколько дней после беседы с Мензбиром Жуков уехал в армию, закупив в Охотном ряду полсотни свиристелей, с которых вечерами снимал шкурки, чтобы повезти их домой для набивки чучел. (Свиристелей на Кав-

казе бывает очень немного, а красивых птиц охотно покупали биологические кабинеты школ.)

В самом начале революции, заставшей Петра Ивановича в Булгане, он был избран в полковой комитет, а затем послан на съезд солдатских депутатов в Тбилиси. Возвращаясь оттуда в часть, он заболел сыпным тифом. После болезни Жуков демобилизовался и снова смог отдаться своему любимому препараторскому делу. Утвердившаяся на Северном Кавказе в начале 1920 г. Советская власть широко развернула культурную работу, в которой деятельное участие принял и Жуков. Его пригласили руководить препараторской мастерской во вновь организованном Институте краеведения. В музей института он передал почти всю свою огромную коллекцию птиц.

Весной 1920 г. осуществилась заветная мечта Петра Ивановича: он был принят студентом на агрономический факультет Горского политехнического института. Но закончить институт ему не удалось. Возвращаясь из одной поездки по делам Института краеведения в Ростов, П. И. Жуков подхватил в вагоне возвратный тиф. Сердце натуралиста, ослабленное недавним сыпным тифом, не выдержало, и он, совсем еще молодой человек, умер...

Просматривая иногда коллекцию птиц, собиравшуюся десятилетиями, я с особенным чувством читаю этикетки, написанные чаще всего чернильным карандашом, четким, разборчивым почерком. На этикетках обозначены пункты: Эрзерум, пост Булган, Хныс-Кала... При чтении их я вспоминаю наши совместные поездки и страстную и бескорыстную любовь Петра Ивановича к птицам, к науке, к природе, его кипучую натуру и доброжелательное отношение ко всем окружающим.

Со дня смерти П. И. Жукова прошло тридцать лет. Воскрешая в своей памяти образы прошлого, образы близких людей, я особенную гордость испытываю от сознания, что в числе друзей я имел такого замечательного по своим душевным качествам человека, такого истинного натуралиста, зоолога и охотника, каким был препаратор Петр Иванович Жуков...

С Викториним Алексеевичем Селегенинко я познакомился несколько раньше, чем с П. И. Жуковым. Это был высокий, чуть сутуловатый блондин, неторопливый, во всем постоянный и настойчивый. У него, так же как и у отчима

Жукова, была во Владикавказе маленькая кустарная чучельная мастерская. Еще мальчиком, застрелив на охоте какую-нибудь понравившуюся мне птицу, я относил ее Викторину Алексеевичу и просил набить из нее чучело. Мне нравилось также бывать в его мастерской, где можно было посмотреть, а иногда и приобрести чучела неизвестных мне птиц — соловья-красношейку, синехвостую славу, голубую сороку, широкогорота и других, вывезенные Селегененко из Владивостока, где он работал некоторое время...

Несмотря на существование в маленьком Владикавказе двух «чучельщиков», как будто конкурирующих между собой, между «предприятиями» Кокушкиных-Жуковых и Селегененко никакой конкуренции не было. Оба мастера избрали себе деятельность не для обогащения, а из любви к животным, к природе.

В начале нашего знакомства я встречался с В. А. Селегененко случайно — то на охоте, то у Кокушкиных, то заходя к нему, но особенно подружился и оценил его замечательные качества много позднее, когда после окончания университета возвратился во Владикавказ.

Вернувшись домой, я начал работать ассистентом в Педагогическом институте, кафедрой зоологии в котором заведовал профессор С. С. Туров, незадолго перед этим приехавший во Владикавказ.

Институт только начинал свое существование, в нем не было ни оборудованных лабораторий, ни зоологических коллекций, ни музея. По моей рекомендации, С. С. Туров пригласил на работу препаратора В. А. Селегененко, и оборудование кабинетов зоологии пошло вперед быстрыми шагами.

У Викторина Алексеевича были золотые руки — он умел делать все и делал с удовольствием. Викторин Алексеевич столтарничал, плотничал, выполнял всевозможные мелкие слесарные работы, набивал чучела, готовил скелеты, резал стекла, делал мышеловки, изготовлял стеклянные футляры для музейных препаратов и менделеевскую замазку и т. д. и т. д. Он обладал также замечательным качеством советского человека: считал, что работа, какой бы она ни была, — благородное занятие и никакая работа не может унижить достоинство человека. Разнообразную работу он проводил не за счет основного дела — изготов-

ления чучел для музея, тушек для научной работы, скелетов и спиртовых препаратов для практических занятий студентов,— а параллельно с ней.

Викторин Алексеевич с самого начала нашей с ним совместной работы почувствовал, что дело института — его собственное, личное дело; оборудованию нашей кафедры он посвящал не только рабочее время, но и весь досуг в продолжение двадцатипятилетней работы в институте.

В. А. Селегененко был, конечно, хорошим охотником и весьма искусным стрелком. Однако и у него, так же как и у П. И. Жукова, над чисто охотничьими интересами, заставляющими охотников гоняться за дичью, всегда преобладали интересы натуралиста. В разгар охотничьего сезона, когда все городские охотники стреляли пролетных перепелов или вальдшнепов, Викторин Алексеевич часто отправлялся на зоологические экскурсии, чтобы добыть для музея института какую-нибудь редкую горную птицу.

Качества натуралиста и зоолога особенно ярко сказывались у Викторина Алексеевича во время экспедиций, в которых он сопровождал сперва С. С. Турова, а позднее меня. Он с увлечением занимался полевой работой: собирал зоологические материалы, добывал наиболее редких птиц и животных. По утрам Викторин Алексеевич вставал раньше всех и шел собирать поставленные на ночь ловушки, затем препарировал поймавшихся зверьков, тщательно измеряя их, снова шел на экскурсии и засиживался до глубокой ночи, чтобы успеть обработать все материалы, добываемые нами. Я не помню ни одного случая, чтобы хоть один добытый зверек или застреленная птичка была выброшена испорченной из-за запоздалой препаровки. Успехом наших поездок мы были обязаны главным образом ему.

С. С. Туров и В. А. Селегененко объездили всю Северную Осетию и Дигорию, в продолжение нескольких лет работали в Кавказском государственном заповеднике, посетили Армению и степи восточного Предкавказья. Экспедиции, в которых участвовал Викторин Алексеевич, привозили значительные, хорошо отпрепарированные научные сборы. Он, по выражению С. С. Турова, был «руками» экспедиций. Сейчас лаборатории и Зоологический музей Северо-Осетинского педагогического института относятся

по своему оборудованию, по количеству научных коллекций и выставочных экспонатов к одним из лучших в СССР, и все это оборудование, все многочисленные чучела, биологические группы животных, научные коллекции, прекрасно изготовленные скелеты и «влажные» препараты на девяносто процентов изготовлены руками Виктора Алексеевича.

В. А. Селегененко не считал себя научным работником, но по существу был им в полном смысле слова: он много читал, хорошо знал зоологическую литературу, особенно кавказскую, всю свою жизнь вел наблюдения и дневники, собирал животных. Скромный и обязательный во всем человек, Викторин Алексеевич всегда с полной готовностью отдавал свои сборы и делился наблюдениями с зоологами. Академику П. П. Сушкину он передал серию редких черных неясытей, подбиравшуюся им в течение десятков лет, С. С. Турову и особенно мне он давал выписки из дневников и записок, которые вел регулярно в течение почти пятидесяти лет. Многолетняя работа В. А. Селегененко на Северном Кавказе обогатила знания о фауне нашей страны, но сведения о новых животных, добытых Селегененко, всегда опубликовывались другими. Из этих фаунистических новостей, открытие которых принадлежит ему, следует упомянуть серию черных неясытей, добычу лично им редчайшего экземпляра азиатского бекаса, застреленного под Владикавказом — первый случай нахождения этой птицы в Европе, добычу редких на Северном Кавказе красных коршунов, сборы целых серий прометеевых мышей в разных уголках Центрального Кавказа и много-много другого...

Работая в педагогическом вузе, Викторин Алексеевич, конечно, не мог остаться в стороне и от педагогической работы. С увлечением обучал он студентов-зоологов препараторскому мастерству, прививал им навыки сборов и ловли зверьков. Многие из советских зоологов, имеющих сейчас ученые звания и степени, в числе своих учителей, которые с любовью и настойчивостью отдавали им свои знания, руководили их первыми зоологическими работами, должны считать В. А. Селегененко. На мой взгляд, огромное воспитательное значение имело для молодых научных работников общение с В. А. Селегененко, наблюдение за его добросовестной, аккуратной работой, наблюдение за

повседневной жизнью человека, целиком и полностью отдающего себя любимому делу. Воспитательная роль Викторина Алексеевича особенно сказывалась при летней работе студентов института на зоологической станции в станице Александро-Невской, организованной и оборудованной в основном его стараниями.

Еще об одной черте характера Селегененко мне хочется упомянуть — о его беспримерной деликатности и желании сделать что-нибудь приятное окружающим людям. Стоило только заикнуться о чем-нибудь, и Викторин Алексеевич употреблял все усилия, чтобы это желание было осуществлено.

Однажды я заметил, что было бы очень интересно достать птенцов горлянки, подложить их для воспитания египетским голубям, а впоследствии попробовать получить гибриды. Викторин Алексеевич не успокоился до тех пор, пока не разыскал гнездо горлянок, которых под Владикавказом очень немного и за которыми надо было проделывать утомительные экскурсии, и принес птенцов в институт. В другой раз я мельком сказал, что хорошо бы было для музея института изготовить группу чучел редких ястребов-тювиков с парой взрослых птиц и птенцами разного возраста. Викторин Алексеевич в продолжение целого лета настойчиво и упорно искал гнезда тювиков, застрелил самца и самку и набил чучела из птенцов, по которым виден весь ход линьки их из пухового наряда в ювенильный (птенцовый). Подобных примеров можно привести множество.

Добросовестность в отношении к работе была основным стимулом деятельности Викторина Алексеевича. Работники кафедры всегда могли быть спокойны и уверены, что все наши занятия со студентами будут подготовлены, что наши лаборатории и кабинеты непрерывно пополняются и расширяются, так как за этим следит Викторин Алексеевич. А сколько изобретательности, инициативы, настойчивости и терпения проявлял он в разделах работы, поручаемой ему! Он придумал особый, очень удачный способ ловли прометеевых мышей, редко выходящих из нор на поверхность почвы, способ ловли другого подземного грызуна — гигантского слепыша — при помощи проводочных петель и рыболовных крючков. Сколько птиц я поймал при помощи изготовленных им ловушек!

В. А. Селегененко, в течение 26 лет проработавший в Северо-Осетинском педагогическом институте, до конца своих дней не оставлял работы. В возрасте более семидесяти лет, не имея уже физических сил приходить ежедневно на работу в лабораторию, он просил приносить к нему на квартиру все, что надо бывало сделать, и основную работу проделывал у себя дома. До самой смерти в 1950 г. он жил интересами института, интересами зоологических лабораторий.

Советская зоологическая наука в числе людей, преданных ей, имеет не только знаменитых ученых, но и скромных тружеников — препараторов, любящих свою науку, живущих ее интересами. В этом сила нашей советской науки, в этом ее достоинство!

Заканчивая очерк о двух своих скромных помощниках, замечательных препараторах Петре Ивановиче Жукове и Викторине Алексеевiche Селегененко, хочу сказать, что по своей внешности и по характеру мои друзья были совершенно различны. Движущей силой поступков П. И. Жукова были увлечения и страстная преданность профессии. Все, что бы ни делал В. А. Селегененко, было продумано и взвешено. Но общего в их в характерах было гораздо больше. Оба совершенно бескорыстно любили науку, которой посвятили свою жизнь. Оба не могли существовать без постоянного общения с природой, без любимой ими охоты, без зоологических наблюдений и сборов. Только занятия зоологией вносили радость в их жизнь, только природа наполняла их жизнь содержанием. Оба они были натуралистами!

ОХОТЫ И ОХОТНИКИ

1. Голуби

У нас в СССР, так же как и в других странах, существует особая «охота», людей, занимающихся которой, обычно именуют голубятниками. Сами они именуют себя или охотниками, или любителями. Голубятники же — это ребята, гоняющие голубей по крышам, единственная и главная цель которых — ловля чужих голубей. Охотники так поглощены голубями, что среди них почти не бывает ни

охотников по дичи, ни рыболовов, ни людей, увлеченных другими птицами. К людям, равнодушным к их «охоте» («охотой» любители голубей называют своих птиц), они относятся с сожалением... Об отношении такого любителя к голубям верное представление дает Ч. Дарвин: «Если бы... люди могли знать, какая масса радости и удовольствия получается от пестрых турманов, когда они начинают проявлять свои свойства, думается мне, ни один человек не обошелся бы без птичника с пестрыми турманами...» *

При обращении со своими голубями охотники священнодействуют: ««Его местоимение» ...серьезный, строгий, берет в обе руки голубя и, подняв, выше головы, начинает рассматривать и при этом хмурится и становится еще более серьезным, как заговорщик...» ** При оценке качеств голубя охотник берет его в правую руку, пропустив лапки между безымянным пальцем и мизинцем, и, слегка прижав остальными пальцами вершины крыльев, на расстоянии вытянутой руки изучает детали строения и особенности оперения птицы. Затем, переложив голубя в правую руку, также внимательно, прилизив его к себе, изучает его голову, обращая сугубое внимание на «выражение» и цвет глаз, на ширину и окраску век. Для окончательной оценки необходимо еще, пустив голубя на пол, ознакомиться с его «корпусом», манерой держаться, способом опускания крыльев (вислокрылостью) и осанкой. Как видите, требований к птице предъявляется много, и очень немногие из голубей выдерживают эту всестороннюю критику. Если же голубь полностью отвечает требованиям и вкусам охотника, то это настоящая охотничья птица.

Увлечение голубями и голубиная охота имеют свою длинную историю, почти такую же древнюю, как и история человечества. Первые сведения в исторических памятниках о домашних голубях относятся к пятой египетской династии (3000 лет до н. э.). О домашних голубях упоминается в древнееврейских священных книгах. Особенной любовью и почетом голуби пользовались у римлян, и в дошедшем до нас сочинении Варрона (I в. до н. э.), назван-

* Чарлз Дарвин. Изменение животных и растений в домашнем состоянии. Иллюстрированное собрание сочинений, т. 7. М., изд. Ю. Лепковского, стр. 147.

** А. П. Чехов. В Москве на Трубном рынке. Собрание сочинений, кн. 3. М., ГИЗ, 1929.

ного своими современниками «отцом сельского хозяйства», есть данные о некоторых птичниках в древнем Риме, содержащих до 5000 голубей. Особенного расцвета голубоводство достигло в Иране и Индии. В Европу из Азии голуби начали проникать со времен крестовых походов, но главным образом в XVI и XVII вв., с развитием мореплавания. Большинство основных современных пород домашних голубей ведет свое начало от предков, завезенных из Индии, Цейлона и Ирана. Своими голубями в Европе славились Голландия и Англия, отсюда начиная с XVII в. голуби понемногу проникали и к нам.

Пород домашних голубей очень много. Ч. Дарвин около ста лет назад насчитывал более 150 пород. В настоящее время их гораздо больше. Все породы домашних голубей могут быть разбиты на четыре группы: почтовых, мясных, декоративных (цветные, или игрушечные, породы) и гонных голубей, отличающихся продолжительностью, высотой и особенной манерой полета. Только последние две группы пород и являются охотничьими птицами в полном значении этого слова.

Я никогда не был голубятником, т. е. человеком, держащим голубей для мальчишеской забавы; в то же время я и не могу отнести себя к истинным охотникам, так как голуби занимали среди моих привязанностей к птицам всегда второстепенные и третьестепенные места. Я просто люблю домашних голубей, как красивых, облагороженных длительным, умелым и внимательным подбором птиц, люблю их за грациозность движений, оригинальную окраску, горделивую осанку и за их бойкий, живой характер, не обнаруживающий никогда прославленной «голубиной кротости»... Больше всего мне нравятся породы декоративных голубей. Необходимо отметить, что наименование этих пород декоративными внесено в русскую птицеводческую литературу сравнительно недавно — в начале настоящего столетия. В старой охотничьей литературе эти породы голубей всегда именовались в о д н ы м и, в отличие от гонных.

Я держал в разные годы и иногда в большом количестве самые разнообразные породы водных голубей. Я мог любоваться и миниатюрными, подобранными фигурками чаек, и огромными массивными бухарскими трубаками, и закинутыми к спине головками и выпяченной грудью

гордых и качунов, и контрастной окраской наплеких, и замечательно правильным расположением цветов в оперении монахов, ленточных и черно-пегих, и совершенно особенным сложением и манерой держаться при полете персидских голубей-бия. В своих увлечениях голубями я сталкивался с истинными охотниками.

В городе, в котором я жил, самым известным голубиным охотником был Яков Васильевич Дегтярев. Жил он в маленьком домике на краю города. Работал Дегтярев кузнецом на городской электростанции, часто в ночные смены. Весь день и все свободные часы он посвящал голубям. Это был уже пожилой человек с пышными серебристыми усами на почерневшем от угольной копоти и жара лице. Голуби для Дегтярева были страстной привязанностью. Они наполняли все его существование, доставляли ему и радости, и печали.

Живя вдвоем с женой в маленькой комнате, Дегтярев своим голубям предоставлял огромные «жилые площади». Любимые им птицы (к ним относились голуби-бия) жили в немного не достроенной большой комнате пристройки. Помещение это отапливалось. Гонные голуби жили в просторном мезонине над домом. Чайки, таганрогские наплекие и остальные попроще обитали в нескольких голубятнях перед домиком. Голуби Дегтярева были известны в нашем городе всем держащим голубей, начиная от ребят и кончая настоящими охотниками, посещавшими старика, чтобы полюбоваться его охотничьими птицами или подобрать пару своим овдовевшим голубям. В выходные дни домик Дегтярева наполнялся охотниками. На двор выносились из комнаты стулья, любители садились перед голубятнями, голубям высыпали коноплю или горох и часами любовались птицами, делая друг другу короткие, понятные только им одним замечания. Если у Дегтярева появлялся какой-нибудь новый голубь, об этом сейчас же узнавали охотники, и паломничество к старику усиливалось.

Знакомство с Дегтяревым мне, начинающему и неопытному любителю, было очень полезно. Своими советами он постепенно привил мне охотничьи навыки. Через Дегтярева я познакомился также и с другими нашими известными охотниками.

Александр Георгиевич Б. был человеком совершенно другого склада. Одинокий старик, живший в большом соб-

ственном доме, имел, единственную страсть и единственное развлечение — своих голубей, свою охоту. В большом дворе дома была выстроена просторная голубятня из кирпича. Перед ней, чтобы куры не пугали голубей, находилась небольшая огороженная сеткой площадка. Александр Георгиевич держал исключительно водных, тбилисских голубей-бия, которых никогда не гонял. Бия, жившие у него, были трех окрасок — красные, желтые (глинистопалевые) и черные белохвостые. Другие в голубятню не были вхожи и не признавались хозяином охотничьей птицей. Голубей было немного, пар 8—10, но все были отменные. (Каждый голубенок после окончания линьки во взрослый наряд подвергался суровой и жестокой оценке; малейший изъян, имевшийся у него, — и каким бы ценным голубенок ни был, он немедленно отдавался другим охотникам. Имея превосходных голубей, признавая только своих бия, он ко всем остальным породам относился пренебрежительно).

У нас в СССР некоторые области, города и районы издавна славятся своей голубиной охотой. Таковы города Поволжья, Ростов, ряд городов Азовско-Черноморского побережья, Москва. В Баку, Тбилиси, Ереване особенной любовью пользуются водные породы голубей-бия; Борисоглебск славится своими космоногими ленточными, Полтава — очень красивыми по окраске и «статьям» полтавскими чернохвостыми. Но в некоторых местностях нашей страны основа голубиной охоты — гонные породы. Эти породы, выведенные уже около ста лет назад, сохраняются по возможности в чистоте и в них поддерживают летные качества.

Если у водных пород охотника интересуют окраска (масть) голубя, его корпус, голова, веки, осанка и манера держаться, то качества гонных голубей прежде всего определяются продолжительностью, высотой, слаженностью полета целой стаи и особыми свойствами некоторых гонных пород, выявляющимися в воздухе. Почти все знаменитые породы наших гонных голубей находятся в Центральной части Союза: в Курске — курские сороки и галочки, в Воронеже — чеграши, или чегравые, в Туле — тульские ленточные и гривуны, в Москве — московские чистые и другие. Кроме этих отечественных пород, у нас в настоящее время держат много пород иностранного происхож-

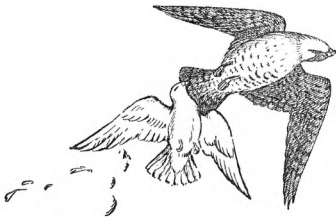
дения: гамбургские, польские серебристые, монахи и другие. Особенно славились в старину курские голуби, отличавшиеся замечательными летными качествами.

К гонным породам предъявляются очень серьезные требования, которым удовлетворяют немногие из голубей. «Гонные голуби должны тотчас же по открытии голубятни, как только они вылетели, не садясь предварительно на крышу, взвиться широкой спиралью на значительную высоту и затем носиться нередко целыми часами в виде едва заметных для глаза точек в этих недоступных частях воздушного океана ловкими, уверенными, изящными кругами, выделявая всевозможные повороты. Большинство гонных голубей относится к турманам, летающим группами; их выпускают стайка за стайкой и затем «гоняют»; они должны кружиться, опускаться и подыматься непременно все вместе, тесной стаей; ни один из них не должен отделяться, а тем более опускаться особняком от остальных. Тех голубей, которые летают не группой, а начинают выделять свои воздушные фокусы с самого начала в одиночку, называют «солистами»...» *

Средняя высота полета голубей, установленная на основании изучения почтовых пород, около 150 м над землей. Большинство гонных пород кружится на высоте от 500 до 1000 м, но некоторые стаи поднимаются на головокружительную высоту — до 4400 м! Конечно, при полете на таких предельных высотах голубей можно наблюдать исключительно при помощи бинокля... Летающие часами на значительной высоте, «изолированные» от непосредственной защиты хозяина, гонные голуби очень часто гибнут. Больше всего гонных голубей погибает от нападения хищных птиц. Основной враг лучших летунов — сокол-сапсан, смелый, предприимчивый и сильный хищник. Трудно подсчитать, какое количество знаменитейших по своим летным качествам голубей попало в лапы к сапсанам! Сапсаны «берут» голубя и на очень большой высоте, и, значительно реже, над самыми крышами.

Интересно наблюдать охоту сапсана (или пары этих соколов) на голубей в воздухе. Хищник, издали заметивший летающую стаю, быстро взмахивая крыльями, отку-

* А. Э. Брем. Жизнь животных, т. 7. СПб., изд-во «Деятель», 1914, стр. 515.

САПСАН, БЬЮЩИЙ ГОЛУБЯ

да-нибудь со стороны стремительно несется к голубям. Голуби, панически боящиеся сокола, теряются. Они либо почти по вертикали взмывают вверх, тесно смыкаясь друг с другом, либо, складывая крылья, зигзагами, делая большие острые углы, летят вниз. Сапсан не бьет голубя в стае — ему нужен летящий одиночка. Если птицы держатся кучей, сокол несколько раз подлетает к сомкнутой кучке испуганных птиц все ближе и ближе при каждом броске и, рассчитывая, очевидно, на «психологический эффект» своих нападений, пытается отбить от партнеров какого-нибудь одного неудачника. Когда это удается, хищник отлетает в сторону и затем в стремительном броске бьет добычу. Удар приходится обыкновенно или в основание шеи, или под крыло, или в спину голубя. Сбитый броском сокола голубь, трепеща бессильными крыльями, начинает падать вниз. Сапсан, пролетевший после первого броска по инерции дальше, быстро поворачивается в воздухе, подхватывает падающего голубя и, держа его в вытянутых лапах, несет куда-нибудь в свою «трапезную».

Если же птицы, увидев сокола, врассыпную летят вниз, охота хищника упрощается. Сейчас же, наметив себе жертву, сапсан бросается за ней. Сапсаны — «благородные» соколы. Если при первом броске на свою добычу он,

не рассчитав расстояния, промахивается, сконфуженный сокол обычно оставляет этого голубя и устремляется за следующим. Особенно тяжелые потери сапсан причиняет, если бросается на стаю голубей, низко летающую над домами. В этом случае сокол часто не успевает подхватить сбитую птицу, так как охота идет в нескольких десятках метров от земли, и снова бьет вторую, третью и т. д. Голуби, находящиеся в это время в состоянии панического ужаса, вместо того чтобы опуститься на крышу (с крыши, с земли, с дерева сапсан не берет добычи), носятся в разных направлениях в воздухе.

Гонимые голуби, летающие на пределах видимости, часто гибнут. Известный курский охотник конца прошлого столетия Н. Благовещенский описывает гибель голубей от перемены погоды: «Лучшие летуны в Курске не умирают своей смертью, а остаются за тучами... Когда голуби поднимаются на страшную высоту, так что приходится прибегать к биноклю, чтобы видеть их, более низкие и в то же время густые облака покрывают их, проходя гораздо ниже летающей стаи голубей... Туча, гонимая ветром, движется, стало быть, и голуби всей стаей будут двигаться с нею...» * Такие «покрытые» тучами голуби, теряют ориентировку, залетают от своих голубятен на десятки и сотни километров и попадают в лапы к хищникам, либо их ловят охотники в других городах.

Я держал исключительно водных голубей потому, что у нас на Кавказе особо выдающихся гонимых пород нет.

Впервые мне удалось познакомиться с замечательными гонимыми голубями много позднее, на юге Брянской области, где я видел стаю этих охотничьих птиц, ведущих свое происхождение от некогда знаменитых курских и тульских летунов.

То, что мне казалось маловероятным и к чему я относился, исходя из своих наблюдений на Кавказе, с сомнением, способность голубей летать на пределах видимости по 6—8 часов подряд, — у местных голубей весьма обычное явление. Местные охотники к своим голубям предъявляют только два требования — продолжительность и высота полета и непременно наличие на головах голубей

* Н. Благовещенский. Окраска радужной оболочки у культурных пород голубей. «Охота», 1894, № 3.

хохлов. Брянские гонные голуби бывают самых разнообразных окрасок, большинство же из них либо чисто белые либо «гривуны», т. е. имеют окрашенные перья на спинной стороне основания шеи...

Проживая в небольшом городе Брянской области, я сперва познакомился, а затем и подружился с одним местным охотником, Петром Дмитриевичем Золотухиным; по отношению к голубям и другим своим качествам он являл «классический» образ любителя голубиной охоты. Оставив работу и перейдя на пенсию в возрасте более 50 лет, он жил привязанностью к птицам, поглощавшей все его время и все его небольшие деньги. Вот эпизод, показывающий, как относился Петр Дмитриевич к своим голубям и что они значили для него.

Во время Отечественной войны Брянская область и город, о котором идет речь, были временно оккупированы бандами гитлеровцев. На второй день после вступления немцев в город на стенах домов появилось объявление коменданта, предлагавшее всем жителям, имевшим голубей, под страхом расстрела сдать птиц в военный госпиталь. Немцы опасались связи населения через почтовых голубей с нашими частями. Петр Дмитриевич не мог даже под угрозой смерти расстаться со своими птицами. В подполье своего домика он прокопал длинную отдушину «для воздуха», как это он мне объяснял впоследствии, и пустил в совершенно темное подполье своих 8 или 10 пар голубей. В этом подвале он продержал свою охоту более года — до освобождения города нашей армией. Голубей он кормил чаще ночами, зажигая им для этого маленькую керосиновую лампу. На мой вопрос, не выдавали ли себя голуби воркованием, Петр Дмитриевич сообщил, что они ворковали только тогда, когда он спускался к ним с кормом, а это делалось после того, как удостоверивались в отсутствии немцев поблизости, и в продолжение всей процедуры кормления домашние стояли на страже у ворот. По словам Петра Дмитриевича, голуби, жившие полтора года в темноте, сильно разжирили, сделались малоподвижными, но ни разу не неслись и не выводили птенцов и, понятно, потеряли свои летные качества...

Когда я познакомился с Петром Дмитриевичем, у него была небольшая охота, состоявшая из гривунов, о которых я говорил выше. Летали его гривуны замечательно и

славилась не только на весь город, но и на окрестные города и большие села — в Брянской области голубиная охота в почете. Среди гонимых и высоко летающих голубей было несколько невиданных мной раньше. Не отличавшиеся ни фигурой, ни окраской от часто встречающихся голубей красно-глинистой масти, эти голуби обладали совершенно особенной манерой полета. Вылетев из голубятни и поднявшись большими кругами на довольно значительную высоту, эти птицы останавливались в воздухе на одном месте так, как это предельвают при поисках добычи некоторые хищные птицы, например пустельги, кобчики и сарычи, и, трепеща крыльями, подогнув вперед раскрытые веером хвосты, «стояли» в воздухе по десять и более минут. Как правильно называется порода этих замечательных голубей, я не знаю. Охотник называл ее «стоянами» и говорил мне, что такие голуби довольно обычны в Гомеле, Новгороде-Северском и других городах северной Украины и Белоруссии.

Весь круг интересов Петра Дмитриевича был сосредоточен на голубях. Он знал не только всех охотников города, но и всех голубей у каждого из них. Знал родословные выдающихся летунов, их историю, хозяев, у которых они перебивали, и т. д. Как и все настоящие охотники, отличался совершенно непостижимым для равнодушных к охоте людей умением отличать голубей друг от друга (таким «глазом» кроме охотников отличаются настоящие зоологи-систематики). Он не только знал каждого голубя по мельчайшим, ему одному известным деталям и особенностям, но и безошибочно отличал своих голубей одного от другого в воздухе на огромной высоте. Голуби приносили Петру Дмитриевичу много радости, были его любовью, но наряду с этим доставляли ему и немало огорчений. То при полетах стая пропадет молодой и не вполне освоившийся с крышей голубенок, то стая, покрытая тучей, останется в воздухе на ночь, а утром прилетят только жалкие ее остатки...

... Я не настоящий «любитель» голубей, но я понимаю и отношусь с уважением к истинным охотникам вроде Я. В. Дегтярева или П. Д. Золотухина. Это страстное увлечение птицами не возбуждает во мне насмешливого или проиического отношения, а наоборот, заставляет относиться к ним любовно, внимательно и терпимо.

2. Перепела

«Охота криковыми перепелами», «охотники перепелиного боя» в настоящее время встречаются все реже и реже. Этот вид охоты, однако, имел у нас своих страстных приверженцев. За некоторых, именуемых «дорогими», перепелов любители и охотники платили значительные суммы, ловля перепелов привлекала к себе многих и принадлежала к одному из самых интересных по своей обстановке видов охоты. Бой перепелов всегда вызывает в воспоминаниях чудесные картины нашей родной природы, цветущие весенние луга, колосающиеся поля ржи с синеющими в них васильками, картины близкие и понятные натуралистам, охотникам, всем людям, любящим природу...

Кто из нас, услышав в шумном городе звонкий перепелиный бой, не останавливался на несколько секунд, не прислушивался к нему с улыбкой, не вспоминал в этот момент зеленеющие нивы?

Я впервые увлекся ловлей перепелов еще в молодости. Позднее мне приходилось ловить перепелов и в предгорьях Северного Кавказа, и в пойменных лугах средней полосы СССР — во Владимирской области и в ржаных полях Белоруссии. Где бы я ни ловил перепелов, это занятие всегда доставляло мне огромное удовольствие, даже когда я возвращался домой с пустыми руками. Прелесть перепелиной ловли не в количестве пойманных криковых перепелов, а в самом процессе ловли...

Первые числа июня. Во второй половине погожего солнечного дня я направляюсь к пойменным лугам небольшой речки Колокши, протекающей неподалеку от маленького городка Юрьева-Польского. Поля, по которым я прохожу, в это время очень хороши. Светлая зелень квадратных участков овсов перемежается с темно-зелеными полями клевера, издающими медовый аромат; по сторонам дорожки стеной поднимается начинающая колоситься рожь. Воздух наполнен трелями, стукотней и звенящими переливами песен жаворонков; над посевами, медленно взмахивая крыльями, «проплывают» седые луи; с придорожной ракиты несется почти без всяких пауз однообразное «зень-зень-зень-зень-и» овсянки... Порхают светло-желтые, оранжевые, белые и голубые бабочки, жужжат бесчисленные пчелы, и гудят шмели. После долгого пребывания в городе полной грудью вдыхаю чистый прозрачный

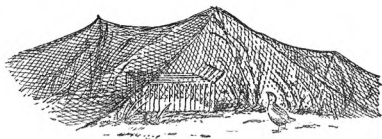
воздух с едва уловимым запахом хвои, доносящимся из не-далекого леса... Я у места предполагаемой ловли. Ловить еще рано. Присаживаюсь на крутой берег речки и, стараясь не двигаться, наблюдаю за многочисленными стайками пескарей, плавающих у дна тихой заводи. Мое появление сначала напугало рыбок, но так как я ничем не выдаю своего присутствия, они начинают понемногу выплывать из-под защиты покрытых травой берегов и заниматься своими делами. Над Колокшей, трепеща темно-синими крылышками, стремительно проносятся крупные стрекозы, подхватывающие налету комаров и мошек, перепархивают стрекозы-любки. Откуда-то раздается отрывистый, похожий на скрип железа крик коростеля...

Солнце склоняется к западу. Голубовато-зеленые краски неба принимают светло-розовые оттенки. Невдалеке в первый раз пробил перепел...

Обширный луг, ограниченный течением Колокши, еще не скошен и находится в полной весенней красе. Темно-красные шпашники, белые ромашки и другие цветы почти сплошным ковром покрывают его и расцвечивают яркими красками. Травостой высок, и это обстоятельство удобно для охоты на перепелов. Выбрав подходящее место, вынимаю из рюкзака перепелиную сеть и, расправив, растягиваю полотнище по верхушкам травы луга.

Сети для ловли перепелов плетут из тонких и крепких льняных или пеньковых (суровых) ниток. Ячейки сети делают довольно крупными — около четырех сантиметров в диаметре, с расчетом, чтобы перепел легко просовывал в них голову. Площадь полотнища сети бывает самая различная, но не менее $3 \times 2,5$ м. Слишком большие сети неудобны, в слишком маленькие перепел может не попасться, обойдя их. Иногда сети окрашивают в зеленый цвет для маскировки, но это зеленение совершенно необязательно. Сеть из суровых неокрашенных ниток, растянутую в траве, бегущий и увлеченный голосом самки перепел никогда не замечает.

Раскинув сеть и проверив, чтобы нигде ее края не касались земли, вынимаю из рюкзака маленькую клетку с самкой-перепелкой, наливаю птице в поилку воду, бросаю немного проса и конопли и ставлю клетку в траву в полутора шагах от ближайшего ко мне края сети. Сам опускаюсь на землю, укрывшись за невысокой кочкой, еще

РАСТЯНУТАЯ ПО ВЕРХУШКАМ ТРАВЫ СЕТЬ, ПОД НЕЙ КЛЕТКА,
РЯДОМ САМЕЦ-ПЕРЕПЕЛ

шага за два сзади самки, достаю несколько перепелиных дудочек-«баек» и начинаю ждать. На лугу кое-где кричат перепела. Их немного. Моя перепелочка, перезимовавшая в клетке, выбравшись из темного рюкзака на свет, обирает свои перышки, чистится, охорашивается, выпивает несколько глотков воды и клюет корм, затем, встряхнувшись несколько раз и взмахнув крыльями, вытягивает шейку и начинает свою весеннюю призывную песнь. Проходит некоторое время, самочка с небольшими паузами все время повторяет свою песнь. Видимо, поблизости нет сидящих в траве луга самцов: ни один пока не отзывается на голос моей птички... Совершенно неожиданно, так что я вздрагиваю, шагах в сорока за сетью раздается громкое и высокое «хвать-вать-вать, хвать-ва-вать», из травы с шумом вылетает перепел-самец и летит ко мне. Не долетев до самочки шага три, он шлепается перед ней в траву и оказывается на сети у самого ее края. Под тяжестью севшей птицы сеть опускается, перепел запутывается в ней и начинает биться. Подбежав к перепелу, хочу вынуть его из снасти, но едва я протягиваю к нему руку, перепел сильно взмахивает крыльями, освобождается из сети и быстро улетает вдаль...

Через несколько минут моя перепелочка снова начинает петь. Проходит еще с полчаса. Наконец, сравнительно недалеко из травы доносится глухое «хва-ва, хва-ва», повторяющееся несколько раз подряд. Перепелочка, услышав приближающегося самца, распушила перышки,

присела в центре клетки и время от времени теперь уже как-то особенно нежно поет. Проходит несколько минут. Шагах в десяти за сетью начинаю замечать пригибающиеся травинки. Как будто бы по траве ползет змейка. Змейка все ближе и ближе. На мгновение среди раздвинутых стебельков растений показывается головка перепела. Не добежав шагов пять до сети, перепел останавливается, вытягивает шейку вверх и, иступленно, захлебываясь от азарта, хрипит свое «хва-ва, хва-ва». У него красновато-коричневый зоб, а на светло-сером горле, раздувшемся при крике, ясная продольная темная полоска. Перепелочка снова тихо-тихо свистит. Перепел опускает головку, и снова по траве вьется змейка. Вот начинают шевелиться травинки под сетью все ближе и ближе ко мне. Когда птица переходит середину сети, вскакиваю, бросаю в птицу шапку и бегу к ней. Перепел взлетает, запутывается в ячейх сети и бьется в них. Осторожно, чтобы как-нибудь не помять трепещущую птицу, вынимаю свою дорогую добычу.

Посидев еще некоторое время на старом месте, собираю сеть и перехожу поближе к лесу, где, как мне кажется, кричит больше перепелов... Солнце касается горизонта. Начинает темнеть. Над Колокшей в кустах лозняка запевают соловьи. У меня в мешочках уже три пойманных перепела. Над землей ползут темные тени. Видеть змейки бегущих птиц становится трудно. Охота окончена.

В том случае, если манная самочка-перепелка не желает подавать голоса или ее нет, перепелов ловят на специальные манные дудочки-байки. Конечно, ловля перепелов не очень мудрое дело, но при пользовании байками совершенно необходимо обладать музыкальным слухом, чтобы не фальшивить, издавая позывы. При малейшем фальшивом звуке бегущий перепел останавливается, некоторое время молча и не сходя с места прислушивается, а затем убегает. Однажды мы ловили перепелов на лугах у речки Ипуть в Брянской области. Был конец лета, самки перепелов сидели уже на яйцах, и самцы кричали и бегали в поисках своих подруг целыми днями. Однако байки, бывшие у нас, были не «настроены», мы фальшивили, и самцы, отзывавшиеся сейчас же на дудочку, пробегали в направлении нашей сети некоторое расстояние, но ни один из них к нам не подошел.

Самок для ловли берут только «сиделых», т. е. переживавших в клетке. Почти все самочки, обжившиеся в клетках и не боящиеся человека, в поле непременно начинают звать перепелов.

Настоящий знаток перепелиного боя, прежде чем поймать какого-нибудь перепела, будет неделями и даже месяцами каждую утреннюю и вечернюю зорю выходить в луга и поля слушать кричащих перепелов. Когда же, наконец, он услышит «дорогого» перепела, то только в этом случае разложит свою охотничью снасть и не уйдет домой, прежде чем не сделается обладателем нужной ему добычи...

В течение своих длительных охот всякого рода я имел, вероятно, до сотни и более перепелов. Большинство из них я ловил сам, некоторых покупал у ловцов. Среди моих перепелов всего раза два были выдающиеся птицы. Действительно замечательную птицу, «дорогого» в полном значении этого слова перепела, я слышал только однажды. Крик этого перепела был совершенно неподражаем. В нем причудливо сочеталась и удивительная мощь звука, и глубокие басовые ноты, и глухая «хрипль».

Часто к тем перепелам, которых ловил весной, я добавлял птиц, пойманных осенью. В сентябре, во время массового пролета перепелов на Северном Кавказе, много птиц ловят на улицах городов и многих также можно взять «руками» из-под стоек собак на охоте. Осенняя ловля помогла мне иметь в достаточном количестве самочек, которых иным способом доставать довольно затруднительно.

Криковых перепелов я всегда держал в обычных перепелиных клетках с мягким, обтянутым материей верхом, а самок и несколько самцов — в просторных садках. Изысканные спокойные птицы при таком способе содержания чувствуют себя хорошо, и наблюдать за их поведением, ссорами, беготней и способом «кушаться» в песке клетки очень интересно.

В среднеазиатских республиках существует особый вид охоты за перепелами, которая заключается в организации перепелиных боев, одного из самых распространенных видов спорта в Средней Азии. Перепелов в каждом кишлаке жители держат сотнями, и знаменитые бойцы ценятся очень высоко.

3. Певчая птица

Все виды охоты — с легавой собакой «по перу», с гончими по свежей пороше и по чернотропу, из шалаша с подсадной уткой или на весенней тяге лесных красавцев-вальдшнепов — всегда наполнены бесконечным количеством неповторимых, чудесных переживаний. Эти чувства и отразились в мудрой народной поговорке — «охота пуще неволи»; они побуждают охотников мокнуть часами под мелким осенним дождем, промерзнуть до мозга костей на зимних облавах, усталыми после охоты ждать на каком-нибудь маленьком полустанке ночи напролет попутного поезда. Невзгоды, усталость, огорчения проходят, о них не остается никаких воспоминаний, и только радость, испытанная на охоте, запоминается на всю жизнь. Восстанавливая в своей памяти картины прожитой жизни, описывая охоты и охотников, на одно из первых мест в этих воспоминаниях я должен поставить охоту за певчей птицей... Ни одна охота не дает так много знаний, навыков, умения понимать поведение животных, как ловля птиц.

«Старые птицеловы часто могут пристыдить ученого натуралиста своими знаниями; лес — школа, образовавшая их. Здесь они так долго смотрели и слушали, что у них наконец открылись внутреннее зрение и слух, и они достигли способности понимать язык природы с его тайнами и чудесами... Все они такие милые, задушевные люди, которые невольно приобретают дружбу каждого и для каждого находят слово, хоть простое, но приятное. Это слово они нашли на птичьей ловле; на птичьей ловле приобрели они особую натуру: частица леса вокруг их точка научила этих людей и сделала тем, чем они есть...» *

Охотников за певчей птицей надо отличать от просто любителей певчих птиц. Любители певчих птиц находят удовольствие в содержании их в клетках. Они ухаживают за своими питомцами, создают им максимальные удобства. В большинстве это люди, любящие природу, и «уголки природы» они вносят к себе в дом с чижами, снегирями, канарейками. Но это любители. Охотник — человек иного

* А. Э. Брэм. Жизнь птиц. СПб., изд. Д. Федорова, 1866, стр. 381.

склада и иного типа. Все свободные часы он проводит около своих птиц. Все интересы охотника в часы досуга связаны с его птицами. Он может говорить о них часами, помнит всех птиц, все особенности каждой в течение десятков лет. Он всегда обращается со своими птицами любовно и не находит себе покоя, если какая-нибудь из его птичек хворает...

Охотники за певчей птицей очень редко держат разных птиц. В большинстве в результате долголетней практики по содержанию птиц в клетках охотник «специализируется» на немногих видах певчих птиц и чаще на каком-нибудь одном виде. Среди охотников за певчей птицей есть «юлочники», держащие лесных жаворонков-юлок — одних из самых замечательных наших птиц, «соловьятники», признающие только соловьев, «охотники до дроздов», предпочитающие всем остальным этих птиц, и т. д. Пение птиц всегда в большей или меньшей степени индивидуально. Охотник, знаток напевов какой-либо птички, прежде чем выбрать ее для себя, должен прослушать несколько десятков птиц.

Настоящими «охотничьими птицами» в основном считаются соловьи, юлы, певчие дрозды, черноголовые славки, т. е. птицы, замечательные своим пением. В меньшей степени признаются зяблики, полевые жаворонки и некоторые другие птицы. Охотник, следовательно, охотится за песней птицы. В огромном большинстве объекты охоты — насекомоядные певчие птицы. «Пение насекомоядных птиц характеризуется гибкостью звуков, чистотой и мелодией, что собственно и предусматривается понимающими охотниками; чем богаче такая песня, тем сильнее она потрясает душу, и тем лучше птица», — так пишет о пении птиц один из наиболее известных охотников И. К. Шамов.

Однако в некоторых случаях и птицы, поющие весьма посредственно, но привлекательные по другим качествам, могут быть предметом охоты. Тот же И. К. Шамов пишет: «Чижик был именно другом моим; он и еще большая синица неоднократно заставляли меня поднимать голову в самые трудные минуты...»

Несколько особняком среди охотников за певчей птицей стоят «канареечники», разводящие канареек. Как правило, охотники за певчей «вольной» птицей несколько пре-

небрежительно относятся к канарейкам, считая их не стоящими внимания и почти не охотничьей птицей. Основание для такого отношения — полное одомашнивание наших канареек. В разведении их нет одного из важнейших моментов охоты за певчей птицей — ловли «вольных» птиц, их приручения, их побуждения к песне в неволе.

Поймка певчей птицы и содержание ее в клетке, — только одна сторона охоты. Не меньшее значение имеет сам процесс ловли «вольных» птиц, постоянные походы в луга, поймы рек, леса и дубравы, сперва в целях выслушать выдающихся певцов, а затем изловить их. Эта сторона охоты, не всегда доступная многим охотникам, живущим в больших городах, вообще наиболее привлекательна. У нас в стране птиц ловят главным образом осенью, зимой и в самом начале весны.

Осень. Ясный день «бабьего лета». Совершенно золотая листва берез, пурпурная — кленов, коричнево-бурая — осин особенно красочна на фоне темно-зеленой хвои елей и голубоватых игл сосен. В воздухе проносятся серебристые нити паутины; еще тепло пригревают лучи солнца. Чудесное время для ловли осенних пролетных птиц. Летят стаи зябликов, чижей, разрозненными группами по опушкам держатся различные виды дроздов...

Глубокая зима. В лесу лежат сугробы снега. Ветви сосен и елей сгибаются под пушистыми комьями его. Маленькие елочки, особняком растущие на опушках, сказочно прекрасны в своем серебристом зимнем наряде. Кое-где на опушках коралловыми пятнами на белом фоне краснеют деревца рябин, сплошь покрытые ягодами. В такие ясные морозные, зимние дни особенно хорошо ловить синиц, клестов, снегирей... Но, конечно, особенно чудесны весенние дни, когда пробуждается природа. Птицелов является свидетелем победного шествия весны, сопровождаемого появлением цветов, первым вылетом бабочек и, самое главное, прилетом птиц. В это время душа птицелова, все мысли охотника, все его интересы поглощены только птицами. При весенних ловлях забываются все невзгоды, заботы, житейские мелочи — охотник живет одной жизнью с природой. Долгие годы спустя вспоминает он неповторимые моменты такой ловли, вызывает из глубин своей памяти картины, виденные им.

КЛУШИЦА ГЕДДО И СОРОКА АРГО

Первое мое знакомство с Геддочкой произошло на маленьком базаре в крепости Хунзах, в Аварии.

Мы направлялись верхом из аула Хунзах в Андию и по пути завернули на базар крепости, чтобы купить себе на дорогу абрикосов и ячменных лепешек. На базаре я обратил внимание на мальчика-аварца с молодой клушицей в руках. Переговорив с молодым человеком при помощи добровольных переводчиков, я приобрел клушицу в полную собственность, узнав, что по-аварски эта птица именуется «гед-до»; ими понравилось мне, и клушица с тех пор стала называться Геддочка.

Птица была совсем еще молоденькой. Ее клюв был еще грязного оранжево-серого цвета, и оперение не имело металлического блеска.

Прежде всего я освободил Геддочку от веревок, которыми были связаны ее лапы и крылья, и устроил мою новую спутницу в корбке на луке седла впереди меня. Клушица чувствовала себя очень неважно, хохлилась и была совершенно безучастна ко всему окружающему.

Клушицы, или альпийские вороны, принадлежат к обычным на Кавказе птицам. Обитают они начиная от скалистых предгорий передовых хребтов вплоть до перевалов и предпочитают селиться в широких горных долинах, окруженных каменистыми обрывами и кручами. Красивые красноклювые птицы прекрасно уживаются с человеком, часто устраивают свои гнезда в непосредственной близости от высокогорных аулов и, подобно нашим грачам и галкам, летают на вспаханные миниатюрные огороды и поля горцев, следуя за плугами и собирая на вывороченных пластах земли червей и личинок насекомых.

На привале я накормил Геддочку тем, что у нас было. Сперва неохотно, а потом, войдя во вкус, птица с удовольствием съела немного размоченного в воде хлеба и закусила его тонкими ломтиками вареного мяса. В продовольствии для моей клушицы недостатка не было. Мы коллективировали птиц, и мясо, освобождаемое при снятии шкур, предлагалось ей. Однако Геддочка сырое мясо брала весьма неохотно, предпочитая ему даже ячменные лепешки. Во избежание попыток к бегству я подрезал клушице маховые перья на одном из крыльев, но никакими путями ее не обременял. К вечеру, несколько освоившись с

необычным и весьма неудобным для нее способом передвижения, Геддочка немного повеселела — перестала прятать голову под крыло и зорким глазом смотрела вокруг.

Через несколько дней, испытав различные виды транспорта — езду верхом, в повозке и в поезде, — Геддочка была привезена на место своего постоянного с этих пор обитания — во Владикавказ. Я довез птицу к себе домой не только в полной сохранности, но в значительно лучшем состоянии, чем она была у аварца в Хунзахе.

У меня было довольно много птиц. Сперва я поместил Геддочку в просторную клетку, стоящую на застекленной веранде, где жили и все мои остальные птицы. Геддочка безропотно покорила необходимость сидеть целыми днями в тесном помещении, но ей было скучно, она с радостью встречала людей, подходивших к ней, взмахивала крыльями, кричала, совала свою голову в руки...

Мне стало жаль доверчивую ручную птицу, и я выпустил ее в сад. Сад при доме, где мы жили, был небольшой, очень тенистый, окруженный со всех сторон высоким кирпичным забором. Единственная опасность, угрожавшая Геддочке в саду, были наши охотничьи собаки, а иногда и кошки, забегавшие туда. Скоро выяснилось, что опасаться за Геддочку не приходится. С собаками она сумела быстро подружиться, они не обращали на нее никакого внимания. С кошками дело обстояло иначе; едва на заборе появлялась какая-нибудь из этих ненавистных каждому любителю птиц существ, как Геддочка поднимала такой отчаянный гвалт и крик, что он был слышен за целый квартал. Кто-нибудь из моих домашних выбегал в сад, и кошка немедленно изгонялась.

Геддочка доверчиво относилась ко всем без исключения, но ее особенной любовью пользовался я. Стоило мне выйти в сад, как клушица, где бы она ни была, сейчас же мчалась навстречу, взмахивая своим подрезанным крылом. Если я садился на садовую скамейку, Геддочка сейчас же забиралась ко мне на колени, втягивала шею между плеч и могла долго сидеть в таком положении. Она очень любила, чтобы ее гладили по затылку и спине; при этом клушица полузакрывала глаза от удовольствия. Брать себя в руки Геддочка не позволяла никому. Стоило взять и приподнять ее, как она начинала отчаянно вырываться, клевалась, болтала и царапалась ногами и кричала диким голосом.

КЛУШИЦА ОКОЛО СПЯЩЕЙ СОБАКИ

Однажды она сидела, греясь на солнце, на заборе сада, выходящем на улицу, и сладко дремала. Проходившие мимо ребята схватили птицу, но Геддочка так отчаянно завопила, что в сад и на улицу выскочили не только мы, но и соседи, клушица была отобрана у похитителей.

Летом наша семья часто обедала в саду. Во время обеда Геддочка являлась к столу, взбиралась на спинку стула и жадными глазами следила за каждым кусочком, подносимым ко рту. Конечно, много лакомых кусочков перепало и ей. Клушице доставляло особое удовольствие самостоятельно добывать себе пищу. Целыми часами она ковыряла клювом землю в сырых уголках сада, выискивая земляных червей, гонялась за бабочками (чтобы она глотала их, я не видел) и однажды долго преследовала и заклевала лягушку, забравшуюся в сад. Видимо, известное сходство с самостоятельным процессом добывания пищи Геддочка видела в вытаскивании из наших карманов или из-за обшлагов кусочков съестного.

Прошло лето. В сентябре Геддочка перелиняла. Ее оперение приобрело красивый синий металлический блеск взрослых птиц, клюв стал малиново-коралловым. С появлением первого снега я перестал выпускать Геддочку в сад. На веранде, где она летом проводила ночи, я отвел ей уголок на подоконнике. Здесь, почти никуда не слетая, Геддочка сидела целыми днями и смотрела через окошко в сад, оживляясь, если кто-нибудь подходил к ней.

Свободно передвигающаяся по веранде клушица могла беспокоить остальных птиц, находящихся в клетке.

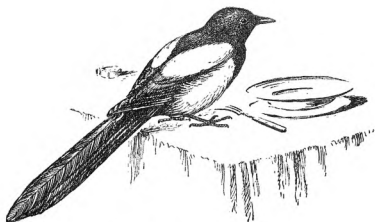
Геддочка в этом отношении оказалась выше всяких похвал. Птицы для нее не существовали. Она не только не трогала и не беспокоила их, но даже избегала подходить к ним. Геддочка была очень молчалива. Очень редко, или будучи голодна, или соскучившись, она начинала издавать свое мелодичное «ки-а-а», совершенно не похожее на ее отчаянные крики при виде кошек или при попытках взять ее в руки.

Кормили мы Геддочку самой разнообразной пищей, но особенно любила она яичницу. Когда ей попадало это лакомство, она старательно и аккуратно собирала со стенок кормушки мельчайшие кусочки, прилипшие к ним. Геддочка вскоре сделалась любимицей всей нашей семьи. Каждый старался подойти к клушице, приласкать ее, принести ей чего-нибудь вкусного.

Весной, когда стаял снег и сад подсох, я снова днем начал выпускать в него Геддочку. Выскочив в первый раз после зимнего перерыва на свободу, клушица обегала все закоулки, поковыряла клювом почву у забора, пощипала вылезающие из-под земли весенние травинки и, увидев натекшую из водосточной трубы лужицу, с наслаждением выкупалась.

Приближалась первая годовщина пребывания у меня клушицы. Однажды летом, возвратившись домой, я вышел в сад, чтобы посмотреть на птицу и приласкать ее. Меня удивило, что Геддочка не бежит навстречу и не слышно ее приветственного карканья. Обеспокоенный, я принялся за розыски и обнаружил, что птица утонула. Геддочка захотела выкупаться и влезла в деревянную бочку, стоявшую под желобом в саду. Воды было много, птица намочка и не смогла выкарабкаться по крутым, отвесным стенкам бочки. Возможно, что она кричала, призывая на помощь, но никто не слышал криков погибавшей Геддочки...

История ручной сороки Аргошки носит совсем иной характер. У меня много раз жили ручные сороки, которых я доставал из гнезд полуоперившимися птенчиками и воспитывал. Некоторые из них жили подолгу, другие погибали от разных причин довольно скоро, но ни одна из моих сорок не была даже приблизительно похожа на замечательную Аргошку, которую знали все наши друзья и которая была в своем роде знаменитой сорокой. Арго попал

СОРОКА НА ОБЕДЕННОМ СТОЛЕ

к нам только что оперившимся птенчиком, не умеющим летать. Я взял его на свое попечение и пустил в нашу кухню-столовую. На кухне сорочонок делал все, что ему вздумается. Вначале все шло хорошо. Аргошка облюбовал себе в кухне один угол и большую часть времени проводил в нем. Когда мы завтракали и обедали, он криком обращал на себя внимание и получал подачки. Кормили мы сорочонок тем, что ели сами. Привыкнув к комнате и к нашему присутствию в ней, сорочонок перестал быть пассивным наблюдателем. Едва мы сели за стол, он вылезал из своего угла, забирался на спинку стула и из-за плеча очень ловко хватал с тарелок все, что его привлекало. За такое поведение Аргошку заключили в очень просторную клетку, стоявшую в кухне. Эта клетка сделалась постоянным местом обитания сороки, и она прожила в ней девять с лишним лет.

Арго вырос и перелинял в яркое оперение взрослой сороки. С течением времени он научился говорить разные слова.

В древнем Риме сороки были одними из обычных птиц, содержащихся в клетках. Клетки с этими птицами римляне помещали в вестибюлях своих домов, и сороки провожали уходящих посетителей прощальным римским приветствием «Vale!».

Наш Арго не провожал уходящих, но произносил до десяти-двенадцати слов, хотя специально никто его говорить не учил. Некоторые из слов Арго произносил вполне ясно и отчетливо, гораздо отчетливее, чем живший у нас одновременно с сорокой «говорящий» зеленый амазонский попугай. При произношении других слов, очевидно, более трудных для сорочьего языка, Аргошка несколько картавил и шепелявил. Вот часть слов, произносившихся сорокой: «Арго, Аргошенька», «Фрам!», «Мира!» (клички наших собак), «Але», «Ма» или «Мама!», «сюда!», «кушать» и т. д. Произнесение некоторых слов всегда сопровождалось дополнительными звуками. Например, крикнув «Мира» или «Фрам», Аргошка начинал цокать и подсвистывать так, как обыкновенно подзывают собак. В произношении других слов он артистически подражал интонациям голосов моих домашних, так что трудно было понять, кричит ли это сорока или говорит кто-либо из членов семьи. Кроме того, Аргошка научился свистеть, подражая свисту моих сыновей. Свистеть ему особенно нравилось. По утрам, позавтракав и выкупавшись, Аргошка приходил в благодушное настроение и, взобравшись на верхнюю жердочку своей клетки, начинал «петь» — тихо покаркивать на разные голоса, затем следовали свисты, издаваемые в разных тонах, потом Аргошка вполголоса говорил, нежно повторяя «Арго, Аргошенька», снова покаркивал, свистел и т. д.

Арго был абсолютно ручной птицей, не боявшейся ничего из членов нашей семьи, но к некоторым он относился без должного уважения. Как я уже говорил, Аргошка обожал купаться. Эта любовь сороки к воде доставляла нам много хлопот. Никак нельзя было добиться, чтобы в его клетке сохранялась в пойлушках чистая вода. Стоило налить воду в любой сосуд и поставить ее в клетку, как чистоплотная птица тотчас же расплескивала ее.

Если корм ставили в клетку в большем, чем требовалось, количестве, Аргошка вытаскивал кусочки из кормушки и рассовывал их по уголкам своей клетки в песок, насыпанный на ее дно, в щели между створкой дверцы, в отверстия от гвоздей на бортиках. Иногда Аргошка пользовался своими запасами, но чаще забывал про них.

Слух у сороки был очень тонким. Стоило кому-либо подойти к входной двери (комната, в которой стояла клет-

ка с сорокой, находилась рядом с прихожей), прежде чем раздавался стук в дверь, Аргошка начинал громко кричать. В этом отношении он намного превосходил живших в комнатах охотничьих собак и был прекрасным сторожем.

Если у нас по вечерам бывали гости, Аргошка никогда не спал. Сорока прыгала оживленно по клетке, свистала, каркала, твердила свои любимые слова «Арго, Аргошенька», всячески стараясь привлечь к себе внимание, и, конечно, получала угощение. «Говорящая» сорока была всеобщей любимицей.

Арго ежегодно линял. В силу каких-то неизвестных мне причин этот процесс проходил у нашей сороки чрезвычайно замедленным темпом, и месяца на полтора-два облик Аргошки становился весьма непривлекательным и каким-то скорбным. Особенно долго не возобновлялись перья на затылке и темени, и наш Аргошка становился месяца на два «классически лысым».

В комнате, где жила сорока, помещалось в клетках очень много всевозможных певчих птиц, наполнявших комнату благодаря своему немолчному нению громким гономом. Аргошка, не желавший отставать от своих сожителей, бывал непременным участником хора. Он каркал, свистел, стрекотал, стараясь перекричать других.

Наших собак Арго не боялся, но относился к ним с опаской и недоверчиво. Если собака подходила к клетке слишком близко, сорока на всякий случай залетала на верхние жердочки и оттуда поглядывала на нее, ожидая подвоха. Если же собака присаживалась около клетки, то Аргошка всегда норовил исподтишка через проволочную сетку клюнуть ее. После щипка собака, огрызнувшись, уходила подальше от вредной птицы...

Аргошка прожил у нас девять лет и завоевал полные права члена нашей семьи. Все любили, баловали и никогда не обижали умную птицу. Умер Арго от старости. Прожив свою сорочью жизнь с самого начала и до конца в нашей семье, он на девятом году одряхлел, стал плохо видеть, не оживлялся, когда подходили к клетке и разговаривали с ним, почти перестал болтать и свистеть. Его смерть опечалила нас всех, и мы до сих пор помним нашего белобокого, веселого и занимательного пернатого друга, а все сороки имеют теперь у нас нарицательное, общее имя «аргошек».

ДРОФА

В начале июня 1928 г. я коллектировал птиц в самом центре прикаспийских степей Предкавказья. База нашей экспедиции находилась в восьмидесяти километрах от города Кизляра, в степях.

Однажды с наступлением рассвета я выехал в степь на маленькой двухколесной арбе, запряженной одной лошастью, с целью застрелить «с подъезда» несколько крупных степных птиц, которые были нужны Дагестанскому музею. Кроме возницы, в арбе поместился мой восьмилетний сын Игорь.

В конце мая и в первых числах июня наши предкавказские степи особенно привлекательны. Летнее горячее солнце еще не успевает выжечь степную растительность, и степи находятся в разгаре цветения. Далеко-далеко на плоской поверхности видны светло-зеленые кусты пребеншиков, сплошь покрытые розовыми цветами разных оттенков, ярко-зелеными пятнами выделяются среди серо-голубой полыни гривки низких тростников, растущих на впадинах; фиолетовыми и голубыми цветами пестрят степные ирисы, чернеют площадки темно-зеленой солодки. Воздух напоен запахом полыни, ароматами душистых степных трав. Разливаются трели бесчисленных жаворонков, тихо чирикают стайки пролетающих тиркушек, как будто бы касаясь травы длинными крыльями, проплывают белые луни. Высоко в небе, высматривая сусликов, неподвижно парят степные орлы.

Мы медленно колесили по степи уже несколько часов, постоянно останавливаясь, присматриваясь к появляющимся на горизонте фигурам степных журавлей, прислушиваясь к глухому треску токующего стрепета...

Сегодняшний выезд был удачен. В ящике арбы лежала пара застреленных дроф, степной орел и несколько жаворонков. Приближался полдень, и становилось жарко. Пора было возвращаться. Мы повернули арбу и тихо ехали по степи. Дороги не было, и наша лошадка шагала по целинной степи, иногда меняя свой аллюр на некрупную рысь...

Впереди арбы, вспугнутый подъезжающим экипажем, из кустарников невысоких кермеков вышел дрофич и, не взлетая, опустив крылья и приподняв «крышей» хвост, не спеша пошел перед нами. Мы продолжали ехать своей до-

рогой, не пытаясь ни подъехать, ни выстрелить по нему. Пара дроф у меня уже была, и этот дрофич в данный момент никакого интереса не представлял. Дрофич, однако, медленно шагая, продолжал идти и идти впереди арбы, никуда не желая сворачивать в сторону. Мы подъехали к птице шагов на пятьдесят, и я остановил арбу. Дрофа остановилась также. Возница стал просить меня застрелить и эту дрофу. Я не соглашался и приказал ехать дальше. Тогда возница стал просить дать выстрелить по дрофе Игорю. Мальчик молчал и только смотрел на меня умоляющими глазами. Подумав, я согласился.

Переложив в ствол ружья патрон с крупной дробью, передал тройник сыну. Ружье было и слишком тяжело и слишком велико для восьмилетнего мальчика. Игорь стал на колени в ящике арбы, положил тройник на борт повозки и стал прицеливаться, с трудом поворачивая ружье в направлении медленно идущей птицы.

Раздался выстрел. Ружье при отдаче толкнуло в плечо Игоря, но он и не почувствовал этого. Признаться, я никак не ожидал такого эффекта. Огромная птица упала в траву и забила по земле крыльями. Игорь кубарем скатился с арбы и бросился к своей добыче. Схватив дрофича за шею, он силится приподнять его, но птица была так велика, что мальчик смог только волоком притащить ее к арбе. Глазенки Игоря искрились от счастья, и удовлетворенный «охотник» радостно смеялся. Я был доволен не меньше сына его охотничьим успехом.

Вечером, когда за ужином собрались все члены нашей группы, состоящей человек из десяти, основной и почти единственной темой разговоров была «дрофа Игоря». В дальнейшем, когда кто-нибудь из нас неудачно стрелял по нужной нам птице, ему всегда и непременно приводился в пример «знаменитый стрелок» Игорь, сумевший в восемь лет застрелить одну из самых крупных и осторожных наших птиц.

ОХОТНИЧЬИ ТОВАРИЩИ

Охотники знают, что успех охоты зависит не столько от умения стрелять, от качеств дорогих ружей и количества дичи, сколько от работы собаки, необходимого спутника охотника.

У меня, как и у каждого охотника, за сорокалетнюю охотничью жизнь перебывало много собак. Будучи преимущественно «охотником по перу», я имел только подружейных легавых собак. Из общего количества собак, с которыми я охотился, очень немногие заслуживали того почетного наименования — охотничьих товарищей, о которых следует вспомнить.

В нашей семье постоянно были охотничьи собаки. Отец держал пойнтеров. Он был очень занят работой, охотился редко, и собаки, предоставленные сами себе, в большинстве случаев особенными качествами не отличались. Охотиться я начал лет девяти, а «настоящие» охоты начались в возрасте двенадцати лет, когда мне было подарено настоящее охотничье ружье центрального боя.

В первые годы охоты у меня неоднократно были охотничьи собаки. На «собственных» собак мне не везло. Собаки охотников, с которыми я бывал на охоте, обладали чутьем, находили, приносили дичь — мой же или не имели никакого чутья, или, носясь как сумасшедшие, распугивали птиц. Охота с такими собаками доставляла мне сплошные огорчения. Из этих первых собак мне особенно памятна одна — очень красивая породистая кофейно-пегая сука-пойнтер по кличке Мышка. Мышка была подарена мне уже взрослой «натасканной» собакой — лет трех-четырёх. Основной чертой характера Мышки была полная самостоятельность. Когда я бывал на охоте, она сопровождала меня лишь до места. В тот момент, когда надо было начинать искать дичь, она меня покидала. Время от времени где-то на горизонте я видел вспугнутых Мышкой вальдшнепов, подходя к болотам, мог издали смотреть на поднимающихся с хриплыми криками бекасов. Если мы бывали на охоте в лесу, то через каждые 15—20 минут на несколько мгновений появлялась Мышка, чтобы выяснить, в каком направлении я иду, и скрывалась снова. Нужно было проявлять очень много предприимчивости и изобретательности, чтобы, не будучи замеченным собакой, самому выгнать дичь и выстрелить по ней... Остальные мои собаки были приблизительно такого же типа.

Я был уже студентом, когда летом 1914 г., в начале империалистической войны, один мобилизованный в войска охотник-промысловик предложил мне перед отъездом купить у него собаку. Собака, по словам хозяина и охотни-

ков, знавших ее, была хорошей. Купленный мной пес был беспородный желто-пегий сеттер лет пяти-шести, по кличке Тюльпан. Я стал называть его просто Паном, и с этим именем пес вскоре заслужил всеобщую известность среди моих товарищей-охотников.

Прошло с тех пор много лет, у меня было много собак, но лучше Пана не встречал ни одной. Сама внешность его была замечательна. Сравнительно короткая морда собаки поднималась вверх огромным выпуклым лбом (такого большого и крутого лба у собак я никогда не видел). Пан обладал исключительным для собаки умом. Он понимал процесс охоты, знал, где надо искать дичь, и твердо усвоил, что добыть птицу мы можем только совместными усилиями. Поэтому Пан никогда не бегал зря, не искал дичи, если я располагался на привале, а спокойно лежал подле меня. Он прекрасно знал все места наших обычных охот и старался заходить к дичи с подветренной стороны. Благодаря этому он почти никогда не вспугивал и не сгонял птиц. При охоте на вальдшнепов, держащихся на осенних пролетах в густых хмельниках, пес, сделав стойку и увидев, что я подошел и приготовился стрелять, осторожно обходил вокруг птицы и старался выгнать ее на меня. Поиск у него был не быстр, но он не «ковырялся», как говорят охотники. Некрупной рысью, всегда одним и тем же аллюром он бегал впереди меня, не пропуская ни одной птицы. Иногда при охоте на открытых болотах Пан убегал от меня очень далеко. Однако при первом свистке он возвращался. Я не принадлежу к числу замечательных стрелков, но при охоте с Паном в больших компаниях я всегда убивал больше дичи, чем остальные. Этим я был обязан исключительно собаке, находившей птиц несравненно больше остальных собак. Пан был идеальной собакой охотника-промысловика, которая могла без усталости работать по пять-шесть суток подряд. При охоте на серых куропаток приходится искать дичь в холмистой пересеченной местности, заросшей густыми колючими терновниками, при полном отсутствии воды. В самые жаркие летние дни Пан работал целыми днями, тогда как другие собаки выдыхались через три-четыре часа. Пану не надо было носить воду во фляжке — достаточно было расколоть ему на бахче арбуз (а бахчи на Северном Кавказе имеются всюду), и он утолял им жажду на несколько часов.

Много мы с Паном исколесили пространство, много повидали и настреляли дичи — охотились на фазанов и перепелов, на уток и бекасов, на кавказских тетеревов и горных курочек. Понимая охоту, Пан всегда признавал мой авторитет в этом деле. При самом большом количестве дичи, вырывавшейся из-под его ног чуть ли не при каждом шаге, моего приказания, отданного вполголоса, было достаточно, чтобы пес, уныло понутив голову, шел сзади меня, не пытаясь выбежать вперед. С ним можно было подкрадываться без опасения, что собака вспугнет птиц раньше времени, и к севшим на водоем уткам и к стаям пролетных авдоток, пасущимся в открытой степи. Скажешь псу «назад», ползешь пригибаясь к земле в направлении дичи, и пес, тоже пригибаясь, ползет сзади...

Однако у Пана было два «ужасных» с точки зрения «академических правил» натаски подружейных собак недостатка. Он всегда и непременно гонял голосом зайцев (чему, я думаю, научил его первый хозяин, охотник-промысловик) и не выгонял, а «ловил» коростелей и болотных курочек. Если при охоте на болоте Пан после стойки по приказанию не выгонял дичь, а, уткнув нос в траву, лапами захватывал что-то, бегущее перед ним, для меня было ясно, что это дергач или погоньш. Я прощал моему любимому псу эти слабости, никогда за них не наказывал и не пытался отказать ему в удовольствии погонять с шумом зайца или с торжеством принести мне коростеля, добытого без моего участия...

Чтобы закончить характеристику Пана — несколько слов о его качествах, не имевших прямого отношения к охоте. Дома Пан всегда бывал мрачен и угрюм. Он не прыгал и не ласкался ко мне. Единственное проявление нежности, которое он позволял, было подойти ко мне и положить голову на колени. По отношению к другим собакам он также держал себя вполне безразлично. Никогда не начиная ссор, он не допускал и слишком вольного к себе отношения, сразу же задавая трепку слишком назойливым собратьям. Пан прожил у меня около десяти лет и умер в глубокой старости, в последний год жизни уже не охотился, а лежал целыми днями на солнце.

После того как Пан постарел и потерял возможность сопровождать меня в моих зоологических поездках и постоянных охотах, в продолжение ряда лет у меня появля-

лось несколько собак, но все они даже отдаленно не напоминали Пана и не могли заменить его. Наконец, года через три-четыре после смерти заслуженного пса я купил себе щенка, которого назвал Фрамом. Чистокровный поинтер с полной прекрасной родословной, Фрам был очень красив изяществом своих движений, гармоничной пропорцией фигуры.

Вся премудрость домашней дрессировки охотничьей собаки была преподана щенку совместными усилиями. До осени, когда Фраму исполнилось полтора года, и он должен был начать свое «первое поле», молодой пес ни разу не был выведен на полевую натаску и дичи не видел. В начале августа, когда начался охотничий сезон, а с ним охота на перепелов, я в первый раз повел Фрама на охоту. Оказалось, что мой пес не оправдывает ни времени, потраченного на его дрессировку, ни надежд, возлагавшихся на него. Фрам с азартом гонялся за всеми пролетавшими бабочками, проделывал картиннейшие стойки на ящериц и с трудом был оттащен мной от увлекательного занятия — выкапывания из норы забежавшей туда полевки. На перепела, случайно вылетевшего у него из-под ног, пес только посмотрел безразлично, приподняв уши...

В сентябре я на несколько дней куда-то уехал. Под Владикавказом в эти дни шел массовый пролет перепелов. Старик-отец выбрался на охоту и взял с собой Фрама. Когда я возвратился, мне рассказали, что на охоте пес проявил блестящие способности и вел себя как хорошая, опытная охотничья собака.

Через несколько дней я отправился на охоту с Фрамом. Оказалось, что молодой пес действительно работает выше всяких похвал. Перепелов в этот день было немного. Постоянные взлеты птиц, как это происходит при валовом пролете, не мешали работе собаки. Почувяв перепела, как правило, верхним чутьем, Фрам осторожно, едва переставляя лапы, тянул, подходил к затаившейся птице и замирал на стойке. После выстрела он никогда не срывался за перепелами, а убитых птиц, не тиская зубами, приносил мне и по требованию сейчас же отдавал. Чужой собаки я с этого дня больше не просил и всю осень проохотился с Фрамом. Раздумывая над этим чудесным превращением никуда не годной собаки в первоклассную, я полагаю, что единственное объяснение может быть следующим. В мой

первый выход молодой пес, никогда до того времени не видевший дичи, не «уразумел» своих инстинктов, которые и направил на преследование всего живого. При втором выходе, когда перепелов была масса, во Фраме пробудились инстинкты, унаследованные от ряда поколений полевых охотничьих собак. Сказалась «кровь», как говорят охотники, или проявились, выражаясь иначе, «рефлексы безусловного порядка». Основным, блестящим качеством Фрама было верхнее чутье, особенно проявлявшееся при охоте на вальдшнепов. По ветру, пробегая возле зарослей кустарников, Фрам всегда безошибочно на очень далеких расстояниях чуял дичь и всегда верно тянул. «Пустых» стоек у него почти не бывало. Вторым достоинством собаки был красивый поиск, типичный для пойнтера, во время которого, почуяв птицу, пес останавливался при полном беге, часто поворачивался в воздухе и окаменевал на стойке...

В следующую осень замечательные полевые качества возмужавшей в течение года собаки проявились полностью. В нем, конечно, не было ума, знаний дичи и опыта старика Пана, но по стилю работы и по красоте ее он превосходил сеттера...

...Однажды в самом начале второго поля в своей жизни, через несколько дней после возвращения с охоты по бекасам, Фрам захворал. Он лежал в своем ящике, безучастно следя глазами за двигающимися по комнате, отказывался от лакомых кусочков. Болезнь не проходила ни на второй, ни на третий день. Я пригласил ветеринарного врача. Специалист внимательно осмотрел собаку и сообщил, что положение ее безнадежно. Время лечения упущено, у Фрама пироплазмоз, и ничего сделать нельзя. Через пять дней после наступления болезни Фрам умер. Я решил воздержаться от приобретения новой собаки, которая все равно ни при каких условиях не смогла бы заменить Пана и Фрама...

Прошло года три. Не имея собаки, я почти не охотился. Что за охота без собаки? Наступали осенние дни разгара северокавказских охот, знакомые ездили за фазанами, вальдшнепами, бекасами, а я сидел дома или изредка выбирался с ружьем, чтобы поколлектировать птиц или случайно подстрелить утку либо чибиса. Без собаки становилось невмоготу, и я обратился за помощью к друзьям

СПАНИЕЛЬ

с просьбой подыскать для меня кровную собаку, натасканную и имевшую какие-либо гарантии полевых качеств. При помощи друзей-охотников мне была предложена «кофейно-пегая в крапе» (как было написано в ее родословной) Мира породы континентальных легавых. Мира имела несколько больших серебряных медалей на выставках в Москве и диплом, полученный на полевых испытаниях; ей было всего пять лет. Данные о собаке вполне удовлетворили меня, я съездил в Москву и привез ее к себе на Северный Кавказ; с осени того же года я возобновил свои постоянные охоты.

Несмотря на знаменитое происхождение, медали и диплом, Мира была по существу хорошей, но не выдающейся собакой. Пройдя «высшую школу» егерской натаски, Мира ложилась после взлета дичи и выстрела (мне это было абсолютно не нужно); она, как этого требует «высшая

школа» для подружейных собак, не приносила убитой дичи (я бы хотел прямо противоположного), но была послушна, обладала вполне приличным чутьем, хорошим поиском и крепкой стойкой. У Миры не было ни исключительного ума беспородного ублюдка-сеттера Пана, ни изумительного верхнего чутья и блистательного поиска полуторарагодовалого щенка Фрама. Привыкшая к «воскресным» охотам в условиях Подмосковья, Мира скоро «сдавала» при охотах на Кавказе. Ей бывало слишком жарко при охоте на куропаток и горных курочек, она старалась сторонкой обходить колючки терновников и лоха при охоте на фазанов; она изнемогала, скользя и падая на маслянистых листьях и перепутанных ветвях стелющихся рододендронов при охоте на кавказских тетеревов. Работе Миры мешала также чересчур крепкая стойка, с которой собаку надо было сталкивать, пробираясь к ней, так что зачастую фазан успевал убежать от собаки шагов на сто — сто пятьдесят, и его снова надо было разыскивать в тернах и тростниках. Несмотря на это, я привязался к собаке из-за ее покладистого нрава, добродушия и какой-то особой «культуриности». С ней было очень приятно охотиться на легкую дичь — вальдшнепов, дупелей, перепелов.

Однако не эти охотничьи качества заставили меня ценить Миру не менее Фрама и Пана, а ее безграничная любовь и преданность мне, хозяину, которого она впервые увидела взрослой, пятилетней собакой. Когда я отлучался из дома, Мира все время ожидала меня, прислушиваясь к каждому стуку, выбегая на каждый звонок. Если я садился работать, она помещалась рядом и могла сидеть часами, положив голову мне на колени. В первое время после появления у нас Миры мой отец несколько раз брал ее на охоту. Это оказалось совершенно безнадежным предприятием, так как она искала меня. Одиннадцати лет от роду, будучи пожилой, но еще не старой собакой, она погибла из-за этой привязанности ко мне.

Мне пришлось уехать на длительный промежуток времени из дома. Когда я вернулся, Миры уже не было. Родные рассказали, что после моего отъезда, недели две-три Мира грустила, искала и ждала меня, лежа под моим письменным столом. Я все не возвращался. Собака почти перестала есть, часто скулила, похудела. Однажды утром

нашли ее труп на ее обычном месте — под письменным столом уехавшего хозяина...

После смерти Миры у меня не было охотничьих собак. Я перестал охотиться. Болезнь не позволяла мне совершать даже коротких экскурсий. В эти годы мой старый друг С. С. Туров подарил мне щенка коккер-спаниэля, названного нами Дарлинг. Вскоре чужое имя Дарлинг было заменено более ласковым и простым именем Даша. Это очаровательная, озорная, ласковая собачонка. Даша — баловень всей нашей небольшой семьи. Ей разрешается делать все, но она никогда не употребляет во зло это разрешение. Ее характер — соединение лукавства и добродушия. У Даши всегда хорошее настроение. Собачка никогда не сердится и никогда не обижается. Этого нельзя сказать об ее отношении к чужим. Посторонних Даша не любит, с задором лает на приходящих к нам, а на улице облаивает всех встреченных ребят. С редкой злостью она бросается на всех собак, попадающихся ей во время прогулок, и всегда прогоняет их.

Даша любит всех членов нашей семьи, и трудно определить, кого больше. Она умна, сообразительна и мила той особенной привлекательностью, которая унаследована ею от поколений ее предков — чистокровных спаниэлей, одних из наиболее культурных и высокоодаренных собак. Даша на охоте не бывает, как не бываю и я, но мне она в настоящее время заменяет одновременно всех моих любимых охотничьих товарищей. Я нахожу у нашей Даши признаки ума Пана, изящество и талантливость Фрама, нежность и добродушие Миры. Лучшего подарка мне, старому охотнику, мой друг не мог сделать, и мое охотничье сердце принадлежит Даше.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
<i>В степях и сопках Центрального Казахстана</i>	5
Четыре времени года	5
Поездка в сопки	19
Черный жаворонок	35
Розовый скворец	42
Киргизская горная чечетка	50
Джунгарские хомячки	56
Воробьи	61
<i>По высотам, ущельям и равнинам Каенана</i>	67
Ночь у Девдорака	67
Охота на туров	76
«Город мертвых» у селения Даргавс	85
В ущельях горы Мат-Лоом	92
Весенняя охота на вальдшнепов	100
Турачи	106
Гребенчуковые песчанки	114
Слепыши	118
<i>Воспоминания и встречи</i>	127
Препараторы П. И. Жуков и В. А. Селегеновко	127
Охотничьи товарищи	137
Клушица Геддо и сорока Арго	155
Дрофа	162
Охотничьи товарищи	163

Лев Борисович Веме

Записки натуралиста

*
Утверждено к печати редколлегией научно-популярной литературы Академии наук СССР

Редактор издательства В. И. Вяземцева. Художник Л. Рабицау

Технический редактор И. Н. Дорохина

РИСО № 43—15В. Сдано в набор 17/VI 1960 г.

Подписано к печати 16/IX1960 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5,37=9,88 усл. печ. л.

Уч.-издат. л. 8,4 Изд. № 4774. Тип. зан. № 896 Т-10591. Тираж 35.000 экз.

Цена 2 руб. 50 коп., с 1/I 1961 г. 25 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, В-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Цена 2 р. 50 к.

С 1/1-61 г. 25 коп.